

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (6) / 2017

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2017

№ 3 (6) / 2017 / СЕНТЯБРЬ. Выходит не менее четырех раз в год.
Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе
Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки	10.01.00 Литературоведение
09.00.00 Философские науки	10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки	

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

О.Е. Баксанский, доктор философских наук, профессор Института философии РАН,

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В.Бабушкина,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Н.Б. Розова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ,

Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ

Переводчик

Ю.Н. Драчёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

ISSN 2500-2457

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

Содержание

<i>Ильина Е.Н.</i> НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: МНЕНИЕ РЕДАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА	5
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Кириллова А.Н.</i> ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО ДОЛГА РФ В ГЕРМАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ РАБОТЫ «КРАСНО-ЗЕЛЕНОЙ» КОАЛИЦИИ (1998–2005 гг.)	7
<i>Столетова А.С.</i> КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ С ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИЕЙ В 1950–1960-е гг.	10
<i>Черкасова М.С.</i> НОВЫЙ ИСТОЧНИК ИЗ АРХИВА ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА XVII в.	15
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
<i>Овчинников О.В.</i> НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НАУКИ: ГОРИЗОНТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА?	19
<i>Ульянкина Т.И.</i> К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА: СТАТИСТИКА, ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ	23
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Калягина Е.Ю.</i> ОБРАЗ ЦВЕТУЩЕГО САДА И ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ С.Н. МАРКОВА	27
<i>Урюпин И.С.</i> ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО <i>МИРА</i> В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.К. ВОРОНСКОГО	30
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Голиков Л.М.</i> ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДЖИХАДИСТСКОМ ТЕКСТЕ	34
<i>Красильникова Е.А.</i> НЕСОВПАДЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	38
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Берг М.Э.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ	41
<i>Кирилова Е.А., Семенова С.А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ	45
<i>Кузина Н.М.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ	51
<i>Лодкина Т.В., Кевля Ф.И.</i> МЕДИКО-ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСИЛИУМ КАК НЕТРАДИЦИОННАЯ ФОРМА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА	57
<i>Румянцева А.С.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	60
<i>Субботина И.В.</i> ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ	65
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Никитин О.В.</i> «ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА» А.М. ПЕШКОВСКОГО: 1910–1930-е гг.	68
<i>Ганцовская Н.С.</i> ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИ	74
К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И.О. ШАЙТАНОВА	
<i>Андреева Т.А.</i> ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ	77
<i>Гура И.В.</i> ДРУЖБА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ	78
<i>Егорова Л.В.</i> «РЕАЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ», ИЛИ О ПОДЛИННОМ И ВЫСОКОМ	79
<i>Милнер-Галланд Р.</i> «ОПЫТ О ЧЕЛОВЕКЕ»: ИГОРЬ ШАЙТАНОВ	83
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>Андреева Е.П.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. КОСТРОМА: КГУ, 2016. ВЫП. 3. ЖИВОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ. 636 с.	84
<i>Балута А.А., Коренева Ю.В., Никитин О.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИЗАМЕТДИНОВА Н.Н. ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 120 с.	86
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РУССКИЙ БУКЕР – 25: [МАТЕРИАЛЫ ОБ ИСТОРИИ ПРЕМИИ] / [АВТ. ПРОЕКТ И ОБЩ. РЕД. И. ШАЙТАНОВА; ВСТУП. СТ. М. КЕЙНА; РЕД.-СОСТ. М. ПЕРЕЯСЛОВА, Е. ПОГОРЕЛАЯ]. М.: БОСЛЕН, 2016. 751 с.	93
<i>Никитина И.А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ: МОНОГРАФИЯ / [С.Ю. БАРАНОВ (РЕД.), Т.Н. ВОРОНИНА, С.Х. ГОЛОВКИНА, Е.Н. ИЛЬИНА, С.Н. ПАТАПЕНКО, Ю.В. РОЗАНОВ, А. В. ФЁДОРОВА, Н.Л. ФИШЕР]. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. 191 с.	96
<i>Бурцев В.А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160.	99
<i>Литвинникова О.И.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160	102
<i>Зорина Л.Ю.</i> О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	107
Сведения об авторах	113

Contents

<i>Ilyina E.N.</i> RESEARCH ACTIVITY AS AN OBJECT OF MASS COMMUNICATION: THE OPINION OF THE EDITOR OF THE REGIONAL SCIENTIFIC JOURNAL.....	5
HISTORY	
<i>Kirillova A.N.</i> SOVIET DEBT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE GERMAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE YEARS OF THE RED-GREEN COALITION GOVERNMENT (1998–2005).....	7
<i>Stoletova A.S.</i> VOLOGDA WRITERS' CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES FOR THEIR READERSHIP IN THE 1950s – 1960s	10
<i>Cherkasova M.S.</i> THE NEW SOURCE FROM THE VOLOGDA BISHOP'S HOUSE ARCHIVE OF THE 17 th CENTURY	15
PHILOSOPHY	
<i>Ovchinnikov O.V.</i> THE NEW STAGE OF SCIENCE DEVELOPMENT: HORIZONS OF THE POST-HUMAN WORLD?.....	19
<i>Ul'yankina T.I.</i> TO THE 100 th ANNIVERSARY OF 'RUSSIAN EXODUS': STATISTICS, DYNAMICS, AND GEOGRAPHY OF THE 'FIRST WAVE' OF RUSSIAN SCIENTIFIC EMIGRATION.....	23
LITERARY STUDIES	
<i>Kalyagina E.Yu.</i> IMAGE OF A BLOOMING GARDEN AND FLOWERS IN S.N. MARKOV'S POETRY	27
<i>Uryupin I.S.</i> SPIRITUAL SPACE OF THE WORLD IN THE AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE OF A. K. VORON-SKY	30
LINGUISTICS	
<i>Golikov L.M.</i> IMPLEMENTATION OF PERSUASIVE STRATEGIES IN A JIHADIST TEXT	34
<i>Krasilnikova E.A.</i> DISCREPANCY OF CONCEPT'S CONTENT AS A PROBLEM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.....	38
PEDAGOGY	
<i>Berg M.A.</i> A SOCIO-ECOLOGICAL FRAMEWORK FOR LANGUAGE ACQUISITION	41
<i>Kirilova E.A., Semenova S.A.</i> TEACHER'S ACTIVITIES FOR LEARNING VERBAL GRAMMATICAL CATEGORIES AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE PRIMARY SCHOOL	45
<i>Kusina N.M.</i> THE ANALYSIS OF THE OBJECT WORLD OF LITERARY TEXTS AT SCHOOL.....	51
<i>Lodkina T.V., Kevlya F.I.</i> MEDICAL, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONSULTATION AS A NON-TRADITIONAL FORM OF TEACHING COUNCILS.....	57
<i>Rumyantseva A.S.</i> THE POTENTIAL OF USING LEXICAL PROTOTYPE THEORY IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING	60
<i>Subbotina I.V.</i> INDIVIDUALIZATION OF HIGHER EDUCATION TRAINING AS A CONDITION OF READINESS OF STUDENTS FOR THEIR PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT.....	65
ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY	
<i>Nikitin O.V.</i> A.M. PESHKOVSKY'S "FACES OF ART": 1910s – 1930s	68
<i>Gantsovskaya N.S.</i> VOLOGDA DIALECTOLOGISTS	74
TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR I.O. SHAYTANOV	
<i>Andreeva T.A.</i> PURSUING THE VOCATION.....	77
<i>Gura I.V.</i> A LIFE-LONG FRIENDSHIP	78
<i>Yegorova L.V.</i> "REAL VALUES", OR THE GENUINE AND THE SUBLIME	79
<i>Milner-Gulland R.</i> "AN ESSAY ON MAN": IGOR SHAYTANOV	83
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Andreeva E.P.</i> BOOK REVIEW: <i>GROMOV READINGS: INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE PROCEEDINGS</i> . Kostroma, 2016. Vol. 3. <i>LIVE FOLK SPEECH AND KOSTROMA REGION</i> . 636 pp.	84
<i>Yegorova L.V.</i> BOOK REVIEW: <i>THE RUSSIAN BOOKER PRIZE – 25 [ON THE HISTORY OF THE PRIZE]</i> / [I. Shaitanov (ed.), M. Caine, M. Pereyaslova, E. Pogorelaya]. Moscow, 2016. 751 pp.	86
<i>Nikitina I.A.</i> BOOK REVIEW: <i>THE STORY 'THAT'S HOW IT IS' ('PRIVYCHNOE DELO') BY V.I. BELOV AS VOLOGDA TEXT: A MONOGRAPH</i> / [S.Yu. Baranov (ed.), T.N. Voronina, S.Kh. Golovkina, E.N. Ilyina, S.N. Patapenko, Yu.V. Rozanov, A.V. Fyodorova, N.L. Fisher]. Vologda, 2016. 191 pp.	93
<i>Burtsev V.A.</i> CHAPTER REVIEW: ILYINA E.N., FISHER N.L. <i>THE STORY 'THAT'S HOW IT IS' BY V.I. BELOV AND THE PROBLEMS OF FICTION TRANSLATION IN THE STORY 'THAT'S HOW IT IS' ('PRIVYCHNOE DELO') BY V.I. BELOV AS VOLOGDA TEXT</i> . Vologda, 2016. Pp. 125–160	96
<i>Litvinnikova O.I.</i> CHAPTER REVIEW: ILYINA E.N., FISHER N.L. <i>THE STORY 'THAT'S HOW IT IS' BY V.I. BELOV AND THE PROBLEMS OF FICTION TRANSLATION IN THE STORY 'THAT'S HOW IT IS' ('PRIVYCHNOE DELO') BY V.I. BELOV AS VOLOGDA TEXT</i> . Vologda, 2016. Pp. 125–160	99
<i>Baluta A.A., Koreneva Yu.V., Nikitin O.V.</i> BOOK REVIEW: NIZAMETDINOVA N.N. <i>AN INTRODUCTION TO LINGUISTICS: A TEXTBOOK</i> . Moscow, 2015. 120 pp.	102
<i>Zorina L.Yu.</i> ON THE WORK OF LINGUISTICS THESIS COMMITTEE OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY.....	107
Information about the authors.....	113

Е.Н. Ильина

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: МНЕНИЕ РЕДАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА

Образ российской науки и его отражение в массовом сознании неоднократно обсуждались в исследованиях гуманитарной и общественной проблематики¹. Ученые приходят к выводу о том, что наука как сфера деятельности со своими закономерностями организации и историей развития рождает у людей различные образы. Их содержание определяется рядом факторов – политических, экономических, социальных, культурных – и оказывает влияние на отношение к науке в целом, способствуя или, наоборот, препятствуя ее развитию. Современный «неклассический» образ науки в значительной мере усложняется за счет того, что в этой сфере развиваются новые научные направления, существуют многообразные формы проявления «научности». Увеличение количества людей, вовлеченных в сферу научно-исследовательской деятельности, размывает критерии научного и не-научного знания, а стремление объединить науку и т.н. «реальную экономику» приводит к сокращению финансирования науки, обуславливает приоритет развития прикладных исследований по отношению к фундаментальным. Кроме того, весьма конструктивное, казалось бы, стремление к международному научному диалогу нередко приводит к разрушению национальных научных традиций, нивелированию различий в репрезентации результатов разных научных направлений, невозможности сохранения научной преемственности и к «утечке мозгов» из провинциальных научных центров в столицу и далее. По мнению М.В. Шматко, образ отечественной науки при сохранении своих ключевых антиномий (утилитарность/неутилитарность, эмпиризм/конструктивизм, фундаментализм/антифундаментализм, ограниченность/неограниченность развития) и национально специфичных компонентов ее восприятия в контексте социально-экономического и культурного развития России (использование западных образцов в организации научной сферы, неоднократные резкие изменения отношения государства к науке и пр.) приобретает новые черты в массовом сознании современного россиянина. Наука воспринимается скорее как социальный институт, нежели как познавательный процесс; содержательные суждения по отношению к ней в значительной мере уступают место

оценочным. Необходимость финансовых вложений в науку рассматривается с позиций их скорейшей экономической отдачи. «Массовизация» образа науки приводит к активизации псевдонаучной деятельности, а также к распространению паранаучного знания под видом научного. Значительное влияние на формирование подобного образа оказывают средства массовой информации, внедряя в массовое сознание стереотипные представления о российской науке в целом, а также о ее развитии в конкретных регионах, сосредоточивая внимание, в первую очередь, на негативных сторонах развития этой сферы человеческой деятельности.

Принимая во внимание проблемы формирования имиджа современной науки в целом, сосредоточим свой взгляд на том, какие возможности в этом отношении имеет научная периодическая печать, российская история которой насчитывает уже более трехсот лет², и, в частности, региональные издания, которые, подобно «Вестнику Вологодского государственного университета», кроме собственно репрезентации научных результатов, способствуют созданию имиджа регионального научного сообщества.

«Вестник Вологодского государственного университета» издается с января 2016 года, представлен серией «Гуманитарные, общественные и педагогические науки», в которой публикуются материалы пяти групп научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки, 09.00.00 – Философские науки, 10.01.00 – Литературоведение, 10.02.00 – Языкознание, 13.00.00 – Педагогические науки. Подготовка шести выпусков данного журнала уже позволяет осмыслить некоторые его особенности, а также сделать предварительные выводы о том, в какой мере наш журнал способен влиять на общественное мнение о научно-исследовательской деятельности.

Не вдаваясь в детальные размышления о пользе наукометрических технологий в оценке качества труда ученых, приходится принимать во внимание то, что по соображениям конъюнктурным многим из них приходится выбирать для апробации результатов своего труда издания другого статуса – представленные в рекомендованном списке Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в базах данных Web of Science, Scopus и др. Поэтому редакционная

¹ См., например: Володарская Е.А. Имидж науки как социально-психологический феномен. М.: ИИЕТ РАН им. С.И. Вавилова, 2006; Шматко М.В. Образ науки в массовом сознании современного российского общества: дис. канд. филос. наук. Омск, 2007; Международная интернет-конференция «Российская наука и СМИ»: сб. материалов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.adepaueg.ru>; др.

² См. об этом: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати. 1703–1900. Петроград, 1915; Валькова О.А. Естественнонаучная периодическая печать России XVIII – начала XX века как источник по истории формирования научного сообщества: дис. канд. ист. наук. Москва, 2000; др.

коллегия «Вестника Вологодского государственного университета» чрезвычайно благодарна тем ученым, которые, несмотря на «малостатусность» нашего журнала, публикуют в нем результаты многолетних научных изысканий, обладающих очевидной актуальностью, новизной и практической ценностью, организуют в коммуникативном пространстве «Вестника» тщательное и всестороннее обсуждение научных проектов, формируя тем самым образ серьезного научного издания, обладающего собственной издательской позицией. Особенно ярко это демонстрируют публикации филологической проблематики: обсуждение монографии «Шекспир» И.О. Шайтанова, привлечение внимания известных шекспироведов России, Великобритании, Израиля, Беларуси, Узбекистана; дискуссия вокруг феномена «вологодского текста» и его репрезентации в монографии, посвященной повести В.И. Белова «Привычное дело»³; серия очерков профессора МГОУ О.В. Никитина о жизни и творчестве выдающегося лингвиста А.М. Пешковского; обсуждение актуальных проблем преподавания русского языка как иностранного, в которое включились российские и зарубежные лингвисты.

На страницах журнала «Вестник Вологодского государственного университета» публикуются материалы исследователей, имеющих в т.н. «научной иерархии» неодинаковый статус. Отраднее видеть среди авторов молодых исследователей – выпускников университета, работающих в сфере науки и образования,

аспирантов и соискателей, труды которых, по мнению их научных рецензентов, в полной мере соответствуют требованиям научного издания. С большой благодарностью мы принимаем в печать статьи ветеранов – известных российских ученых, определивших в свое время проблематику развития многих научных направлений, оказавших заметное влияние на развитие научного общества в целом и на формирование научных и образовательных традиций нашего региона.

Издаваемый нами журнал – издание корпоративное, одной из важнейших задач которого является позиционирование научно-исследовательского, учебно-методического и культурного пространства Вологодского государственного университета. Неслучайно поэтому на страницах журнала широко представлены материалы, характеризующие деятельность различных факультетов вуза, историю развития его научных школ, жизненный и творческий путь известных ученых. В каждом номере «Вестника» публикуются отчеты о научных конференциях, семинарах и чтениях, представляются результаты реализации научно-исследовательских проектов, рассматриваются различные формы научной и образовательной деятельности вуза. Мы убеждены в том, что Вологодский государственный университет играет ключевую роль в формировании научно-исследовательской среды региона, во многом определяя ее содержательное ядро и всемерно способствуя сохранению в ней традиционных ценностей и научной преемственности.

ПРИМИТЕ НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Редакционная коллегия журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки» поздравляет с юбилейным Днем рождения доктора педагогических наук, профессора Фаину Ильиничну Кевля!

Профессиональная биография Фаины Ильиничны вобрала в себя все грани педагогического труда: учитель начальных классов, преподаватель русского языка и литературы, руководитель районной профсоюзной организации учителей, сотрудник кафедры педагогики Вологодского государственного университета, прошедший путь от ассистента до профессора, в течение ряда лет выполнявший работу заведующего кафедрой, педагог-исследователь, создавший более шестидесяти научных работ, в том числе монографий, учебных пособий, научных статей в ведущих рецензируемых журналах России, участник многих всероссийских и международных научных конференций.

С момента основания социально-гуманитарно-педагогической серии «Вестника Вологодского государственного университета» Фаина Ильинична входит в состав его редакционной коллегии, руководит подготовкой раздела «Педагогические науки». В этом разделе публикуются материалы российских и зарубежных педагогов, посвященные актуальным вопросам теории и методики обучения и воспитания, транслирующие передовой научно-педагогический опыт, сохраняющие педагогические традиции Вологодского государственного университета, способствующие укреплению связей внутри регионального педагогического сообщества.

Редакционно-издательский коллектив журнала поздравляет Фаину Ильиничну Кевля со знаменательной датой, желает ей новых творческих успехов и надеется, что в педагогическом разделе нашего журнала благодаря ее стараниям продолжится публикация материалов, обладающих очевидной научной новизной и практической актуальностью в сфере современной педагогики!

³ Повесть В.И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст: монография / [С.Ю. Баранов (ред.), Т.Н. Воронина, С.Х. Головкина, Е.Н. Ильина, С.Н. Патапенко, Ю.В. Розанов, А.В. Фёдорова, Н.Л. Фишер]. Вологда: ИП Киселев А.В., 2016. 191 с.

УДК 94(470)

А.Н. Кириллова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО ДОЛГА РФ В ГЕРМАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ РАБОТЫ «КРАСНО-ЗЕЛЕННОЙ» КОАЛИЦИИ (1998–2005 гг.)

В статье рассматривается проблема советского долга РФ в системе экономических отношений между ФРГ и Россией в годы работы «красно-зеленой» коалиции канцлера Герхарда Шрёдера (1998–2005 гг.). Изучаются истоки и структура советского долга РФ, описывается и анализируется ход решения проблемы долга. Особое внимание уделяется выявлению и обоснованию мотивов принятия политических решений высшими правительственными кругами ФРГ и РФ в отношении проблемы советского долга России.

Россия, Германия, германо-российские отношения, экономика, государственный долг, «красно-зеленая» коалиция, Герхард Шрёдер.

В 1990-е гг. одним из внешнеполитических вопросов правительств ФРГ был вопрос о советских долгах РФ. Но если правительство Гельмута Коля оттягивало решение этой проблемы, то «красно-зеленая» коалиция Герхарда Шрёдера уже в 1998 г. прямо заявила о необходимости выплаты долгов. При этом сам канцлер обозначил тенденцию «вежливой сдержанности» по отношению к Москве [11, с. 303], которая должна была прийти на смену «крепкой мужской дружбе» Гельмута Коля и Бориса Ельцина.

Первый шаг к решению «долгового» вопроса был сделан во время германо-российских консультаций, прошедших в Москве 18–19 февраля 1999 г. (т.е. в первый визит Шрёдера в РФ в качестве канцлера). В ходе переговоров канцлер ФРГ предложил сократить долги российских банков за счет участия немецких кредитных учреждений в российских банковских домах [2, S. 19], а также заявил о готовности отсрочить выплату Россией Германии советского долга [12, с. 83]. Предложение было воспринято российской стороной с воодушевлением, так как, во-первых, проблема выплаты долгов ФРГ наконец-то начала решаться, а, во-вторых, немецкое участие могло стабилизировать кризисную банковскую систему России.

В конце 2000 г. идея получила свое развитие. 1 декабря, во время визита премьер-министра РФ Михаила Касьянова в Берлин, канцлер ФРГ Г. Шрёдер предложил использовать долги в качестве инструмента инвестиций в Россию за счет «долевого участия» немецких компаний в российских предприятиях [1, с. 36]. По словам Касьянова, идея подразумевала финансирование проектов в сфере обрабатывающей промышленности за счет российского долга Германии [13]. В общем виде схема должна была выглядеть следующим образом: Россия покрывает расходы немецких компаний (на покупку зданий или земли, пер-

воначальный капитал), создающих предприятия на ее территории. Немецкие компании, в свою очередь, договариваются о форме расчета с федеральным правительством в ФРГ [13].

Реакция на это предложение была неоднозначной. С одной стороны, Россию обрадовала возможность не платить по долгам валютой: премьер-министр Касьянов выразил оптимизм в связи с тем, что в «Германии растет понимание сложности выплаты всех долгов» [4]. Но в то же время, с другой стороны, реализация этой идеи могла спровоцировать обвинения в «продаже» Родины. По этой причине в кругах российских чиновников не было единства. Так, Михаил Касьянов, выступая перед представителями кредиторов, заявил, что РФ готова платить пакетами акций, в то время как министр финансов Алексей Кудрин, обращаясь уже к российской аудитории, полностью такую вероятность отверг [1, с. 36].

Неясными оставались и причины подобного предложения Г. Шрёдера. Вероятно, в некоторой степени это было связано с ситуацией в российской экономике, которая не располагала к незамедлительной и полной выплате долгов, а значит идея немецкого канцлера говорила о его желании получить с российской стороны хоть какие-то деньги. В то же время не нужно забывать, что подобное решение могло пойти на пользу и немецкому бизнесу, который был заинтересован и в выходе на российский рынок, и в возможности получить акции таких компаний, как «Газпром» или «Лукойл».

Впрочем, немецкие компании и предприятия по-разному отнеслись к идее канцлера ФРГ. Так, например, глава правления нефтегазовой компании Wintershall AG Герберт Детхардинг отметил, что новый принцип погашения долгов «выглядит неплохо», и они готовы инвестировать в уже существующие

предприятия, а также были бы рады получить акции крупных российских компаний, таких как «Газпром» [15, с. 4]. Напротив, Буркхард Бергманн, заместитель председателя правления компании Ruhrgas AG, уже владевший на тот момент акциями «Газпрома», выступил против этой идеи, заявив, что «государственные долги – это дело правительств, а не частных экономических предприятий» [1, S. 36].

К сожалению, моментально предложение Шрёдера проблемы не решило. Разработка механизмов требовала времени, а начинать выплачивать долги нужно было незамедлительно. Из-за этого в высших эшелонах власти РФ сложилась странная ситуация: так, премьер Касьянов, очевидно, горячо поддерживавший идею обмена долгов на инвестиции, заявил, что платить Москва будет согласно Закону о бюджете, не жертвуя никакими социальными выплатами. Это означало то, что риск неуплаты долгов был очень высок. Понимая это, замминистра финансов ФРГ Кайо Кох-Везер пригрозил России отменой кредитов и исключением из мирового сообщества (в том числе и из G8). На эти «угрозы» ответил экономический советник президента РФ Андрей Илларионов, заявивший, что Россия будет платить долги в полном соответствии с требованиями Парижского клуба, чем полностью опроверг слова Касьянова [9, с. 1]. В итоге ситуация закончилась неожиданно: президент Владимир Путин передал решение этой сложной проблемы в руки Кудрина, который теперь должен был и расплатиться с долгами, и исполнить бюджет [9, с. 1].

К апрелю 2001 г. был разработан конкретный механизм обмена «долгов на инвестиции»: согласно мысли первого замминистра экономического развития Ивана Матёрова, руководившего работавшей над этой проблемой российско-германской рабочей группой, немецкие бизнесмены, желающие вложиться в российские предприятия, могли получить от правительства РФ «режим наибольшего инвестиционного благоприятствования» при условии погашения части российского долга [16, с. 4]. В связи с этим немецкой стороне был представлен список из нескольких десятков инвестиционных проектов. Так, например, компании Ruhrgas и Wintershall получили предложения о разработке нефтегазовых месторождений и строительстве газоперерабатывающего завода в Архангельске, немецкому филиалу шведской мебельной корпорации ИКЕА была обещана поддержка федерального правительства при покупке в Московской области новых производственных и торговых помещений [16, с. 4]. При этом отдельно был оговорен факт того, что ни при каких условиях Россия не пойдет на продажу крупных российских предприятий (таких как «Газпром») [16, с. 4].

Но в апреле 2001 г., во время работы российско-германского форума «Петербургский диалог», произошел неприятный поворот: Кайо Кох-Везер обратил внимание на долги бывшего СССР бывшему ГДР, что стало совершенной неожиданностью для Москвы [8, с. 1]. Речь шла о задолженности, появившейся за счет поставок товаров ГДР в СССР в 1990–1991 гг. Отрицательное сальдо, по данным немецкой стороны, составило 6,4 млрд переводных рублей. В начале 90-х вопрос был отложен на 10 лет. Теперь же он вновь

приобрел актуальность, и Москва не знала, что с этим делать, так как, во-первых, у российской стороны практически не осталось никаких документов, подтверждающих выполнение этих поставок, а, во-вторых, Россия была не согласна с суммой долга, поскольку, по мнению Москвы, он составлял максимум 3 млрд переводных рублей. Вопрос пересчета рублей в немецкие марки (DM 2.3 за 1 рубль) также вызывал вопросы [17, с. 2].

При этом настоящим шоком для российской стороны в целом и Михаила Касьянова в частности стало то, что ФРГ была готова применить схему обмена «долги на инвестиции» исключительно к советской задолженности ГДР, а об общих долгах Германии как члену Парижского клуба речи не шло [17, с. 2]. И это несмотря на то, что вот уже 2 года Касьянов вел переговоры о выплате именно общего долга, а германская сторона, в свою очередь, его не поправляла. Примечательно, что в правительстве РФ планировали сократить таким образом 20% долгов и, кроме того, предложили подобное решение и другим странам – Испании, Италии, Франции и Австрии [10]. В итоге из-за разногласий переговоры были остановлены.

Разрешить вопрос о «долге ГДР» удалось только в 2002 г. при непосредственном участии президента России В. Путина, который договорился с канцлером Г. Шрёдером о списании большей части задолженности. Сумма списания превышала самые смелые ожидания: вместо 6,35 млрд переводных рублей Москва должна была заплатить всего 500 млн евро в два этапа: 350 млн евро в 2002 г., и по 74 млн евро в 2003 и 2004 гг. [5, S. 22]. Таким образом, результат переговоров был в пользу России: могло даже сложиться впечатление, что Берлин ушел с пустыми руками. При этом канцлер ФРГ был настроен оптимистично и назвал решение по этому вопросу «политическим», но в то же время и «экономически рациональным» [7]. Все договоренности были выполнены [3, S. 107].

Причин подобного решения канцлера Шрёдера, вероятно, было несколько. Во-первых, было понятно, что просто так весь этот спорный долг Россия не вернет, а значит 500 млн евро стали не решением, полностью удовлетворившим ФРГ, но определенным компромиссом. Во-вторых, Шрёдер был дальновидным политиком и инвестировал в будущее: помня об этой уступке, Россия впоследствии открыла транспортный коридор через свою территорию для поставки военных грузов и снабжения немецких войск в Афганистане. В-третьих, канцлер ФРГ однозначно не хотел портить отношения между странами.

Таким образом, проблема «долга ГДР» была полностью решена к 2004 г., а идея обмена «долгов на инвестиции» так и не нашла практического применения, что было связано и с внешними факторами, и с несовершенством самой идеи. Высокие цены на нефть стабилизировали экономическую ситуацию в России, что позволило снять вопрос поиска денег для оплаты долгов с повестки дня [14, с. 11]. Отсутствие же необходимых для работы схемы «долги на инвестиции» механизмов в законодательствах РФ и ФРГ, а также несоответствие суммы долгов перспективам акций (которые могли существенно вырасти в цене) так и оставили когда-то многообещающую идею лишь на

этапе планирования. Кроме того, вполне вероятно, что Россия, соглашаясь на подобные «авантюры», просто тянула время: разрешив определенные экономические проблемы, правительство РФ начало досрочно погашать общий долг перед Германией уже в 2005 г. [6, S. 29].

Литература

1. Beutler, A. Verwirrender Ringtausch / A. Beutler, A. Manutscharjan // Focus. – 2000. – № 52. – S. 36.
2. Doppelter Vorteil // Der Spiegel. – 1999. – № 8. – S. 19.
3. Follath, E. Die zweite Chance / E. Follath, U. Klußmann // Der Spiegel. – 2002. – № 34. – S. 106–112.
4. Heimann, D. Russlands Schulden: «Fantasievolle Behandlung» [Электронный ресурс] / D. Heimann // Der Tagesspiegel, 2000. – URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/russlands-schulden-fantasievolle-behandlung/183254.html> (дата обращения 14.02.2017 г.).
5. Mehr als erwartet // Der Spiegel. – 2002. – № 16. – S. 22.
6. Nicht um jeden Preis // Der Spiegel. – 2004. – № 53. – S. 29.
7. Tichomirowa, K. Altschulden - Russland zahlt 500 Millionen Euro an Deutschland und begleicht alte Handelsrechnungen mit der DDR [Электронный ресурс] / K. Tichomirowa, T. Szent-Ivanyi // Berliner Zeitung, 2002. – URL: <http://www.berliner-zeitung.de/altschulden---russland-zahlt-500-millionen-euro-an-deutschland-und-begleicht-alte-handelsrechnungen-mit-der-ddr-die-aera-der-spielgeld-waehrung--tr--ist-vor-bei--jetzt-rolt-der-harte-rubel-16276468> (дата обращения 14.02.2017 г.).
8. Багров, А. «Петербургский диалог» на русский пока не переводится / А. Багров // Коммерсант. – 2001. – № 63. – С. 1.
9. Багров, А. Президент рассчитался со всеми долгами / А. Багров // Коммерсант. – 2001. – № 9. – С. 1.
10. Беккер, А. Забыть все [Электронный ресурс] / А. Беккер // Ведомости. – 2001. – 4 июля. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/07/04/zabyt-vse> (дата обращения 14.02.2017 г.).
11. Воробьева, Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века / Л.М. Воробьева. – Москва, 2000. – 356 с.
12. Егоров, А.И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998–2005) / А.И. Егоров // Известия Саратовского университета. – Т. 12. – № 1. – 2012. – С. 167–175.
13. Интервью председателя правительства России М.М. Касьянова газете «Ведомости», опубликованное 7 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/maps/de/-/asset_publisher/No2VLI5PHLYX/content/id/594448 (дата обращения 14.02.2017 г.).
14. Нетреба, П. Россия оплатила долги нефтедолларами / П. Нетреба // Коммерсант. – 2004. – № 31. – С. 13.
15. Резник, И. Германии не нужны российские месторождения / И. Резник // Коммерсант. – 2001. – № 51. – С. 5.
16. Смирнов, К. Немцам даже советские долги не страшны / К. Смирнов // Коммерсант. – 2001. – № 61. – С. 4.
17. Смирнов, К. Премьер хочет научить немцев дисциплине / К. Смирнов // Коммерсант. – 2001. – № 72. – С. 2.

A.N. Kirillova

SOVIET DEBT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE GERMAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE YEARS OF THE RED-GREEN COALITION GOVERNMENT (1998–2005)

The article deals with the problem of the Soviet debt in the economic relations between Germany and Russia during the years of the red-green coalition government of Gerhard Schröder. The author studies history and structure of the Soviet debt of the Russia Federation, describes and analyzes the process of the solution of this problem. Particular attention is paid to the revealing and explaining of the motives for political decisions of Germany and Russia regarding the problem of the Soviet debt.

Russia, Germany, German-Russian relations, economics, national debt, red-green coalition, Gerhard Schröder.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ С ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИЕЙ В 1950–1960-е гг.

В статье рассматривается культурно-массовая работа писателей-вологжан, осуществлявшаяся в 1950–1960-е гг. В тексте находят отражение задачи, поставленные перед писателями и связанные с трансляцией ценностей, принятых государством. Подчеркивается, что участие писателей в обслуживании читателей рассматривалось партией как активный метод агитации. Определяются формы деятельности литераторов, показана специфика работы в сельской местности, упоминается тематика популярных книг, приводятся сведения о сотрудничестве с писателями иных областей. Отмечен особый интерес читателей к новаторству творчества А.Я. Яшина и В.И. Белова. Обращается внимание на внедрение нетрадиционных форм взаимодействия писательских сил с читательской аудиторией. В статье делается вывод о том, что активность, инициатива вологодских авторов оказала существенное влияние на наличие устойчивого интереса и приобщение читающей публики к литературе.

Вологодская область, читатель, литература, культура, культурно-массовая работа, писатель.

Важнейший признак становления писательских объединений [34] – проведение культурно-массовой работы с населением. Массовая работа и инициатива писателей, как и идеяльность библиотек по обслуживанию читателей [35; 36; 37], рассматривались органами государственной власти в качестве одного из активных методов агитации, т.к. авторское исполнение произведений, личные контакты, отзывы на произведения насыщали мероприятия и способствовали усилению воспитательного эффекта.

Одной из распространенных форм культурно-массовой работы писателей являлось посещение литературных вечеров, проводимых в библиотеках и культпросветучреждениях Вологды. Среди них литературные вечера, состоявшиеся в 1960 г. в Клубе строителя и Череповецком городском Доме культуры после четвертого Вологодского областного совещания молодых писателей. Зал Дома культуры, по сведениям корреспондента В. Белозерова, не вместил всех желающих. На мероприятии выступали С. Орлов, А. Яшин, А. Романов, С. Викулов, В. Коротаев, Н. Задумкин, а также М. Сысойков из Петрозаводска и Е. Савинов из Ярославля. По окончании вечера в Доме культуры писатели принимали участие в книжном базаре, при этом завязывались живые, непринужденные беседы с читателями [3].

В 1961 г. любители поэзии собрались в зале Вологодской областной филармонии. Выступали В. Гура, С. Викулов, А. Сухарев, И. Тихонов, Б. Чулков, В. Коротаев, А. Романов. С. Орлов отметил, что стихи вологжан приобретали все большую известность. «Помню, как осенью в зале Политехнического музея москвичи с восторгом аплодировали Александру Романову за его стихи о Вологде» – сказал С. Орлов [31]. В декабре 1963 г. после трехдневного семинара молодых поэтов и прозаиков вечер поэзии прошел в

Доме политпросвещения, в котором участвовали С. Викулов и молодые авторы (среди них студентка пединститута Н. Маслова, слесарь Б. Лапин, шлифовщик Э. Смирнов, инженер Г. Березина и др.). Работал книжный базар. Покупались книги стихов А. Романова «Семизвездие» и «За морем березовым», С. Викулова «Деревьям снятся листья», сборник молодых поэтов-вологжан «Крылья крепнут в полете» [1]. В октябре 1965 г. в Вологодской областной библиотеке им. И.В. Бабушкина состоялся вечер, посвященный творчеству С. Викулова и В. Белова. Василий Иванович прочел собравшимся отрывок из повести «Привычное дело» [22]. На вечере поэзии, организованном после семинара писателей в декабре 1966 г., выступали В. Белов, Л. Беляев, С. Викулов, В. Коротаев, Г. Крутов, А. Романов, О. Фокина, С. Чухин, С. Орлов, А. Яшин [2]. В декабре 1968 г. в большом зале Вологодского областного Дома политического просвещения был проведен творческий вечер-отчет писателей перед читателями за год работы. На встрече с читателями писатели рассказали о творческих планах, читали свои произведения. Присутствовал К. Коничев [10].

Писатели посещали мероприятия на городских предприятиях и в учреждениях, в театрах, на городских фестивалях книги [9, д. 5, л. 27, 45, 56, 58, 62, 75–76; д. 13, л. 1–4; д. 93, л. 1–5.]. К примеру, в 1958 г. была организована встреча А. Яшина, С. Викулова, И. Тихонова с читателями в Вологодском городском отделе милиции. Поэты читали стихи, проводилась продажа книг [21]. В 1960 г., во время четвертого областного совещания писателей, молодые поэты и прозаики Вологды, а также гости, приехавшие из Москвы и Ленинграда, выступили в паровозном депо и Молочном институте, на льнокомбинате и во Дворце культуры железнодорожников [18].

*IV областное совещание
молодых писателей Вологодской области.
Поэт С. Вукулов на книжном базаре. 1960 г.**

Одной из самых действенных форм распространения литературы и приобщения к книге являлись встречи читателей с писателями, популярными авторами в книжных магазинах. Так, в центральном книжном магазине г. Вологды 17 ноября 1957 г. был проведен день поэзии. Большие продажи были у альманаха «Литературная Вологда» [8, д. 171, л. 21; 33]. Встреча писателей с покупателями книжного магазина на улице Металлургов г. Череповца состоялась 9 февраля 1960 г. [6] и т.д.

*«День поэзии» в центральном
книжном магазине г. Вологды.
17 ноября 1957 г.***

Для расширения читательской аудитории писатели совершали поездки в другие города. Так, для развития интереса к творчеству вологжан местным обкомом и Союзом писателей РСФСР была поддержана инициатива организации поездки вологодских писателей в сентябре 1960 г. в Москву. Во время выступлений вологодских литераторов звучали стихи С. Вукулова о тружениках колхозов Вологодчины, новые стихи А. Романова о Вологде, о череповецких домах, о рабочих людях рассказывал в своих стихах поэт

* Источник: Белозеров В. Начало большой дружбы // Коммунист. 1960. 12 февраля. С. 4. Автор съемки неизвестен.

** Источник: Степанченко Д. День поэзии // Красный Север. 1957. 19 ноября. С. 4. Автор съемки А. Жидков.

В. Коротгаев. Прозвучали стихи А. Сухарева о Москве и о вологодских кружевницах. Читал «Северянку» и «Вологодскую весну» И. Тихонов, раскрывал свое лирическое дарование Б. Чулков. В статье в «Красный Север» В. Гура писал, что с большим вниманием рабочие слушали рассказ «Дед Никифор из Слезовицы» писателя-устюжанина Н. Угловского в исполнении заслуженного артиста РСФСР В.В. Сафонова, от души благодарили А. Романова за искренние стихи. Студенты особенно тепло встречали стихи Б. Чулкова. Выступления вологодских писателей с одинаковым успехом проходили и в студенческой аудитории педагогического института им. В.И. Ленина, и в Доме культуры строителей Москвы в Черемушках, и на Первом Государственном подшивниковом заводе [11; 14; 25, д. 519, л. 31, 32, 37].

Частыми были творческие контакты с архангелогородцами. Например, в 1964 г. В. Белов посетил «Дни литературы» в селе Холмогоры [7].

12–13 октября 1970 г. в Архангельске был проведен выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР. В город прибыли писатели из Москвы, Ленинграда, республик и областей Северо-Запада России, в т.ч. и Вологодской. Отмечалось, что «писательская картина нового строящегося Севера еще бедна – сегодняшний рабочий класс этого края еще не стал предметом поэтического изображения. К примеру, металлурги Череповца достойны того, чтобы стать героями поэм». В. Гура в выступлении о прозе и публицистике журнала «Север» обозначил как положительное явление то, что журнал «настойчиво разрабатывает тему Севера, ставит жгучие вопросы сегодняшнего дня, публикует десятки очерков о людях, событиях, свершениях» [17, с. 3, 4–5; 24, с. 143]. После проведения секретариата председатель правления Союза писателей РСФСР, лауреат Ленинской премии С.В. Михалков, секретари правления Союза писателей РСФСР С.П. Залыгин, С.С. Орлов, известные мастера слова Анатолий Ананьев, Григорий Коновалов, Семен Шуртаков, Егор Исаев, Павел Нилин, Виктор Полтарецкий, Виктор Боков, Николай Рубцов, критик Александр Михайлов, ответственный секретарь Архангельской писательской организации Дмитрий Ушаков прибыли в Вологду на самолете. Поездом приехали В. Белов, С. Вукулов, В. Деметьев, А. Романов, О. Фокина. Был проведен большой общегородской литературный вечер, устраивались встречи с читателями, трудящимися Вологды и Череповца. Писатели побывали в рабочих коллективах Вологодского льнокомбината, мебельной фирмы «Прогресс», в Молочном институте, в школе № 8, встретились со студентами (в то время) филиала Северо-Западного политехнического института.

В традицию вошли встречи писателей со своими земляками. В частности в 1967 г. поэты А. Романов, В. Коротгаев, Н. Рубцов встретились с пропагандистами города Сокола Вологодской области. Авторы читали свои стихи и отвечали на вопросы слушателей [39].

Следует отметить, что в сравнении с городской средой, деятельность писателей в районах и селах региона осуществлялась нерегулярно. Литературные вечера организовывались нечасто, но такие примеры были. Например, в начале 1960-х гг. они проводились в районных

Домах культуры, клубах, на лесоучастках леспромхозов Вологодской области и, как правило, заканчивались продажей книг [9, д. 5, л. 75]. В феврале 1962 г. группа вологодских писателей побывала в колхозе «Дружба» Вологодского района, где встретила с колхозниками в колхозном клубе и на фермах [9, д. 13, л. 4].

*Встреча писателей на вологодской земле.
Писатели России прибывают в Вологду из Архангельска.
15 октября 1970 г.**

Особый интерес у читателей вызывали встречи с известными писателями. В дни своего юбилея, в 1963 г., А.Я. Яшин побывал на родине В. Белова в деревне Тимониха Харовского района. После этого Вологодской областной писательской организацией была организована встреча с жителями Харовска. «Районный Дом культуры был битком забит горожанами, сотни людей пришли послушать выступление писателя», — писал член союза журналистов России, в то время работник областного радио, А. Сушинов [13; 38]. В 1964 г. в центральной районной библиотеке города Великий Устюг состоялась встреча читателей с вологодскими поэтами Б. Чулковым и А. Романовым [40]. В 1965 г. вологжане А. Романов, О. Кванин, Н. Груздева приняли участие в литературных вечерах в сельских клубах: в Комьянском (Грязовецкий район), в Воробьевском (Сокольский), в клубе колхоза «Дружба» Вологодского района, в клубах Пришекснинского района [26, д. 631, л. 4]. В 1966 г. в зале Харовского районного комитета партии рабочие промышленных предприятий, колхозники, учителя, старшеклассники встречали своего земляка В. Белова, поэтов А. Яшина и А. Романова. Александр Яковлевич поделился творческими планами и от души желал харовчанам больших трудовых успехов и хорошего здоровья. Среди вопросов участников вечера были такие: «Над чем работаете сейчас? Ваши планы на будущее? Это были вопросы к В. Белову. — Почему я пишу о людях села? Да очень просто. Я родился и вырос среди них. Эти люди мне близки. Я люблю их. И буду о них писать». Поэты и писатели дали автографы любителям поэзии. И многие унесли с собой сборники стихов и книг прозы писателей-гостей вечера [4].

Для более глубокого погружения в жизнь трудящихся писатели направлялись в творческие командировки. Руководящие органы рекомендовали писателям темы для будущих произведений, последние в свою очередь пытались «отыскать» их в деревне. В данном контексте нельзя не упомянуть рассказы «Рычаги», «Вологодская свадьба» А. Яшина, повесть «Привычное дело» В. Белова.

Многие литераторы в конце 1950-х гг. — начале 1960-х гг. работали не в Вологде, а в районах области. Важным считалось находиться у самих истоков жизни. Вологжане В. Гарновский жил в селении Шоша, В. Сорокин — в Красавино, А. Сушинов — в Тарноге, Н. Матвеев — в Бабаево. С. Викулов был частым гостем в колхозах [20, с. 218; 27]. В. Амосов работал в сельском райкоме комсомола, А. Пшеничников учительствовал в деревне, А. Фомин работал в Оштинском леспромхозе, Б. Ромодин — на железной дороге [5]. В 1958 г. на вечере-встрече вологжан с главным редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Октябрь», писателем Ф.И. Панферовым, членами редколлегии журнала и вологодскими поэтами С. Викулов отмечал, что большое значение для его творчества имели личные наблюдения, поездки по районам, общение с тружениками сел [16].

В 1960-е гг. выезды в районы стали традиционными [10]. В 1965 г. С. Викулов побывал в Харовском и Вожегодском районах, В. Белов — в Череповецком и Харовском районах, А. Романов — в Сокольском, А. Сухарев — в Вологодском районе. Целью командировок являлись беседы с тружениками полей и ферм, публичные выступления, сбор материалов для очерков, стихов, рассказов и т.д. [26, д. 631, л. 4].

Многие писатели работали корреспондентами газет и журналов, часто выезжали за репортажами, что положительно сказывалось на их творческой работе. А. Романов, описывая работу литературного объединения при молодежной газете «Вологодский комсомолец», утверждал: «Газета для поэта — не только печатные страницы. Это и дороги, командировки, встречи с разными людьми, узнавание родного края. Все стихи, написанные мною и составившие потом пять книжек, так или иначе связаны с работой в газете, с газетными поездками. Или возьмем Ольгу Фокину. Если бы не газета, то она, наверное, никогда бы не написала замечательных стихов “Кто на Тарногу?” и других, ставших широко известными. Б. Чулков, А. Сухарев, Л. Беляев — все они тоже во многом обязаны газете» [30]. В ноябре 1967 г. по командировке журнала «Молодая гвардия» поэт В. Коротаяев и прозаик В. Астафьев провели литературные вечера в совхозах и колхозах Кубани, встречались со студентами, выступили по телевидению в Краснодаре [39].

Еще одной формой культурно-массовой работы писателей являлись встречи с читателями, организованными в ходе поездок по водным магистралям региона. В. Малков в номере газеты «Правда» от 18 июля 1966 г. сообщал, что большая группа писателей-вологжан и литераторов Москвы и Ленинграда совершила многодневную поездку на теплоходе «Буревестник» по реке Сухоне. Писатели встретились с тружениками совхоза «Шуйское» и колхоза «Сигнал»,

* Источник: Королев И. Писатели России в гостях у вологжан // Красный Север. 1970. 16 октября. С. 1. Автор съемки А. Жидков.

лесозаготовителями Тотемского и Брусенецкого лес-промхозов, с читателями городов Тотьмы, Великого Устюга и районного центра Нюксеница. Поэты С. Викулов, А. Романов, В. Коротаев, Д. Голубков, прозаики К. Коничев, В. Белов, Ю. Добряков и др. познакомили собравшихся со своим творчеством, прочли новые произведения, рассказали о своих творческих планах. Целью поездки А. Романов назвал творческий отчет перед земляками-читателями. Состоялось 7 литературных вечеров в Домах культуры, на которых присутствовало около 4 тыс. человек. «Писатели старались вникать в экономику, быт, культуру тех хозяйств и мест, где выступали», – пояснял А. Романов [19; 28; 29]. В газете «Советская Россия» в номере за 3 сентября 1967 г. корреспондент А. Катаников сообщал: «Творческие поездки по родному краю стали доброй традицией вологодских писателей. На сей раз их маршрут пролегал от Череповца до Вытегры, по Волго-Балтийскому водному пути». А. Романов, В. Коротаев, В. Белов и др. встретились с рабочими Череповецкого судоремонтного завода. Затем на теплоходе «В. Верещагин» писатели отправились к жителям Кириллова, Белозерска, городов и поселков Шекснинского и Вытегорского районов Вологодской области [15].

После творческих встреч писатели давали автографы, которые были очень дороги для почитателей их таланта. О знакомстве с А. Яшиным 28 августа 1967 г. и оставленном им в ходе встречи писателей в районном центре Липин Бор Вашкинского района автографе на книге «Сирота» вспоминал, в то время редактор одной из областных газет, а в будущем писатель, В. Елесин: «Этот автограф – один из самых дорогих для меня» [12]. Много автографов имел в своем доме журналист, руководитель областной печати В.Т. Невзоров: К. Симонова, П. Нилина, С. Орлова, А. Каплера, Ю. Друниной, С. Залыгина. Он устраивал в своем доме литературные вечера, на которых бывали В. Тендряков, А. Яшин, В. Астафьев, В. Белов и т.д. Он же заложил традицию ежегодных поездок писателей по области на пароходе. Каждое лето отправлялся паромом вверх по Сухоне-реке, останавливаясь в райцентрах, деревушках и леспрохозах. Писатели и поэты, встречаясь с читателями, беседовали о каждодневных заботах [23].

Итак, на протяжении 1950–1960-х гг. писатели, поэты и литературный актив Вологодского отделения Союза писателей выступали на читательских конференциях и литературных вечерах в библиотеках, принимали участие в книжных базарах, «днях поэзии», «днях литературы», встречах с читателями на заводах и предприятиях. Мероприятия часто посещали писатели старшего поколения и иногородние авторы, что не могло не привлекать к ним интерес публики. В сельской местности литераторы общались с читателями посредством выступлений в районных клубах и домах культуры. Постепенно эта деятельность велась активнее, наряду с традиционными формами культурно-массовой работы использовались и новые, например, встречи с читателями, организованными в ходе поездок на речном транспорте. Исходя из своих главных задач, связанных с изображением жизни деревни и ее тружеников, писатели направлялись жить и

работать в районах. В итоге это влияло на их творческий рост, авторитет, а также на спрос книг и приобретение населения к литературе. В ходе встреч читатели могли глубже познакомиться с творчеством местных авторов, наличие устойчивого интереса к которому подтверждают приведенные сведения о переполненных публичной залах учреждений культуры.

Таким образом, 1950–1960-е гг. – яркий период в развитии творческой деятельности вологодских писателей. Не зря литературная критика периода 1960–1980-х гг. говорила о вологодской литературной школе как о «вологодском феномене», о «вологодском чуде» [32].

Литература

1. Аристов, М. Крепнут в полете / М. Аристов // Литературная Россия. – 1963. – 27 декабря. – С. 4.
2. Афанасьев, В. Большой совет писателей / В. Афанасьев // Красный Север. – 1966. – 18 декабря. – С. 4.
3. Белозеров, В. Начало большой дружбы / В. Белозеров // Коммунист. – 1960. – 12 февраля. – С. 4.
4. Бобылев, В. Рукопожатие / В. Бобылев, А. Сушинов // Вологодский комсомолец. – 1966. – 10 апреля. – С. 4.
5. Викулов, С. О творчестве молодых / С. Викулов // Красный Север. – 1955. – 14 декабря. – С. 3.
6. Встреча в книжном магазине // Коммунист. – 1960. – 12 февраля. – С. 4.
7. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Фотоархив.
8. Государственный архив Вологодской области (ГABO). – Ф. 4795. – Оп. 1.
9. ГABO. – Ф. 846. – Оп. 1.
10. Горюх, Л. Год творческий / Л. Горюх // Красный Север. – 1968. – 13 декабря. – С. 4.
11. Гура, В. Теплые встречи / В. Гура // Красный Север. – 1960. – 9 октября. – С. 2.
12. Елесин, В. Единственная встреча / В. Елесин // Красный Север. – 1994. – 15 июня. – С. 3.
13. Карасева, Г.М. Дом, в котором родился писатель А.Я. Яшин [Электронный ресурс] / Г.М. Карасева // ВОУНБ. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Вологодская область. М.: Б.и., 1979. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mat/eri/aly/47.htm> (дата обращения: 02.05.2017 г.).
14. Карцев, А. Вологодские писатели в Москве / А. Карцев // Литература и жизнь. – 1960. – 2 октября. – С. 3.
15. Катаников, А. Со стихами по Волгобалту / А. Катаников // Советская Россия. – 1967. – 3 сентября. – С. 4.
16. Кибардина, А. Разговор о литературе и жизни / А. Кибардина // Красный Север. 1958. – 19 сентября. – С. 4.
17. Коваленко, Р. Земля Михайлы Ломоносова слушает слова писателей о человеке труда / Р. Коваленко, Л. Юнина // Литературная Россия. – 1970. – 16 октября. – С. 2–5.
18. Крутиков, А. Областное совещание писателей / А. Крутиков // Вологодский комсомолец. – 1960. – 11 февраля. – С. 3.
19. Малков, В. Рейс по Сухоне / В. Малков // Правда. – 1966. – 18 июля. – С. 6.
20. Мар, Н. Вологда пишет и издает / Н. Мар // Москва. – 1958. – № 6. – С. 215–218.
21. Николаев, Л. Встреча с поэтами / Л. Николаев // Красный Север. – 1958. – 26 ноября. – С. 4.
22. Патралов, Л. О близком и родном / Л. Патралов // Литературная Россия. – 1965. – № 44. – 29 октября. – С. 21.
23. Пиралов, А. Пароход на Сухоне-реке / А. Пиралов // Российская газета. – 1992. – 30 июня. – С. 8.
24. Пономарев, Б. Литературный Архангельск: События, имена, факты, 1920–1980 / Б. Пономарев. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. – 190 с.

25. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2938. – Оп. 1.
26. РГАЛИ. – Ф. 2938. – Оп. 2.
27. Рождение новой организации // Красный Север. – 1961. – 27 июля. – С. 4.
28. Романов, А. Дороги творческие / А. Романов // Красный Север. – 1966. – 14 сентября. – С. 3.
29. Романов, А. Писатели и художники снова в пути / А. Романов // Красный Север. – 1968. – 23 июня. – С. 3.
30. Романов, А. Поэты и «Вологодский комсомолец» / А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1966. – 4 мая. – С. 3.
31. Сергеев, Н. Поэты встречаются с вологжанами / Н. Сергеев // Красный Север. – 1961. – 8 февраля. – С. 4.
32. Смирнова, В. Вологодский литературный феномен [Интервью с первым заместителем губернатора Вологодской области И.А. Поздняковым] / В. Смирнова // Красный Север. – 2011. – 27 сентября. – С. 4.
33. Степанченко, Д. День поэзии / Д. Степанченко // Красный Север. – 1957. – 19 ноября. – С. 4.
34. Столетова, А.С. Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг. [Электронный ресурс] / А.С. Столетова // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 1 (1) (эл. журнал). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=2644>
35. Столетова, А.С. Работа массовых библиотек по обслуживанию читателей в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) / А.С. Столетова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7–2 (57). – С. 169–173.
36. Столетова, А.С. Роль библиотек в организации культурно-досуговой сферы населения Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей) / А.С. Столетова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 6 (44). – С. 53–59.
37. Столетова, А.С. Сотрудничество писателей и библиотек Европейского Севера России в работе с читателями в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей) / А.С. Столетова // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), Уфа, 24–25 марта 2016 г. / сост. А.Р. Бикбулатова, отв. ред. А.М. Фатхутдинова. – Уфа: ЦКиР НБ РБ, 2016. – С. 82–90.
38. Сушинов, А. Зажмурься, но скажи правду!: [Воспоминания о встречах с поэтом А.Я. Яшиным] / А. Сушинов // Русский Север. – 1998. – 27 марта. – С. 11.
39. Сушинов, А. У писателей Вологды / А. Сушинов // Красный Север. – 1967. – 12 декабря. – С. 4.
40. Шарнин, П. Встречи с читателями / П. Шарнин // Красный Север. – 1964. – 25 ноября. – С. 4.

A.S. Stoletova

VOLOGDA WRITERS' CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES FOR THEIR READERSHIP IN THE 1950s – 1960s

The article deals with cultural and educational activities of Vologda writers in the 1950s – 1960s. In the article, the writers' tasks of translation of the values adopted by the government are discussed. It is emphasized that the party considered writers' participation in cultural and educational activities for their readers as an active method of propaganda. The author describes the forms of Vologda writers' cultural and educational activities, the peculiarities of these activities in rural areas, the topics of popularized books, and cooperation with writers from other regions. Particular attention is given to readers' interest in groundbreaking works by A. Yashin and V. Belov, and non-traditional forms of interaction between writers and their readership. The author concludes that cultural and educational activities of Vologda writers influenced the growth of interest in literature among the public.

Vologda region, reader, literature, culture, cultural and educational activity, writer.

стыря, в котором разного рода расходы (на кормовые поминания своих вкладчиков или выдача одежды и обуви) фиксировалась в отдельных книгах в XVII в., хотя сам термин – *книги выдаточные* – в Прилуках не употреблялся [1, кн. 1395; 3, с. 344–435].

До попадания в фонд Спасо-Прилуцкого монастыря данный источник находился в собрании известных вологодских краеведов Н.И. и И.Н. Суворовых и содержит множество карандашных пометок. К их числу относится и общая хронология книги, указанная на л. 62 – 1647–1661 гг. На полях видны подсчеты количества выдаваемых из архиерейской казны икон за год, имеются и некоторые другие ремарки относительно упоминаемых в книге лиц и предметов. Аналогичные наблюдения нами были сделаны по рукописи описной книги Спасо-Каменного монастыря 1670 г., также побывавшей в руках Суворовых [8, с. 15–16].

Ценность кн. 37 как исторического источника заключается в отражении ею предельно широких социальных связей Вологодского архиепископа Маркела. К нему приходили за благословением слуги и мастеровые люди кафедр, посадские люди Вологды и других городов, торговые крестьяне архиерейских и дворцовых сел, гости и члены гостинной сотни, направлявшиеся обычно в Архангельск для выполнения казенных служб, некоторые торговые иноземцы, послы в иностранные государства (Венгрию, Венецию, Голландию, Флоренцию), воеводы и дьяки, получившие назначения в Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Яренск, Кевролу, наконец, духовные лица различного ранга. Подобные сведения важны для всякого рода биографических, хронологических построений и уточнений казенных служб русского купечества, вступления в должность приказных лиц в уездных городах, замещения церковных должностей, паломнических поездок из центра России в северные монастыри и даже международных связей России со странами Европы.

Архиерейское благословение сопровождалось преподнесением Богородичных икон разного размера и украшения. Например: «Дьяк Семен Дохтуров как приехал с Москвы на Вологду на дьячество на Савино место Зверева, приходил к государю архиепископу благословиться, и государь архиепископ благословил ему образ Пречистые Богородицы меньшого окладу» [1, кн. 37, л. 63]. В кн. 37 указываются оклады басменные, трубные, меньшие, средние и большие, канфаренные; образы-пядницы, на золоте и на красках, с резными у них венцами и подписями. Эта информация важна при изучении архиерейского дома как центра художественной культуры, поскольку в нем было организовано массовое изготовление икон. Вместе с тем архиерейская кафедра имела налаженные связи с артелями иконописцев в Вологде с их рыночным сбытом в Иконном ряду на городском торге. Укажем в этой связи на статью Е.Б. Французовой, в которой специально рассмотрен вопрос о роли архиепископа Маркела в развитии иконописного дела в Вологде [12, с. 30–46].

Среди паломников, едущих в Соловки и другие северные монастыри – Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Антоньев Сийский, Крестный на Кий-острове Онежской губы – названы окольныхчий

кн. П.В. Волконский, бояре И.В. Морозов, Н.И. Одоевский и В.И. Шереметев, донские казаки, архимандрит Савво-Сторожевского монастыря Никанор. Имеется запись о поездке 28 марта 1652 г. новгородского митрополита Никона (а с 25 июля того же года уже патриарха) в Соловки за мощами погибшего в опрочину митрополита Филиппа Колычева [1, кн. 37, л. 82 об.]. Помимо Никона отмечены визиты к Маркелу и другой «знаковой фигуре» эпохи церковных реформ и раскола – протопопа Казанского собора в Москве Ивана Неронова – 18 января и 24 мая 1652 г. [1, кн. 37, л. 84 об., 88 об.]. Приводятся сведения о начале строительства при Никоне патриаршего Крестного монастыря в августе–октябре 1656 г., о «кадровом» составе первоначальной патриаршей администрации [1, кн. 37, л. 98 об., 99 об.–100, 107 об.]. Постоянными были контакты архиепископа Маркела с соловецкими старцами вологодской службы (соляного двора) и с приезжавшими из Соловков на Вологду монахами знаменитой островной обители [1, кн. 37, л. 76 об.–78, 90, 101 об.].

Расширяются биографические сведения о втором по значимости после Маркела человеке архиерейского дома, приказном Василии Григорьевиче Данилове-Домнине, который 17 лет возглавлял его администрацию. Столь высокое назначение он получил по царскому указу в мае 1653 г. на место умершего кн. Григория Дябринского [6, с. 19]. Годом же ранее, 30 сентября 1652 г., он, «женясь, приходил к владыке благословиться, и государь архиепископ благословил ему образ Пречистые Богородицы меньшого окладу». Далее словно приоткрывается картина свадьбы: «...А у него, Василья, в тысяцких был Борис Брянченинов да Матвей Домнин, да с ним приходили к государю архиепископу», каждый от владыки получил по иконе [1, кн. 37, л. 85 об.]. Из опубликованных Г.П. Ениным раздаточных книг наследства В.Г. Данилова-Домнина (умер в августе 1671 г.) известно, что жену его звали Евдокия (Авдотья) Гаврилова дочь, а Матвей являлся его племянником [6, с. 55–56, 59–62].

К числу важных сведений о составе архиерейской администрации следует отнести указание на десятильника весьма отдаленной от Вологды, но входившей в состав ее епархии, Соли Камской Ивана Гаврилова. С ним Маркел передал для соликамского воеводы А.К. Кологривова «образ Умиления окладной» [1, кн. 37, л. 101]. Аналогично можно видеть в том, как архиерейского сына боярского Акинфия Горяинова в июле 1659 г. послали в Вилегодскую волость Сольвычегодского уезда собирать государственные налоги, передав с ним тамошнему воеводе Б. Бешенцеву икону Богородицы Умиления [1, кн. 37, л. 111 об.].

Визиты к владыке совершались и приезжавшими на Вологду или Устюг с различными правительственными заданиями представителями московских приказов – «корел ссыкивать» или «для сказок, сколько где померло людей» (здесь имеются в виду демографические потери от морового поветрия 1654/55 г.) [1, кн. 37, л. 80, 83 об., 92 об.]. Помимо сыскных мероприятий относительно крестьянского бегства, пребывание в Вологде и уезде приказных чинов высокого ранга и архимандритов некоторых московских монастырей было связано с повышенным налогообложе-

нием архиерейских вотчин на начальном этапе русско-польской войны 1654–1656 гг. – «для сказки, сколко в софейских домовых житницах хлеба», «для высылки из монастырей отписного половинного запаса» [1, кн. 37, л. 92, 95 об.]. О связях с Сибирью свидетельствуют записи в кн. 37 про направлявшихся из Сибири в Москву и обратно светских и церковных лицах – воеводы кн. А. Кропоткина, московского жильца С. Тургенева, дьяков С. Румянцева и Г. Головкина, архиепископа Тобольского Симеона. Последний посетил архиерейскую службу в Софийском соборе [1, кн. 37, л. 83 об., 86 об., 91, 110 об.].

Несомненный историко-культурный интерес представляет запись от мая 1656 г. о проезде через Вологду посланника из «Виницейской земли» (Венеции. – М.Ч.) с дьяком А. Постниковым и двумя дворянами, «что везли к Москве Николы Чюдотворца миро» [1, кн. 37, л. 105]. К сентябрю 1657 г. относится запись о проезде из Архангельска через Вологду по пути в Москву новокрещеного иноземца, «гостина сына» Андрея Андреева. Полагаем, это А.А. Виниус, сын осевшего в Москве голландского купца А.Д. Виниуса [1, кн. 37, л. 106 об.]. Русское подданство последний принял в марте 1648 г., а переход его семьи в православие произошел позднее. С.П. Орленко со ссылкой на челобитную Андрея Виниуса-младшего пишет, что крестил его в 1652 г. сам патриарх Никон [7, с. 138, 287].

К архиепископу Маркелу приходили разные люди вскоре после женитьбы, по случаю появления в их семьях новорожденных младенцев «о здоровье», на день своего ангела либо своих детей и внуков «с ымяннинным пирогом». Поднесение владыке пирога и ответное получение от него благословения и иконы невольно напоминает весьма архаичную в основе своей практику дара-отдара, характерную для традиционных обществ с их взаимообразностью социокультурных коммуникаций, натуральным обменом услуг, или, как говорится в зарубежной историографии, «generalized exchange» [4, с. 38, 45].

В записи от августа 1658 г. говорится, что вологодский воевода А.П. Еропкин и его племянник М.И. Еропкин на Успенъев день «ели хлеба» у владыки, после чего получили от него по иконе [1, кн. 37, л. 108 об.]. Подобная практика отражала несомненные, хотя и в пережиточном виде, элементы праздничного кормления местным обществом административного аппарата – светского и церковного. Феномен кормления в церковной сфере был рассмотрен Г.П. Ениным, убедительно показавшим его системный характер [5, с. 121–128]. Типологически он не был отличен от светской практики. Прямые «высказывания» на этот счет находим в расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: «...купили к Велику дню на розвоз приказным бояром и подьячим перепеч <пасхальных куличей> и боранов и зайцов – всего на 62 алт.»; «розвозили корм бояром на Петров день»; «купили калачей на 1 алт., несли на дорогу Никите Ивановичу Тороканову; перепечу и зайца несли на Рожество Христово приказному человеку» [1, кн. 3, л. 73, 76; кн. 6, л. 58 об., 65 об., 90 об.–91; кн. 7, л. 23 об., 40; кн. 9, л. 55 об., 65 об.; кн. 64, л. 66 об.–68]. Для ведущего масштабное производство соли Спасо-Прилуцкого монастыря

удобнее было именно ее преподносить «в почесть» воеводам и дьякам, лицам церковной администрации в Холмогорах, Устюге и Вологде [1, кн. 69, л. 44–48; кн. 76, л. 48 об.–49; кн. 86, л. 36 об.–37]. Характерны совпадающие с порядками наместничьего и воеводского кормления моменты получения даров, будь то икона, именинный пирог, перепеча, мех с солью вместимостью 35–37 пудов – на приезд и отъезд должностных лиц, на дни ангела, на крупные церковные праздники, значимые события в царской семье, становящиеся известными во всем государстве [4, с. 39–67; 14, с. 114].

Но корректно ли икону как нечто возвышенное ставить в один ряд с предназначенными для поедания кормами либо их денежными эквивалентами? Постаемся чуть ниже разрешить это сомнение.

Среди «ходовков» к Маркелу были не только родственники (сыновья, племянники) приказных людей, но и так называемые «держальники» – вологодского воеводы Л.С. Милославского (1651 г.) и устюжского воеводы М.Ф. Ртищева (1658 г.) [1, кн. 37, л. 80, 114 об.]. О *держальниках-хлебояжцах* П.В. Седов пишет, что это были свободные обедневшие дворяне, которых «держали», кормили, предоставляли кров, защиту в боярских дворах для выполнения разной службы. Как польские пань имели свиту из безземельной шляхты, так и русские бояре набирали держальников из дворян. Последние, благодаря влияния своих патронов, могли получить выгодные государственные должности. Так боярское покровительство способствовало социальному возвышению мелких послужильцев-держальников [11, с. 102–103]. Регулярные подношения «воеводским племянником и держальником» икон и денег «в почесть» делали старцы Павло-Обнорского монастыря, нередко во время праздничного воеводского застолья, куда приглашался обнорский «отец-архимандрит» [14, с. 113, 116, 122]. В его приходе-расходной книге 1694 г. *подносные иконы* отмечены в одном ряду с подносными же баранами, рыбами, калачами, пирогами, медом, алтынами, органически вплетены в продуктовые и денежные компоненты системы кормлений. И сакральный предмет (икона), и еда, и деньги – все в равной мере было включено в «кормленный оборот».

К вологодскому владыке приезжали также разные посланники из Москвы с богомольными грамотами по случаю рождения царевен в семье Алексея Михайловича – Евдокии, Анны, Софьи, Екатерины [1, кн. 37, л. 74 об., 94 об.]. Фиксируются и поездки самого Маркела в Усть-Вымь «пермским чудотворцом помолитися» и в Москву. Они всегда сопровождалась выдачей из архиерейской казны большого количества икон Богородицы Умиления и Успения, Софии Премудрости Слова Божия для поднесения государю и приказным людям «в почесть», а также «на домовую московской росход». Их частичная реализация на рынке помогала бюджету кафедры справиться с немалыми расходами в столице. Такая же практика известна и по другим монастырям – Тихвину Успенскому, Павло-Обнорскому [11, с. 102; 14, с. 113].

Иконы были необходимы также для украшения церкви Стефана Пермского на архиерейском подворье в Москве [1, кн. 37, л. 81 об.–82, 91, 112 об.]. Даже

если владыка и не ехал сам в Москву, все равно на Пасху и Успение Богородицы туда с оказией посылались множество икон и «святая успенская вода к государьской подноске». В 1653 г. иконы и вода были отправлены с сыном боярским Павлом Юрьевым, ехавшим на управление подмосковной вотчиной архиерея селом Городищем [1, кн. 37, л. 86 об.–87]. О работавших в Москве своих стряпчих, хлопотавших об архиерейских делах в приказах [10, с. 139–150], владыка также не забывал, регулярно посылая им иконы.

Кн. 37 расширяет сведения о составе местной администрации Вологды в 1647–1663 гг. – регулярно сменяемых воеводах, дьяках, земских целовальниках, головах и подьячих таможенной избы, губных старостах [1, кн. 37, л. 84 об., 91 об., 93, 100 об., 101, 110, 114]. Сделанные в кн. 37 разными писцами записи на протяжении 1647–1661 гг. доносят диалектные особенности русского языка. Обилие антропонимического и историко-географического материала в кн. 37 представляет несомненный интерес для географов и лингвистов, делает возможным междисциплинарные исследования.

Представленный в статье источник свидетельствует о глубокой традиционности Московской Руси как типа социума, в котором сферы публичного и частного не были четко отчленены, многие отношения имели не формально-юридический, институциональный, а неформально-личностный характер, обусловленный давними устоями обычного права. Укорененные принципы дара–отдара словно кровеносные сосуды пронизывали ячейки тогдашнего русского общества, воспроизводились во всем разнообразии социальных связей, взятых как по вертикали, так и по горизонтали. Это говорит о *взаимном уподоблении* государственной и церковной систем собственности-присвоения-управления.

Литература

1. ГАВО. – Ф. 512. – Оп. 1.

2. Дадькина, М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII в. Исследование. Тексты / М.М. Дадькина. – Москва; Санкт-Петербург, 2011.

3. Дадькина, М.М. Книги раздачи старческого платья, сапог и всякой рухляди Спасо-Прилуцкого монастыря XVII века / М.М. Дадькина // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII вв. / отв. ред. П.В. Седов. – Санкт-Петербург, 2015.

4. Drian, Davies. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 / Davies Drian // Culture and Identity in Moscow, 1359–1584 / Edited by A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. – Moscow, 1997.

5. Енин, Г.П. Кормление церковного аппарата управления в XVI–XVII вв. и система кормлений / Г.П. Енин // Русская религиозность: проблемы изучения. – Санкт-Петербург, 2000.

6. Енин, Г.П. Раздаточные книги наследства архиепископского приказного В.Г. Данилова-Домнина (Исследование и источник) / Г.П. Енин. – Санкт-Петербург, 2009.

7. Орленко, С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. Правовой статус и реальное положение / С.П. Орленко. – Москва, 2004.

8. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты / сост. О.Н. Адамеко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова. – Вологда, 2011.

9. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / сост. Н.В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2016.

10. Седов, П.В. Подношения в московских приказах XVII в. / П.В. Седов // Отечественная история. – 1996. – № 1.

11. Седов, П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. / П.В. Седов. – Санкт-Петербург, 2008.

12. Французова, Е.Б. Иконописное дело в Вологде в первой половине XVII в. / Е.Б. Французова // Культура Европейского севера России (дооктябрьский период). Межвузов. сб. науч. тр. – Вологда, 1989.

13. Черкасова, М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции / М.С. Черкасова. – Вологда, 2012.

14. Шамина, И.Н. Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3/4 (31–32).

M.S. Cherkasova

THE NEW SOURCE FROM THE VOLOGDA BISHOP'S HOUSE ARCHIVE OF THE 17th CENTURY

In the article, the expense book ("vydatochnaya kniga") found in the State Archive of the Vologda region and pertained to the activities of Archbishop Markel (1645–1663) is described. The author defines this new source as a type of an account-book, which promotes the obtaining of new scientific knowledge, and demonstrates the importance of this source for the further study of some issues of socio-political and socio-cultural history of Russia in the 17th century.

The Bishop's House, archeography, source study, account-books, social relations.

О.В. Овчинников

Северный (Арктический) федеральный университет

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НАУКИ: ГОРИЗОНТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА?

Статья посвящена переломному этапу в развитии науки, связанному с переходом к шестому технологическому укладу и местом России в данном мировом процессе. Сумма накопленных в науке знаний дает возможность совершить качественный переход в другую систему общества. Но будущее всегда неопределенно, т.к. по законам синергетики тезаурус, детектор и селектор не просчитываются. В результате вероятностный прогноз осуществляется на анализе зарождающихся аттракторов. В статье также рассматриваются следующие проблемы: кентавр-противоречие, контуры новой науки, обновленная Т. Пикетти экономическая теория К. Маркса.

Инновационная цивилизация, NBIC-технологии, «черный лебедь», синергетика.

35 лет назад Станислав Лем в послесловии к новому изданию книги «Сумма технологий» [1] предсказал приход новой инновационной цивилизации на базе конвергенции биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что в современном прочтении обозначается как NBIC-технологии, которые в 2018 г. дадут старт шестого технологического уклада (ТУ). Напомним, что первым ТУ принято считать бронзовый век, затем книгопечатание, пар, электричество, интернет. А вот теперь сумма накопленных знаний и технологий дают потенциальную возможность совершить качественный скачок: нано, био, ИКТ и особенно когнитивные технологии открывают возможность изменить не только физиологическую, но и духовную сущность человека, его мышление и разум, а следовательно, и саму природу человека. Все это может привести к инновационно-технологической цивилизации XXI века. И как ожидают некоторые сверхоптимисты – возникнет мир без войн, насилия, многих болезней, гармоничный с Природой. Конечно, часть из перечисленного будет, но как пишет Ф. Фукуяма в работе «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции», «...постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшней, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где будет утрачено любое «общечеловеческое», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [2, с. 308].

В данном случае об этой диалектике, «оборотной стороне медали», предупреждает весь опыт человечества, говоря о том, что или инновационная цивилизация даст неизведанные ранее горизонты развития потенциала человека, или она уничтожит этот мир. Но пока не будем заглядывать в то далекое будущее, ибо делаем только первые шаги в новую цивилизацию и

посмотрим на контуры, которые мы обозначили для себя в России. основополагающий документ, который является прогнозным – это Указ Президента РФ В.В. Путина от 1 декабря 2016 г. «Стратегия научно-технологического развития РФ» [3], рассчитанная на два этапа. На первом, подготовительном (2017–2019 гг.) создаются организационные, финансовые и законодательные механизмы, осуществляется запуск научных проектов, создается система устойчивого воспроизводства кадров для новой экономики. На втором этапе (2020–2025 гг.) осуществляется быстрый переход на природоподобные технологии. Конечно, нечто подобное у нас уже происходило, когда в 30–40-е гг. XX века в СССР форсированно осуществили индустриализацию, и при этом за тактическими целями не упустили и стратегические, а именно запуск атомного проекта в самые тяжелые годы Отечественной войны, без которого разгром фашизма (тактические цели) был бы сведен на нет монополией США на обладание ядерным оружием. Тогда все удалось. Теперь же возникают некоторые сомнения в способности осуществить нынешнюю Программу. Почему? Во-первых, во времена индустриализации был другой экономический уклад: плано-распределительная экономика, которая позволяла выжимать недоступный капитализму максимум абсолютной прибавочной стоимости и осуществлять редуцирование экономики таким образом, чтобы все производственные факторы интенсивной природы использовались для экстенсивного экономического роста. Тогда в отличие от капитализма единица живого труда выступала не как физическая единица, а как собственно экономическая мера, отвечающая нерасчлененной макромоделю, «представляющей народное хозяйство в единое целое, в котором промежуточные продукты планового периода уподобляются незавершенному производству». Соответственно, не требовалось денежной формы для

включения труда в экономическую систему. Иными словами, социалистическая экономика была не только натуральной, в отличие от денежной, она была еще и экономикой будущего, в отличии от экономики настоящего, по Д. Хигсу [4].

Во-вторых, прошедшие 25 лет после цивилизационной катастрофы СССР показали, что осуществить быстрый переход к рыночной системе не удалось. Глубинной причиной явилось то обстоятельство, что коды и русской и англо-саксонской цивилизаций, как и индийской, китайской и др., не позволяют перепрограммировать их как Системы по одной модели, в данном случае по англо-саксонской [5]. Прогнозировали, что согласно гегелевской диалектике социализм свои преимущества соединит с лучшими достижениями капитализма и получит в синтезе новое качество. Оказалось, что соединили худшее из социализма и худшее из капитализма и получили **кентавр-проблему, кентавр-противоречие** [6]. В экономике вместо конкуренции – монополия, в политической сфере по форме демократия, по существу – единоначалие от поселкового Совета до всероссийского, в социальной жизни вместо шести классов (высший – высший; низший – высший; высший – средний; низший – средний; высший – низший; низший – низший) по доходам всего три: высший (1%), ниже среднего (60–70%) и прекариат (до 20%). Ниже черты бедности – 22 млн человек. В духовной сфере гремучая смесь русских, советских, западных, архаичных восточных и еще Бог знает каких ценностей. Конечно, так и должно было быть в условиях, когда общество переходит из состояния Порядка к состоянию Хаоса (и не только российское, но и все мировое). И ничего удивительного нет в том, что главный документ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития 2008–2020 гг.» оказался почти полностью не выполненным. Выражаясь языком Н. Талеба в прошедшем периоде оказалось столько «черных лебедей», что у всех была только одна цель: не упасть бы опять в роковые 90-е годы. Кстати, когда политик Н.Н. Суханов обвинял В.И. Ленина в прожектерстве, в том, что за год обещали построить социализм, а вместо него оказались в военном коммунизме, тот оправдываясь, говорил, что откуда нам было знать, что будет Брестский мир, что не будет революции в Германии и т.д. и т.д. И тогда и сейчас мы понимаем, что в условиях Хаоса условиями существования Системы являются открытость, нелинейность и неравновесность. Никакая наука не просчитает параметры тезауруса, детектора, селектора, поэтому и господствует ее величество Случайность. И в такие периоды очень важно заметить аттракторы (мельчайшие точки роста), которые потом превратятся в элементы и структуру новой Системы [7].

Так и с нашей экономикой. Впервые за 24 года не было такого количества компаний в 2016 г., которые показывают рост на 30, 40, 50, 70%, вне зависимости от состояния отрасли и экономики в целом. В 2015 г. совокупная прибыль российского бизнеса была пиковой. Деньги есть и их уже инвестируют в системы М2М: производство датчиков, сенсоров, интегрирующих решений для оборудования. Сегодня практически все технологические области шестого техноло-

гического уклада у нас представлены, кроме стационарных систем хранения энергии. В 2016 году в России появилось еще 10 новых производителей 3D принтеров. Как и в прошлой социалистической экономике на острие нового технологического уклада идет оборонно-промышленный комплекс. Металлургия, самолетостроение, спецметаллы – здесь осуществляется переход на аддитивные технологии, форсированно проводится омологизация, сертификация. В микроэлектронике вышли на системы 90 и 60 нанометров. Однако у нас практически нет электронного машиностроения и станкостроения. Сделан крупнейший прорыв в космической отрасли: в 2018 г. начнутся летные испытания ядерной энергодвигательной установки мегаваттного класса. Вообще темпы продвижения в атомной энергетике носят взрывной характер. На очереди строительство суперледокола ЛК-110Я «Лидер», который позволит практически открыть Северный морской путь. Перечислять наши точки роста можно еще и далее: это и солнечные батареи, которые в пять раз эффективнее зарубежных, беспилотники, экзоскелеты, роботы на транспорте, сильные прорывы в биотехнологии, когда мы сумели 76% жизненно необходимых лекарств выпускать сами. Однако это пока гонка за лидерами. И здесь вперед вырвались китайцы, которые собирают в компаниях по сто тысяч «яйцеголовых» людей и с разными вариациями воплощают схему, где вместе работают ученый, эксперт, конструктор оборудования и маркетинговые хищники, которые думают, кому это продать. Другими словами, креативность – это ключевое выживание компании. Здесь у России самое слабое звено: компании по 10 лет делают одно и то же, а потом разжигают ценовые войны [8].

А теперь о науке, «уши» которой видны за каждым прорывом в технологиях. Здесь не все так просто, так как нет линейной зависимости между научными открытиями и развитием экономики. «Золотым столетием» науки считается 1860–1960 гг., когда были созданы все современные двигатели, автомобильная, авиационная, космическая промышленность, сельхозмашиностроение, ЭВМ, роботы, антибиотики и т.д. И возьмем прошедшие 55 лет (1960–2015 гг.). Успехи только в электронике, созданы Интернет, томограф, да и то это сделали те, кто учился до 1960 г.

Почему такие взлеты и падения? Ответ заключается в волновом принципе всех происходящих процессов. Столетие пика развития науки сменилось периодом спада, потому что на прошлых константах уже продвигаться невозможно. Это очень хорошо осознали в редакции журнала «Человек», в первом номере которого в 1989 г. поставили цель: «способствовать гуманизации отношений». Но уже в 2017 г. иллюзии исчезли. Возникли абсурдные (с точки зрения 60–80-х годов прошлого столетия) вопросы:

- Остается ли наука социальным институтом?
- Вся история западной философии – это история комментариев к Платону?
- Феномен НБИКС-технологий принципиально меняет науку и дает возможность трансформировать человеческую телесность, мозг, психику?
- Ньютоновско-Эйнштейновская картина мира сменилась теорией Линде?

- Поиск добра и красоты дело религии, но не науки. Наука занимается не истиной, а ценностями и целями? Истинно то, что полезно для бизнеса, для элит? [9].

В подтверждении данного тезиса тема научных исследований в финских университетах одна – это **РЫНКИ**: академический (о самой науке), корпоративный (технические науки), политехнический, в т.ч. образование и медицина, рынок профессиональных знаний (интересы учителей, юристов, врачей, профобразование), гражданский рынок (общество, граждане).

В основе современной науки – междисциплинарный подход на базе новейших компьютерных технологий (Биг Дата). Цифровой инструментарий – коллоборативные базы данных, геотрекинг, визуализация, интеграция мультимедиа и текста. В 24-х странах создано 114 центров цифровой науки (в США – 44) в новом направлении «Гуманитарные науки – 2.0». Но приведенные выше примеры поворота всей науки к исследованию рынков это не только прагматическая цель повышения эффективности в каждом секторе общества. Если смотреть в основы фундаментальных сдвигов в науке, то они заключаются в том, что после Второй мировой войны странами «золотого миллиарда» была запущена модель расширенного экономического воспроизводства, или по-другому – массовое истребление ресурсов. А после того, как население Китая и Индии перешло с велосипеда на автомобиль, общий кризис цивилизации перешел в последнюю фазу борьбы с Природой, биосферой. И этот последний глобальный вызов можно решить только при принципиальной перестройке базовых составляющих существующей цивилизационной модели: науки, образования, технологий. Речь идет о создании новой техносферы, которая должна стать органической частью Природы.

Оптимизм российских ученых, что нынешний глобальный кризис можно будет преодолеть, основан, во-первых на том, что 70 лет назад наши предшественники с нуля, в тяжелейших условиях войны, создали такую совершенную научную систему, которая позволила не только решить в кратчайшие сроки конкретную военную задачу по созданию ядерного оружия, но и дала взрывное развитие уникальным технологиям, научным направлениям, составляющим нашу гордость и по сегодняшний день.

А сегодня на той базе, пережив тяжелые 90-е годы, за короткие сроки удастся ускоренно формировать базу для принципиально новой «конвергентной» науки – инфраструктурную, идеологическую и кадровую. И дело ближайшего будущего – воспроизводство систем и процессов живой природы в виде синтетической клетки, массового создания искусственных тканей и органов, аддитивных технологий, использующих природный принцип формирования («выращивания») объектов.

А следующим шагом станет создание искусственного интеллекта на основе когнитивных, информационных технологий и на материальной базе «нано-био»... Но основным процессом для нового рывка российской науки может быть начавшееся кадровое обновление. В 2016 г. доля молодых ученых в нашей стране превысила 43%, что является лучшим показате-

лем в мире. Но как отмечают ведущие ученые России, в частности академик Алексей Хохлов: «Качественным скачком в развитии карьеры молодого ученого является создание им самостоятельной лаборатории или научной группы. Но пока у нас отсутствуют инструменты создания таких стартап-структур» [10]. А кроме многочисленных организационных преобразований, начатых в российской науке в 2013 г., необходимо вернуть ту мотивацию к науке, которая была в 60–70-е гг. XX века. И не только у нас, но и во всем мире, ибо общество потребления кардинально сменило приоритеты ценностей. Более того, если в естествознании периодически осуществляются научные открытия, последнее из которых – доказательство наличия гравитационных волн, то в общественных науках положение более сложное. К. Маркс открыл закономерность устойчивого самовозрастания капитала, одним из источников которого является присвоение прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных рабочих. Т. Пикетти [11] на большом статистическом материале убедительно обновил многие базовые положения К. Маркса и доказал, что капитал растет всегда быстрее, чем темпы экономического роста, его концентрация тормозит развитие экономики, а пик **несправедливого** распределения создаваемого богатства, когда не более сотни человек имеют такую же по стоимости собственность как и почти все остальное в мире население, пришелся на 21 век. Экономически подтвержден миросистемный анализ И. Валлерстайна [12], который писал, что в массовой пропаганде Запада задействован ряд основополагающих понятий: «рыночная система», «капитализм», «свободная конкуренция», «равенство возможностей», «демократия». Все эти понятия играют роль средства информационного прикрытия в целях получения сверхприбылей за счет стран третьего мира. В мире, по мнению Н. Винера, не существует свободной конкуренции, а есть возможность объединения **умных мошенников** для **коллективной эксплуатации дураков** (или людей, которых насильственно поставили в положение дураков). Эту систему власти, ведущую к разорению, обнищанию и голоду большинства людей на планете, сравнивают с монстром, выходящим из-под контроля. Началось движение мира вниз по наклонной плоскости. Человеческая катастрофа может разразиться раньше, чем экологическая. И тогда встает вопрос о том, что если машинная цивилизация привела к фашизму, то к чему приведет шестой технологический уклад? Природа человека остается с прежней программой: жадность и страх! [13]

Выходит, прав был Гераклит, что история – это «ребенок, играющий в шашки». И любой прогноз носит лишь вероятностный характер, ибо в мире правит ее величество СЛУЧАЙНОСТЬ.

Литература

1. Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. – Москва, 1968. – 608 с.
2. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – Москва, 2004. – С. 308.
3. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения 17.03.2017 г.).

4. Евстигнеев, Р.Н. Трансформационный потенциал российской экономики / Р.Н. Евстигнеев, Л.П. Евстигнеева // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 5–20.

5. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В.А. Никонов. – Москва, 2016. – 672 с.

6. Тощенко, Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа) / Ж.Т. Тощенко. – Москва, 2011. – 536 с.

7. Васильева, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В.В. Васильева. – Санкт-Петербург, 1999. – 480 с.

8. Краснова, В. В детский сад с новым технологическим укладом / В. Краснова // *Эксперт*. – 2017. – № 9. – С. 28.

9. Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра // *Человек*. – 2017. – № 2–3.

10. Лейбин, В. Нужна ли наука Родине? / В. Лейбин. – *Эксперт*. – 2017. – № 13. – С. 29.

11. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – Москва, 2015. – 591 с.

12. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – Санкт-Петербург, 2001. – 416 с.

13. Киндлбергер, Ч. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи: пер. с англ. / Ч. Киндлбергер. – Санкт-Петербург, 2010. – 540 с.

O.V. Ovchinnikov

THE NEW STAGE OF SCIENCE DEVELOPMENT: HORIZONS OF THE POST-HUMAN WORLD?

The article discusses a turning point in science development during the transition to the sixth wave of innovation and the place of Russia in it. The amount of knowledge accumulated in science makes a qualitative transition to another system of society possible. Nevertheless, the future is always vague, because according to the synergetics laws, we can not calculate the thesaurus, the detector, and the selector. Thus, the probabilistic forecast is carried out on the basis of the analysis of nascent attractors. The article also discusses the following problems: the centaur-contradiction, the contours of the new science, Marxian economics renewed by T. Piketty.

Innovative civilization, NBIC-technologies, ‘black swan’, synergetics.

Т.И. Ульянкина
 Институт истории естествознания и техники
 им. С.И. Вавилова РАН

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА: СТАТИСТИКА, ДИНАМИКА И ГЕОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена социальному портрету «первой волны» русской научной эмиграции и судьбам ученых-эмигрантов, работавших в течение многих лет XX века на процветание таких стран, как Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Соединенные Штаты Америки и других. Внимание сконцентрировано в основном на научной элите, ученых, ставших признанными лидерами мировой науки, представителях новых научных направлений и отраслей промышленности.

По предварительным подсчетам в составе первой волны было зарегистрировано 1612 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе четверть среднесписочного состава действительных членов бывшей Императорской Академии Наук. Петербуржцы и москвичи, как и бывшая элита царской России, занимали вершину социальной пирамиды русской диаспоры, оставаясь, тем не менее, «ее влиятельным меньшинством». Но именно они сыграли важную роль, воссоздав за рубежом социальную структуру многих организаций дореволюционной России. В статье описаны основные географические (транзитные) пути исхода ученых из России. Не забыты и ученые, принудительно высланные из страны по административному решению ГПУ (осень 1922 г.), а также «невозвращенцы».

«Первая» волна русской эмиграции, научная элита, русская диаспора, административная высылка, «невозвращенцы».

Первая волна русской эмиграции (ее альтернативное название – «белая» или «послеоктябрьская», временные рамки – 1917–1939 гг.) состояла из наиболее культурных и патриотически настроенных слоев российского дореволюционного общества с непропорционально большой долей военных, принадлежащих к Белым армиям. По своему вкладу в мировую науку, культуру и искусство эта волна стала беспрецедентным социокультурным явлением: ее представители не только сохранили, но и приумножили за рубежом многие традиции русской культуры. «Именно ими был создан “материк”, не обозначенный ни на одной карте мира, с названием “Русское Зарубежье”», – писал историк А.В. Окорочков [1, с. 42]. Социальный состав эмиграции первой волны отражает информация, собранная в 1922 г. в Варне (Болгария): уезжали преимущественно: русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста – от 17 до 55 лет (85%), образованные (54,2%) [1, с. 107]. Географически первая волна была направлена, прежде всего, в страны Западной Европы и основными ее центрами стали Берлин, Париж, Прага, Белград, София. Значительная часть ее также осела в Харбине и в Константинополе, а позже – в Австралии, Южной Америке, Африке. Предполагаемые масштабы первой волны варьируют от 1,5 до 3,0 млн русских, покинувших Россию добровольно или принудительно. Официально в среде этой волны было зарегистрировано 1612 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе, четверть среднесписочного состава действительных членов бывшей Императорской Российской Академии Наук [2].

Международная правовая защита русских беженцев

Благодаря высокому международному авторитету лидеров первой волны в Европе достаточно быстро были сформированы международные институты по правовой защите русских беженцев. 27 июня 1921 г. под эгидой Лиги Наций был создан Верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с Фритьофом Нансеном (1861–1930), норвежским океанографом, биологом, географом, на которого была возложена задача ликвидации русского беженства. Но вернуть в Россию удалось всего 2% покинувших родину россиян (около десяти тыс. человек) [3, с. 15]. После неудач с репатриацией Лига Наций приняла решение о расселении русских эмигрантов как бесподданных (т.е. людей без родины или апатридов), а акцент в решении русской проблемы она сместила в сторону юридического урегулирования личного статуса эмигрантов и улучшения их положения. Вскоре эмигрантов поставили вне закона. Указом от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых лиц, находящихся за границей» большевики пообещали лишить гражданства всех тех, кто не возьмет советский паспорт к 1 июня 1922 г. [3, с. 49]. В 1922 г. Лига Наций стала выдавать русским беженцам идентификационные документы, а в 1924 г. ввела удостоверение, названное «нансеновским паспортом», заменившим русским их международные и национальные паспорта. Он не мог быть выдан лицам, легально выехавшим из РСФСР, и терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию Советской России [3, с. 14].

К началу 1930-х нансеновский паспорт был одобрен 51 государством. Советский Союз после вступления в Лигу Наций (1934) не признавал нансеновский паспорт, «выданный русским контрреволюционером», и запрещал въезд в Союз лицам, имеющим его [3, с. 15].

Динамика и география выезда

Выезд из России за границу можно было реально осуществить в достаточно короткие сроки – с конца 1917 до середины 1919 гг., а также в период НЭПа: в 1921–1923 гг., когда была до минимума упрощена процедура оформления выезда за рубеж. По данным К. Гусеффа, сразу же после октябрьского переворота (конец 1917 – начало 1918 гг.) из России эмигрировало минимальное число россиян – всего 7%, тогда как более 75% покинуло Советскую Россию в конце Гражданской войны в 1919–1920 гг., и только 10% выехало в 1922–1925 гг. [4, с. 27]. Принятое в июне 1925 г. «Положение о въезде и выезде из СССР» окончательно опустило «железный занавес». Эмиграция приобрела идеологическую окраску и стала синонимом предательства и измены Родине.

Южное направление. Таврический университет в Симферополе

С началом Гражданской войны многие ученые и преподаватели высшей школы уезжали на Юг России, который они воспринимали как «зону, свободную от большевиков», где они намеревались переждать смутное время. Особую роль здесь сыграл новый Таврический университет в Симферополе (1917–1920), открытый 14 октября 1918 г. В начале 1920 г. здесь работали семь академиков, четыре член-корреспондента и свыше ста профессоров. В списке профессоров Таврического университета можно найти имена будущих эмигрантов: геолог-почвовед В.К. Агафонов (1863–1955), правовед Н.Н. Алексеев (1879–1964), геолог, академик, президент Таврической Научной Ассоциации Н.И. Андрусов (1861–1924), историк Г.В. Вернадский (1887–1973), философ и богослов С.Н. Булгаков (1871–1944), ученый-агроном С.С. Крым (Нейман) (1868–1936), биолог С.И. Метальников (1870–1946), патолог, бактериолог В.Г. Коренчевский (1880–1961?), филолог В.А. Розов, астроном О.Л. Струве (1897–1963), юрист Ф.В. Тарановский, философ Л.И. Шестов (1866–1938) и др. [5].

Ректором Таврического университета был избран анатом, профессор, декан медицинского факультета университета Роман Иванович Гельвиг (1873–1920). 2 октября 1920 г. он неожиданно скончался от сыпного тифа в возрасте 47 лет, и уже 10 октября 1920 г. пост ректора перешел (всего на три месяца) к академику Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945) [6, с. 35]. Политическая ситуация в Крыму быстро и радикально менялась: 28 октября 1920 г. Красная армия начала наступление, и в связи с очевидным и необратимым поражением Белой армии, генерал П.Н. Врангель отдал распоряжение об организации эвакуации 140 тыс. военных и гражданских лиц из всех Крымских портов в Константинополь. Вместе с П.Н. Врангелем Крым покинул проф. Военно-медицинской академии В.А. Юревич (1872–1963), который был личным врачом генерала и консультантом по

инфекционным болезням в его Добровольческой армии. На французском корабле «Вальдек Руссо» покинул Россию проф. С.И. Метальников, сумевший в последний момент получить пропуск во французской миссии Севастополя. Сын В.И. Вернадского – историк Г.В. Вернадский с семьей покинул Крым за два дня до эвакуации (12 ноября 1920 г.) на пароходе «Рион». Тогда же из Крыма уехали астроном О.Л. Струве и заведующий кафедрой физической географии Таврического университета, профессор В.К. Агафонов; с этим же потоком ушел будущий химик Г.Б. Кистяковский (1900–1982), сражавшийся в рядах Добровольческой армии на Юге России, будущий советник президента США Д. Эйзенхауэра (с 1961) по научным вопросам.

Из Одессы через Константинополь и греческий город Салоник в КСХС (с 1929 – Югославия) на британском судне эмигрировал с семьей ректор Киевского университета св. Владимира Е.В. Спекторский (1875–1951) – юрист, философ, социолог, историк. 6 февраля 1920 г. из Новороссийска в Константинополь выехал инженер кораблестроитель В.И. Юркевич (1885–1964). В Турции он задержался на два года, проработав на судостроительной верфи Асаф-Бей, а затем перебрался в Париж.

Вопрос о выезде в те или иные европейские страны для преподавателей высшей школы и ученых решался уже в Константинополе. Здесь, благодаря усилиям Нансеновского комитета, были выявлены вакансии и производилась запись желающих выехать на работу в некоторые европейские университеты. Через Севастополь в Константинополь, а затем в КСХС эмигрировал С.П. Тимошенко (1878–1972) – ученый в области прикладной механики. Он вспоминал: «Чтобы выехать из Севастополя нужно было иметь разрешение французских оккупационных властей. Те же власти занимались распределением мест в отходящих в Константинополь пароходах» [7, с. 183]. К счастью, у С.П. Тимошенко с собой оказалось удостоверение Общества французских инженеров. «Эффект был неожиданный. Консул переменял тон и выдал разрешение на пароходное место не только мне, но и моим спутникам и их семьям. Всего мы получили одиннадцать разрешений» [7, с. 184]. Крымская эвакуация генерала Врангеля была самой массовой. Численность этого потока, длившегося с 25 ноября 1920 г. до середины января 1921 г., составила 21 тыс. 343 человека.

Западное направление

Это направление связано с отступлением в 1919 г. войск генерала Н.Н. Юденича (1862–1933) и бегства из России в сторону ближайших западных границ России нескольких тысяч гражданских лиц [3, с. 74–75]. В январе 1919 г. жители Петрограда покидали Россию через польскую границу и другие западные транзитные территории бывшей империи (например румынскую Бессарабию). Так, в Варшаву смог выехать филолог Петроградского университета Ф.Ф. Зелинский, бессменный профессор кафедры энциклопедии и философии права Л.И. Петражицкий (1867–1931), профессор богословия, культуролог Н.С. Арсеньев (1888–1977). Через Варшаву во Францию эмигрировал врач-радиобиолог и иммунолог И.И. Ма-

нухин (1882–1958). В 1922 г. через Финляндию в США нелегально эмигрировал А.А. Максимов (1874–1928) – гистолог, член-корреспондент РАН (1920), профессор Военно-медицинской академии. В Финляндию из Петрограда в 1918 г. бежал П.Б. Струве. В Данию через латвийскую и финскую границы нелегально бежал выдающийся математик, ректор Пермского университета (с 1919) А.С. Безикович (1891–1970) [8, с. 71–73]. В 1924 г. он получил стипендию Рокфеллеровского фонда для научных исследований за рубежом. Несмотря на блестящие отзывы западных коллег, большевики запретили ему официальный выезд из страны, тогда ученый решился на бегство. В конце 1924 г. также нелегально перешел латвийскую границу математик Я.Д. Тамаркин (1888–1945), председатель Петроградского физико-математического общества (с 1921). Накануне у него появился страх голодной смерти, т.к. за последние годы он похудел на 40 кг. В марте 1925 г. он переехал в Америку [8, с. 620–621].

Дальневосточное направление

Третий путь «русского исхода» шел через Дальний Восток (Азиатско-Тихоокеанский регион), главным образом в города и провинции Китая (Харбин, Шанхай, Маньчжурию, Циндао, Тяньцзинь). Позже часть представителей этого потока переехала в Австралию, а другая – перебравшись через океан в США, преимущественно в Нью-Йорк, Бостон, Южную Америку и др. [9] 6 июня 1917 г. через Владивосток в Вашингтон (США) в составе Чрезвычайной миссии Временного правительства выехала под руководством петроградского ученого в области гидродинамики Б.А. Бахметева (1880–1951) большая группа отечественных ученых из 38 человек, а также деятели разных министерств. В задачу Миссии входило получение займов и обеспечение рационального выполнения заказов на военную и сельскохозяйственную технику.

Северное морское направление

Четвертое направление русского беженства шло через Северный морской путь и г. Архангельск. В октябре-ноябре 1918 г. город был оккупирован войсками Антанты, сюда же перебрались из Петрограда посольства государств, не признавших власть большевиков. Через Северный морской путь в свою командировку выехал из России В.К. Зворыкин (1889–1982) – ученый в области электроники, изобретатель [10].

Административная высылка 1922 г.

10 августа 1922 г. ВЦИК издал декрет «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными», а в ночь с 16 по 17 августа 1922 г. и Москве и Петрограде было арестовано более ста известных представителей русской культуры, науки и преподавателей высшей школы. Операция на Украине была перенесена на день позже: она проходила в ночь с 17 на 18 августа. Всего по списку высылке подлежали 217 «активных контрреволюционных элементов» из среды «неудобной» большевикам интеллигенции: 67 человек из Москвы, 53 – из Петрограда, 77 – с Украины (Киева и Одессы), не считая членов их семей [11, с. 301]. Поскольку среди «несговорчивых», «не-

исправимых» и «инакомыслящих» численностью выделялись философы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И. Ильин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и др., возникло нарицательное словосочетание – «философский пароход», под именем которого беспрецедентная акция по депортации инакомыслящей оппозиции вошла в историю.

Невозвращенцы

Достаточно большую группу эмигрантов из России составили те ученые, а также занимавшие высокие посты советские и партийные работники, которые не вернулись в Россию из научных командировок. Академик-химик Павел Иванович Вальден (1863–1957) в августе 1919 г. выехал из РСФСР в Германию в служебную командировку, из которой не вернулся; в октябре 1919 он был избран профессором неорганической химии Ростовского университета, где проработал до выхода на пенсию (1934) [8, с. 128–131]. «Невозвращенцем» был и выдающийся химик мирового уровня Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952), генерал майор, академик ИРАН (с 1916). В июне 1930 г. он вместе с женой выехал в Берлин для участия во Втором Международном энергетическом конгрессе, после чего получил разрешение остаться на лечение сроком на год. 29 декабря 1936 решением Общего собрания Ипатьев был исключен из состава АН СССР; 5 января 1937 постановлением ЦИК СССР он лишен советского гражданства – ему навсегда был запрещен въезд в СССР. Часть его ближайших учеников подверглось репрессиям [8, с. 271–275]. Осенью 1933 г. физик Георгий Антонович Гамов (1904–1968) с женой выехали в составе советской делегации на Сольевский конгресс в Брюсселе. На запрос Гамова ленинградскому начальству о продлении его заграничной командировки на один год разрешения получено не было. Осенью 1934 г. Гамов начинает работать в области теоретической и квантовой физики в США [8, с. 72–89]. «Невозвращенцем поневоле» стал и выдающийся биолог-эволюционист, генетик Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975). В 1927 г., работая на кафедре генетики Ленинградского университета, Добржанский получил стипендию фонда Рокфеллера, и уже в декабре 1927 он уехал в США на годичную стажировку во всемирно известную лабораторию Т.Г. Моргана в Калифорнийском технологическом институте. За это время в СССР работы по избранной им специальности были свернуты, поэтому, следуя настойчивым советам своего учителя Ю.А. Филипченко, ученый остался в США [8, с. 136–146].

В СССР долгие годы от широкой общественности были скрыты факты, которые могли бы внушать гордость за соотечественников, сумевших утвердить высокий авторитет российской науки в непростых условиях эмиграции. Мало кто знал, например, что становление самолето- и вертолетостроения в США неразрывно связано с именами большой группы представителей российской авиационной науки и техники: И.И. Сикорского, Б.В. Сергиевского, Г.А. Ботезата, М.Е. и С.Е. Глухаревых, Я.Д. Акермана, Н.Н. Александра, И.А. Сикорского, А.М. Никольского, В.В. Утгофа, А.Н. Прокофьева-Северского, М.Л. Григорашвили, А.М. Картвели, Б.В. Корвин-Круковского, М. Стру-

кова, К.Л. Захарченко, И.И. Ислямова, М. Грегора, Н. Гладкевича, В.Р. Качинского, Р.В. Рыльского, И.И. Дила, В. Иванова, В. Кудрявцева, Л. Лапина, Б. Лабенского, Н. Соловьева и др. [12]. Заканчивая обзор, следует подчеркнуть, что Россия, по-видимому, была одной из первых стран в мире, которая в начале XX века пережила чудовищную по своим масштабам «утечку умов», негативно повлиявшую на качество и темпы ее экономического и культурного развития.

Литература

1. Ионцев, В.А. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков; под ред. А.А. Бондарева. – Москва: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. – 536 с.
2. Иванов, А. К 250-летию Академии наук. Императорская академия наук на рубеже XIX–XX столетий / А. Иванов // Новый журнал. – 1974. – Кн. 116. – С. 284–297.
3. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е гг. – Санкт-Петербург: Сударья, 2006. – 353 с.
4. Гусефф, К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / К. Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

5. Ульянкина, Т.И. К вопросу о раннем периоде деятельности Таврического университета в Симферополе (1917–1921) / Т.И. Ульянкина // История медицины. – 2014. – № 2 (2). – С. 102–111.

6. Филимонов, С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда / С.Б. Филимонов. – Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. – 232 с.

7. Тимошенко, С. Воспоминания / С. Тимошенко. – Киев: Наукова думка, 1993. – 424 с.

8. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь / под общей ред. В.В. Шелохаева. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 1698 с.

9. Хисамуттдинов, А.А. Российская эмиграция в Азиатско-тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь / А.А. Хисамуттдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. – 384 с.

10. Борисов, В.П. Зворыкин / В.П. Борисов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 221 с.

11. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – Москва: Русский путь, 2005. – 544 с.

12. Михеев, В. Русские крылья Америки / В. Михеев // Авиасалоны мира. – 2001. – № 6. – С. 64–69.

T.I. Ul'yankina

TO THE 100th ANNIVERSARY OF 'RUSSIAN EXODUS': STATISTICS, DYNAMICS, AND GEOGRAPHY OF THE 'FIRST WAVE' OF RUSSIAN SCIENTIFIC EMIGRATION

The paper is devoted to the social portrait of the 'first wave' of Russian scientific emigration and the fate of emigrant scholars, who worked for many years of the 20th century on the prosperity of such countries as France, Germany, Czechoslovakia, Yugoslavia, the United States of America and others. The research deals mostly with the scientific elite, who have become recognized leaders of the world science, and representatives of new scientific trends and industries.

According to preliminary calculations, in the 'first wave' of Russian scientific emigration, there were 1612 scientists, academic staff of universities and higher technical schools, including a quarter of the average number of active members of the former Imperial Academy of Sciences. The scientists from St. Petersburg and Moscow, as well as the former elite of tsarist Russia, occupied the apex of the social pyramid of the Russian diaspora, while remaining its influential minority. Nevertheless, they played an important role in the recreation of the social structure of many institutions of pre-revolutionary Russia. The article describes the main geographical (transit) ways of the 'exodus' of scientists from Russia, as well as 'defectors' and academics who were forcibly deported from the country on the administrative decision of the State Political Directorate (in autumn of 1922).

'First wave' of Russian emigration, scientific elite, Russian diaspora, administrative expulsion, 'defectors'.

УДК 821.161.1

Е.Ю. Калягина

Вологодский государственный университет

ОБРАЗ ЦВЕТУЩЕГО САДА И ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ С.Н. МАРКОВА

В данной статье рассматривается образ сада в поэзии Сергея Николаевича Маркова (1906–1979). Показана трансформация этого образа: от отдельных описаний цветов в ранних стихах любовной тематики до расширения его в символическое изображение жизни в целом. В статье представлен анализ стихотворения с персонифицированным образом садового цветка, на примере которого дано понятие синкретичного субъекта. Через семантику красного цвета выявляется важность цветовых определений в поэзии С.Н. Маркова.

Сад, садовые цветы, любовный мотив, цветовые определения, оттенки красного, неосинкретичный субъект, семантика цвета.

Образ сада играет немаловажную роль в поэтическом наследии С.Н. Маркова. Цветущий сад как символ жизни представлен в стихотворении «Колос» (1953). В нем поэт открыто манифестирует свою жизненную позицию:

*Расту, чтоб жить в грядущем.
Не о себе мой вздох:
Еще в саду цветущем
Живуч чертополох.
.....
Я охватил корнями
Столетние пласты [5, с. 19].*

С.Н. Марков изучал историю русского языка и русского народа, что поэтически выразил в циклах «Истоки» (сборники «Радуга-река», 1946 и «Стихотворения», 1985) и «Русская речь» (сборник «Светильник», 1986). Через изучение и сохранение древних корней нашей земли он надеялся преобразить настоящее, убрав все наносное, не имеющее истинной ценности (что в данном стихотворении представлено в образе чертополоха). Будущее в образе цветущего сада возможно, если постигнута и оценена мудрость предков.

В связи с этим приведем тетрадную запись писателя, которую нашла в его папках жена Маркова Галина Петровна: «Скрипнули двери старинного книжного шкафа. Я на мгновение ощутил невыразимый запах кожаных переплетов, столетней бумаги и еще чего-то, заставившего вспомнить о дыхании фиалок» [8, с. 4]. Каким-то чудесным образом запах садовых цветов и древних предметов переплетались у Сергея Николаевича в гармонию совершенного мира!

Вот что говорит по поводу сада Д.С. Лихачев: «Недаром во все времена и во всех религиях рай воспринимается как сад. То есть как единение человека с природой. Это тоже культура. Отношение к природе –

это одно из величайших проявлений культуры. Внутренней, духовной культуры человека» [2, с. 186]. В поэзии Сергея Николаевича Маркова нередко спутницей лирического героя или его возлюбленной становятся садовые растения: сирень, виноград, левкой, тюльпаны, гвоздика, мак.

Уже с первых стихов цветок, с описания которого начинается стихотворение, является предвестником любовного мотива:

*В ночном окне, как облака,
Росла цветущая петунья.
Мы пили мед... [3, с. 287].*

Часто в стихах появляется образ герани. Сначала этот комнатный цветок – простой обитатель подоконников (Омск, 1919, Круглый двор – 1929). Герань как признак наличия любовного мотива войдет в лирику поэта позже – в 30-е годы. Тогда же особое значение приобретут и цветовые определения в описании растений, характерные для поэтики С.Н. Маркова: *багровый мак, огненные гвоздики, алая рябина, багряные ягоды клюквы* и т.п. Так, на цветовой семантике будет обыгрываться сравнение ягод с образами разных по характеру женщин в стихотворении 1950 года «Ягоды»:

*Бруснику бело-алую
Боярышней пожалую –
Покуда молода... [6, с. 186].*

Заметим, что в основном в цветовых определениях поэта Маркова встречается красный цвет (и его оттенки) – цвет страсти, любви, энергии.

В «Русской шутке» (1936) лирический герой мечтает о жизни в славном городе Торжке:

*Где на окнах в утреннюю рань
Красным светом теплится герань.
Там вдову-красавицу найти [3, с. 33].*

В данном контексте красный означает тепло и уют домашнего очага. Конечно, и присутствие суженой. Та же семантика в тексте «Рябинин-город» (1938) – начало стиха: *Цветет в Рябинине герань.*

Совсем редко встречающийся в поэтическом творчестве Маркова мотив ревности – основной в стихотворении «Ревнивцы» (1929). В отношении заглавия и текста мы обычно говорим об эквивалентности смысловых единиц разного объема. Здесь же слово «ревнивцы» шире по значению содержания стиха, т.к. вскрывает еще и психологические переживания поэта. Сюжет о сцене измены и наблюдающем за этой сценой цветке вырастает до сюжета о ревнивцах в целом. Образ же засохшего левкой представляет собой аллгорию: он раскрывает в рамках данного стиха механизм ревности.

Почему все-таки ревнивцы, а не ревнивец? У лирического героя стихотворения есть двойник – цветок. Именно ему лирический герой передает свои ощущения, делит с ним свои страдания. Позже, в романе «Юконский ворон» (1941), главный герой – лейтенант Загоскин – объяснит подобного рода психологическую защиту: когда очень больно, хочется передать (перенести) это чувство на другое живое существо, вообразить, что кто-то другой переживает эту боль, и тебе от этого становится легче. Такая же психологическая замена действует и в ситуации, описанной в «Ревнивцах»: лирический герой переживает измену возлюбленной, ему очень больно, и он «придумывает» для себя, словно это не он, а цветок ревнует и страдает.

Замещение лирического «я» субъектом в образе цветка создает возможность применения приема персонификации. Если в первой строфе еще есть местоимение *я*, которое семантически противопоставлено другому местоимению: *твой, твоей*, то вторая строфа начинается со слов: *Он умер ночью, не дыша...* И далее вся картина дается увиденной цветком. Композиция стихотворения – кольцевая. В первой и последней строфах лирический герой ведет диалог со своей возлюбленной, в котором цветок – объект изображения. Вторая и третья строфы – описание переживаний лирического субъекта, представленного в образе цветка. Здесь нарушена временная последовательность: если вторая строфа представлена глаголами совершенного вида: *умер, оставила* (констатация факта смерти), то в третьей мы видим глаголы несовершенного вида: *слышал, тревожили, видел* (наблюдения и переживания перед гибелью). Причем цветок действительно показан как живое существо, поэт изобразил наличие души: *Его лиловая душа оставила сухое тело* [3, с. 282].

В разбираемом нами стихотворении речь идет о неосинкретичном субъекте (термин С.Н. Бройтмана). Самсон Наумович в своей монографии [1] объясняет неосинкретизм как изначально нерасчлененность «я» и «другого». В данном стихотворении провести грань между лирическим «я» и цветком можно только в первой строфе, где осыпающийся левкой – демонстрация того ужасного (для лирического героя) поступка, который совершила лирическая героиня. Далее цветок – это уже не объект описания, а действующий субъект. Он находится в той же комнате, где

происходит измена (даже у кровати возлюбленной) и становится наблюдателем этой сцены. Происходит, по словам Бройтмана, интегральность самого образа лирического героя: природа становится субъектом, а «я» символически стремится стать природой.

Обратим внимание на то, какой цветок перед нами. Левкой – это садовое растение. Д.С. Лихачев отмечал: «Сады и парки – это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа» [2, с. 177].

Еще одно садовое растение – мак. Важную роль как субъект он играет в стихотворении «На дне походного мешка...» (1941). На войне лирический герой вспоминает:

*И рос у нашего окна
Мак одинокий и багровый* [3, с. 253].

Цветы в стихах Маркова всегда ассоциируются с образом любимой. Эпитеты, примененные к маку в данном стихотворении, несут дополнительную семантику: о маке вспоминает герой, который уже испытывает одиночество и видит кровь, и мак в данном контексте выступает предвестником разлуки и войны. Сухое крыло мотылька, которое тщетно ищет герой на дне, – это память об ушедшем лете. Интересен эпитет к слову потеря – *нежная*. С нежностью вспоминает лирический герой в своем сне о пчелах, цветах, любимой. Последняя строфа построена по принципу антитезы. Противопоставляются два мира: сон (в котором *нежное крыло мотылька*) и действительность, где рука нащупала *холстину грубого мешка*. Две рифмующиеся строки в конце стихотворения *В сиянье майского простора – И лед ружейного затвора* рисуют яркое противопоставление тепла – холода, простора – ограниченности пространства (затворить), мира природы – человеческого, рукотворного мира.

Как и сухое крыло мотылька, герой в стихотворении «Багратион» (1945) припрятал на войне цветок:

*А в бурке – побелевший василек,
Покрытый пылью и засохшей кровью* [3, с. 256].

Заметим, что, как и в стихотворении «Ревнивцы», умерший цветок изначально не красного цвета. В этом отношении также интересен образ черного тюльпана («Черный тюльпан», 1956):

*А она в стране, где тюльпаны росли,
Достала темный цветок,
Напрасно я ждал из чужой земли
Хотя бы один лепесток...
Сказала мне, что в дальней стране
Стоял океанский туман;
Там занемог, умер во сне,
Канул во мглу тюльпан* [4, с. 236].

Вспомним для сравнения строчку из стихотворения «Ревнивцы» про левкой: *Он умер ночью, не дыша...* Гибель садового цветка символизирует разлуку, разъединение двух любящих сердец.

В поздней лирике С.Н. Маркова красные цветы ассоциируются не только с образом возлюбленной, но также и с философским поиском («Я искал к бессмертью мост...», 1964). В первой строфе привычный ассоциативный ряд, словно перед нами снова любовная лирика:

*Находил в свеченье звезд
Губы, плечи и цветы.*

Далее цветы описаны на фоне ночи, лирический герой уже видит в них недостижимость небесных высот:

*Пусть в окне синееет ночь
И цветы – красней огня.*

Не в синем ночном небе, а именно в красном цвете гвоздик он жаждет найти ответ о смысле жизни:

*Угадать в огне гвоздик
Отблеск пламенных миров!* [4, с. 310].

Такие стихи редки у С.Н. Маркова, обычно все-таки он живописует земную красоту, передавая реальные краски природы. Хотя привычный красный цвет позволяет говорить о том, что и мост к бессмертью лежит через любовь.

Литература

1. Бройтман, С.Н. Русская литература 19 – начала 20 века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура / С.Н. Бройтман. – Москва, 1997. – 307 с.
2. Лихачев, Д.С. Природа. Влияние природы на судьбу народа и страны / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – Москва, 2006. – С. 153–186.
3. Марков, С.Н. Светильник: Стихи / С.Н. Марков. – Москва, 1986. – 320 с.
4. Марков, С.Н. Серебряный простор: Стихи / С.Н. Марков. – Москва, 1978. – 288 с.
5. Марков, С.Н. Стихотворения / С.Н. Марков. – Москва, 1985. – 317 с.
6. Марков, С.Н. Топаз: Стихотворения / С.Н. Марков. – Москва, 1966. – 232 с.
7. Марков, С.Н. Юконский ворон / С.Н. Марков. – Москва, 1977. – 384 с.
8. Маркова, Г. Сергей Марков в Великом Устюге / Г. Маркова // Красный Север. – 1991. – 17 июля. – № 141. – С. 4.

E.Yu. Kalyagina

IMAGE OF A BLOOMING GARDEN AND FLOWERS IN S.N. MARKOV'S POETRY

The article presents the analysis of the image of a garden in the poetry by Sergey Nikolayevich Markov (1906–1979). The transformation of this image is traced from separate descriptions of flowers (in Markov's early love poems) to the symbol of life in general. The article contains the analysis of the personified image of a garden flower which exposes the concept of a neosyncretic lyrical subject. The author also reveals the importance of colours in Markov's poetry.

Garden, flowers, love motif, colours' determinations, tints and shades of red, neosyncretic lyrical subject, colours' semantics.

И.С. Урюпин

Московский педагогический государственный университет

ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.К. ВОРОНСКОГО

В статье в широком историко-литературном и культурно-философском контексте анализируется первая глава автобиографического романа А.К. Воронского «Бурса», озаглавленная автором символически-ёмко – «Мир». Ставшая содержательно-смысловым ядром антологии прозы 1920–1930-х годов, составленной Г. Глинкой, эта глава из романа А.К. Воронского явилась нравственно-онтологическим и аксиологическим центром всего корпуса автобиографических текстов об «ушедшей» России, которую в своей памяти бережно хранили не только писатели русского зарубежья, но и представители литературной группы «Перевал», воплотившие в своих произведениях безвозвратно утраченный национальный образ мира.

А.К. Воронский, «Перевал», «Бурса», автобиографический дискурс, образ мира.

В антологию прозы литературной группы «Перевал», составленной одним из ярких представителей русской эмиграции второй волны Глебом Глинкой и опубликованной в нью-йоркском издательстве имени Чехова в 1954 году, вошли произведения, посвященные «ушедшей» России. Это были поистине последние осколки разрушенного до основания русского мира, которые бережно сохранили «в годину смуты и разврата» писатели-перевальцы, пытавшиеся вопреки классовым установкам большевиков, диктовавших свое понимание действительности как единственно возможное, по мере своих сил отстаивать право художника на свободу творчества и прежде всего на выражение самых сокровенных мыслей о человеке и мире.

Центральное место в антологии не случайно отводится А.К. Воронскому, который до конца оставался верен великой традиции реалистического искусства, ниспровергаемой пролеткультовцами и рапповцами, и утверждал в своих произведениях вечные ценности, не подвластные сиомиунтной политической и идеологической конъюнктуре. В своей программной работе «Искусство как познание жизни и современность» (1923) главный редактор журнала «Красная новь» достаточно четко обозначил сущность рационального и иррационального постижения действительности, проведя демаркационную линию между наукой и искусством: «Наука анализирует, искусство синтезирует; наука отвлеченна, искусство конкретно; наука обращена к уму человека, искусство – к чувственной природе его» [13, с. 68]. Именно «через живое чувственное созерцание», преосуществленное «с помощью образов», «художник познает жизнь», «он перевоплощает ее “всезрящими очами своего чувства”» [13, с. 68]. А потому «в головокружительном вихре жизни своим художественным оком, своим слухом, своим “нутром”» писатель «схватывает» суть бытия, воссоздает «из мелочей, из малого» «крупное, большое», «увеличивает предметы и людей в своем художественном микроскопе» [13, с. 69], тем самым

воплощает целый мир в его бесконечности и всеобъемлемости.

Мир как гармоничное единство человека и природы, человека и Вселенной, человека и Родины, человека и общества оказывается объектом художественной рефлексии А.К. Воронского в автобиографической книге «Бурса» (1933), фрагмент из которой под названием «Детство» и вошел в антологию Г. Глинки, став ее аксиологическим ядром, тем поэтико-онтологическим камертоном, с которым соизмеряются произведения А. Лежнева, Д. Горбова, Н. Зарудина, И. Катаева, Б. Губера, П. Слетова, Е. Вихрева, Д. Семеновского, Н. Тарусского и др. Две первые главы широкомасштабного эпического полотна о становлении личности писателя в период грандиозных исторических испытаний, выпавших на долю «дедовской Руси» – хранильницы вековых устоев национально-миробытия, обладают таким мощным культурно-философским и духовно-лирическим началом, что организуют содержательно-смысловое пространство всей антологии, художественное единство которой обеспечивают несколько мифо-суггестивных образов-символов. Главный из них – *мир*.

Уже в первой публикации «Бурсы» в журнале «Новый мир» (1933. № 1) главам, повествующим о детстве, А.К. Воронский предпослал эпиграф из «Гитанджали» Р. Тагора, где речь идет о «бесконечных мирах»: «На морском берегу бесконечных миров собрались дети. Буря мечется в бездорожном небе, корабли бесследно тонут в пучине, смерть свирепствует, а дети играют» [4, с. 127]. В культурном сознании едва ли не всех древних народов архетип ребенка – «Предвечного Младенца» – неизменно ассоциируется с обновляющейся и вечно возрождающейся жизнью, побеждающей смерть и небытие.

«“Детскость” воспринимается как впечатление некой первозданности Мира», как «редкая внутренняя нетронутость и “непостижимость”» [10, с. 33], которую пытается зримо-чувственными образами запечат-

леть художник, овеществляющий каждое мгновение быстротечной жизни. Отсюда пристальное внимание писателя к самым незначительным на первый взгляд деталям внешнего и внутреннего пространства, в котором формируется личность автобиографического героя, зарождается его самость, его сущность, его сознание.

Процесс пробуждения сознания, постепенного прояснения и уяснения самого факта своего бытия в мире, воссозданный А.К. Воронским в мельчайших подробностях, во многом совпадает с ощущениями А. Белого, показавшего в романе «Котик Летаев» (1922) мгновенную вспышку самосознания «Ты – еси» («Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза» [1, с. 26]). Подобно автобиографическому герою А. Белова, обозначившему «крутосекающую черту», с которой начинаются воспоминания о его существовании («на рубеже третьего года встаю пред собой» [1, с. 24]), герой А.К. Воронского ведет отсчет своих дней от «трех с половиной лет», когда, «бегая по горнице», он «ударился о печную дверцу и проломил голову» [5, с. 49], испытав первый болевой контакт с материальным миром, заявившим о себе в буквальном смысле неизгладимым отпечатком: «спустя несколько месяцев опрокинул на себя кружку с кипятком и обжог локоть; пометки остались на всю жизнь» [5, с. 49]. С тех пор природно-физическое начало человеческого бытия станет для А.К. Воронского определяющим в понимании самой жизни, в оценке ее полноты и самодостаточности. Чувственное восприятие мира, естественное для любого ребенка, переживающего радость от соприкосновения со всеми его окружающими вещами, не утратит своей остроты и для уже умудренного опытом автора, сохраняющего в своей памяти первые впечатления и первые открытия детства.

«Помню дуб в лесу за рекой Вороной, уродливый и могучий, – я прижимаюсь щекой к его окаменевшей коре и притворяюсь, будто хочу на него взобраться. Помню солнечные косяки в пятнах, в струйках: рядом дрожат и прыгают зайчики» [5, с. 49]. Ощущения А.К. Воронского созвучны переживаниям лирического героя стихотворения И.А. Бунина «Детство» (1903–1906): «Прильну к сосне корявой...», «Кора груба, морщиниста, красна, / Но так тепла, так солнцем вся прогрета!» [2, с. 167]. Вообще бунинское приятие мира во многом совпадает с жизнеутверждающим пафосом А.К. Воронского, в том числе и в попытке навсегда оставить в памяти милые сердцу картины прошлого. В «Жизни Арсеньева», написанной в те же самые годы, что и «Бурса», художественно-доминирующим началом является образ памяти: «Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг...» [3, с. 8]. Тот же символический локус – окно – организует и пространство первых глав романа А.К. Воронского, выступая своеобразной границей между настоящим и прошлым, в которое взглядывается из своего времени уже вкусивший сладость и горечь бытия повествователь.

Мотив воспоминаний (а вместе с ним и двуединый мотив памяти/прапамяти), тесно связанный «с жанром автобиографического повествования» [15, с. 31], в

1920–1930-е годы становится магистральным отношением не только в литературе русского зарубежья: «текст памяти», по замечанию Е.В. Капинос, рождает «в работах формалистов, в особенности Б.М. Эйхенбаума», «оригинальную философскую теорию времени» [6, с. 123], во многом близкую и А.К. Воронскому. «Временной поток, устремленный к конечной цели», «в непостижимом настоящем получает глубинную неисчерпаемость и бесконечность, мгновение как бы останавливается, и происходит это в момент “познания”» [6, с. 123].

От почти бессознательного ощущения и созерцания окружающих предметов герой переходит к сверхрациональному осознанию/познанию мира, принимая его без остатка, растворяясь в его беспредельности. «Солнце осыпается ослепительной прозрачной пылью. Солнце во мне, повсюду, оно затопило леса, берег, луга» [5, с. 50]. Солнечный свет, наполняющий все обозримое природное пространство, проникает и в пространство внутреннее, в самую глубину души героя, вызывая чувство необыкновенной радости. Похожее состояние переживал и М.М. Пришвин, признававшийся в своем дневнике в феврале 1920 года: «Это мое счастье – радоваться солнцу так сильно. А что есть счастье вообще? конечно, та же радость бытию», «радоваться небу, солнцу, траве» [12, с. 28]. Все живое оказывается источником радости, и это очень хорошо понял/почувствовал автобиографический герой А.К. Воронского: «живое таинственно, любопытно; привлекает к себе. Живое есть радость» [5, с. 50]. «Мир. Живое... Все живое... Живое влечет к себе» [5, с. 50]. Размышляя о самом феномене «радости жизни», М.М. Пришвин, для которого «многие истины А. Воронского» «стали некими постулатами, которыми он руководствовался на протяжении всей своей творческой деятельности» [14, с. 105], пришел к выводу: «почему же мы, входя в природу, чувствуем радость? Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это какое-то чистое и единственное человеческое чувство или мысль, соприкасаясь с природой, вспыхивает, оживляется, сам человек встает весь – происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии» [11, с. 440].

Мечта о восстановлении «предустановленной гармонии», волновавшая человечество еще со времен Г.В. Лейбница, утверждавшего, что за «видимой» природой непременно скрывается «невидимая» (и даже убежденные рационалисты и материалисты должны признать, что мир «относительно не исчерпывается видимостью, а заключает в себе некие метафизические таинства, проистекающие от духовной природы, и что нас поддерживает потаенная внутренняя сила, в которой находит отраду согретый любовью возвысившийся усердным размышлением дух» [8, с. 266]), нашла отражение и в романе А.В. Воронского: «Меня уже приучили к мысли, что есть мир видимый и есть мир невидимый; в мире невидимом все возможно, самое необыкновенное» [5, с. 58]. Писатель иносказательно, но вместе с тем вполне определенно представляет попытку автобиографического героя «узреть» трансцендентное. Так, однажды ночью «открывается дверь в спальную», и в сумерках появляется

«темный неизвестный человек», он «медленно, неторопливо высыпает на одеяло из карманов много гостинцев в разноцветных бумажках», «лица у него не разглядеть» [5, с. 50]. Эти гостинцы навсегда запечатлелись в памяти/воображении героя, задававшего потом вопросом: «кто-то их взял у меня», «но куда же девались мои гостинцы?» [5, с. 50], да и что это были за гостинцы и кто был этот «неизвестный дядя»/«темный» господин с неразличимым лицом? Уж не сатана ли, искушающий своими «гостинцами»/мнимыми ценностями человеческое дитя?

Но если видение странного незнакомца вызвало у героя страх и «соленые слезы» («Я плачу» [5, с. 50]), то другое таинственное видение, которое автор называет «другим обманом, обманом слуха», имело совершенно иной эффект: он «был приятен» [5, с. 52]. «Часто кто-то окликал меня по имени и так ясно и громко, что я быстро оглядывался и удивлялся, когда не видел никого кругом. Голос был далекий, он звучал как музыка...» [5, с. 52]. «Музыка, – замечает свящ. И. Макаров, – часто является человеку в качестве “следа” вечности» [9, с. 178] и своей божественной гармонией свидетельствует о горнем мире, посланник которого – ангел, возможно, и окликал по имени автобиографического героя романа, ведь ангел-хранитель носит то же самое имя, что и покровительствуемый им человек.

Не случайно «далекий голос» у будущего бурсака невольно ассоциировался с церковью: «Вдали церковь, рожь, луга» [5, с. 52]. А церковь всегда вызывала память об отце, Константине Иосифовиче, который был священником небольшой деревянной церкви с двумя престолами в честь Живоначальной Троицы и во имя Архистратига Михаила в селе Хорошавка Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «Отец в лиловой рясе, светлородый» [5, с. 51], – вспоминал А.К. Воронский, – «для меня высшее существо», «он все знает», «никогда мне с ним не сравняться», «я верю ему вопреки очевидности» [5, с. 52–53], даже тем сказкам, которые он рассказывал про Ивана-царевича, преображая и раскрашивая необыкновенными красками подлинную, подчас совсем несказочную действительность: «Буду жениться – возьму тоже каленую стрелу: может и мне на долю выпадет лягушка-квакушка. Хорошо, если она обернется Василисой премудрой, а если этого не случится?...», и все же герой не хочет думать о плохом: «Сказке я верю» [5, с. 58]. Отец с детства учил сына помнить и ценить добро, стараться забывать все злое, гнать от себя дурные мысли, ведь «детство – это забвение и беспечность» [5, с. 55]. Именно он открыл своему ребенку великую тайну жизни: «Каждый день приходится что-то узнавать и удивляться. В жизни самое хорошее – удивление» [5, с. 53], а удивление в христианском жизнеощущении и жизнепереживании есть не что иное, как благоговение от созерцания красоты Божьего творения: «Мир мой ярк и свеж, он точно умыт. По-своему он для меня огромен» [5, с. 53]. Огромным для героя становится все вокруг (комната с потолком, сад), и это, с одной стороны, вызывает у него чувство собственной ничтожности перед «беспредельным и неведомым», а с другой стороны – рождает томление по вечности («Отсюда тоска» [5, с. 53]).

С неизъяснимым волнением всматривается автобиографический герой А.К. Воронского в пейзаж за окном: «за рекой – церковь с тонким, длинным шпилем» [5, с. 55], уходящим в бесконечность: «Над шпилем в сером небе вьется галочья стая» [5, с. 55]. Глядя на птиц, поднимающихся высоко над землей в необозримую даль, к Божию престолу, мальчик и сам хотел бы уподобиться им: «Прыгаешь со стула и машешь руками, точно птица крыльями, но полететь не удается, а птицы почему-то летают...» [5, с. 53–54]. Образ птицы в христианской традиции символизирует «все духовное», они «крылатые души» [7, с. 262], возносящиеся в отчужденную обитель.

Вообще мотив вознесения, восхождения в духовном и физическом смысле является сюжетообразующим в романе. Герой сознательно и/или бессознательно пытается преодолеть земное притяжение и вырваться за пределы материального, видимого пространства в таинственную сферу вечного разума, которому неведомы никакие пределы. Погружаясь в бездны собственного духа, автор (в его детской и взрослой ипостаси одновременно) обретает подлинное понимание своего бытия: «Все больше и больше кажется мне моим “я”, его ядром – мое сознание, – Cogito, ergo sum – мыслю, следовательно существую, – сказано стариком» [5, с. 56]. Декартианская формула, очень хорошо понятая и прочувствованная А.К. Воронским, порождает череду философских вопрошаний: «Почему на небе звезды и можно ли их достать, если к ним лезть, все лезть до самого верху? Почему деревья выше человека? В каком месте кончается свет и что есть там дальше, где свет кончается и где ничего нет? Можно ли видеть невидимых ангелов? Отчего я родился и что я делал, когда еще не родился, и что было, когда еще ничего не было? Все это требует безоговорочных и окончательных ответов» [5, с. 56]. А все потому, что, как верно заметил Алексей Арсеньев в автобиографическом романе И.А. Бунина, «у нас нет чувства своего начала и конца» [3, с. 7]. В этом боятся признаться взрослые, утратившие органичную связь с Абсолютом и «чаще всего отделяющиеся шутками» [5, с. 56], дезавуирующими саму причастность человека к Творцу и Его великому замыслу. Только «дети – величайшие метафизики» [5, с. 56], способные принять во всей сверхрациональной полноте божественный мир.

Перед лицом вечности, в минуту наивысшего потрясения от осознания хрупкости человеческой жизни, герой А.К. Воронского, пережив смерть отца, «с особой остротой чувствовал себя живой личностью в огромном безбрежном мире, который» ему «противостоит» [5, с. 63] и с которым отныне он будет вести свой бескомпромиссный поединок. Исход этого поединка у А.К. Воронского не вызывает сомнения, ибо смерть не прерывает человеческое бытие. Не случайно отец героя «похож на Бога, распятого на кресте» [5, с. 57], а значит – «настанет время, и отец воскреснет» [5, с. 64].

Литература

1. Белый, А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / А. Белый. – Москва: Респубблика, 1997. – 543 с.

2. Бунин, И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. (с доп. 3-мя томами) / И.А. Бунин. – Москва: Воскресенье, 2006. – Т. 1. Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). – 576 с.
3. Бунин, И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. (с доп. 3-мя томами) / И.А. Бунин. – Москва: Воскресенье, 2006. – Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). – 480 с.
4. Воронский, А. Бурса / А. Воронский // Новый мир. – 1933. – № 1. – С. 127–166.
5. Воронский, А.К. Детство (из книги «Бурса») / А.К. Воронский // На Перевале: сборник произведений писателей группы «Перевал»: А.К. Воронского, Ник. Зарудина, Ивана Катаева и др. Редакция и литературно-биографические статьи Глеба Глинки. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. – С. 49–92.
6. Капинос, Е.В. «Литература памяти» (И.А. Бунин) и образы времени у формалистов / Е.В. Капинос // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 3. – С. 122–124.
7. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – Москва: Золотой век, 1995. – 401 с.
8. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т. / Г.В. Лейбниц. – Москва: Мысль, 1984. – Т. 3. – 734 с.
9. Макаров, И. Аксиология музыкального творчества в контексте христианского понимания культуры / И. Макаров // Христианское чтение. – 2012. – № 2. – С. 164–185.
10. Панова, О.Б. Язык символов эпоса Л.Н. Толстого. Символ ребенка / О.Б. Панова // Язык и культура. – 2008. – № 2. – С. 33–43.
11. Пришвин, М.М. Собрание сочинений: в 8 т. / М.М. Пришвин. – Москва: Худож. лит., 1984. – Т. 7. Натаска Ромки; Глаза земли. – 479 с.
12. Пришвин, М.М. Дневники: / М.М. Пришвин. – Москва: Моск. рабочий, 1995. – Кн. 3. Дневники 1920–1922 гг. – 334 с.
13. Русская советская художественная критика. 1917–1941. Хрестоматия. – Москва: Изобраз. искусство, 1982. – 896 с.
14. Чамсединова, Г.Ш. «Искусство видеть мир»: М. Пришвин о литературном труде / Г.Ш. Чамсединова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 104–108.
15. Яблоновская, Н.В. «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и традиции автобиографического повествования в русской литературе: дис. канд. филол. наук / Яблоновская Н.В. – Симферополь, 1999. – 170 с.

I.S. Uryupin

SPIRITUAL SPACE OF *THE WORLD* IN THE AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE OF A.K. VORONSKY

In the article, the first chapter of *Bursa*, the autobiographical novel by A.K. Voronsky, is analyzed in the wide historical, literary, cultural, and philosophical background. Having a symbolic title, this *World* chapter was included in G. Glinka's anthology of the prose of the 1920s – 1930s as its semantic core. This chapter from the novel by A.K. Voronsky has become the moral, ontological and axiological center of the corpus of autobiographical texts about 'lost' Russia, which was carefully kept in memory by the writers of Russians abroad, as well as by the representatives of *Mountain Pass* ('Pereval') literary society, whose works revealed the irretrievably lost national image of the world.

A.K. Voronsky, literary society *Mountain Pass* ('Pereval'), *Bursa* novel, autobiographical discourse, image of the world.

Л.М. Голиков
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России

ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДЖИХАДИСТСКОМ ТЕКСТЕ

В статье описываются приемы достижения джихадистским текстом прозелитического коммуникативного эффекта, заключающегося в намерении убедить в правильности джихадистской идеологии и побудить к участию в джихаде. Подобные приемы, представляя контаминацию взаимосвязанных речевых стратегий уговаривания, устрашения, дискредитации, формируют категорию персуазивности, выраженную оппозицией религиозного идеала и враждебного ему.

Джихадистский текст, персуазивность, речевая стратегия, речевой аргумент.

В современном мире джихадистские террористические организации представляют собой наиболее значительную угрозу человечеству. «Имарат Кавказ», «Аль-Каида», «Исламское государство» помимо военных, финансовых инструментов активно используют в своей деятельности и средства пропаганды разрушительных идей, что позволяет им привлекать в свои ряды многих новообращенных. Пропагандистский арсенал подобных исламистских групп достаточно разнообразен: его составляют как традиционные обращения (манифесты) политического или религиозного характера, так и новые, преимущественно креолизованные, формы, порожденные возможностями интернет-коммуникации [14]. Следует отметить, что Интернет как информационное и, шире, социальное пространство [7] в настоящий момент является идеальным полем функционирования криминальных речевых форм, прежде всего, в силу того, что интернет-коммуникация преодолевает не только расстояния и границы, но и барьеры, присущие традиционным формам общения, возникшие в результате социального и культурного регулирования.

Многообразные речевые формы джихадистской пропаганды объединяются представлением о том, что подобные тексты воспринимаются социальным речевым действием, или типизированным риторическим действием, приобретающим свое значение в ситуации и социальном контексте, в котором эта ситуация возникает. В случае многократной реализации ситуации социальные реакции, которые она вызывает, являются схожими – эта схожесть и является типизированными риторическими действиями [19]. То есть джихадистские тексты в качестве социально обусловленного события [5, с. 94–97] определяются риторическим гипержанром, представляющим собой жанровое макрообразование, которое сопровождает определенные социально-коммуникативные ситуации и объединяет в своем составе несколько жанров [12; 9, с. 33].

Подобный гипержанр обладает набором типизирующих параметров, которые несут преимущественно экстралингвистический характер. Среди них выделяются:

- идеологический тип, который составляют политико-религиозные представления, определяемые термином *джихад* (синонимы: *фатх* и *газават*) в значении 'Война, ведущаяся мусульманами в защиту своей веры против иноверцев' [10, с. 67; 2, с. 256; 13, с. 307];

- коммуниканты, представляющие пару: автор, определяемый образом муджахиды – мусульманина-участника вооруженного формирования, ведущего вооруженную борьбу с органами государственного управления, правительством, и ожидаемый адресант – мусульманин;

- пропозициональное содержание, организованное описанием события, эксплицированного термином *джихад*, которое логическими средствами определяется как осуществление террористического акта или вооруженной борьбы;

- инвариант мотива, который представляет реализация события «джихад» как средства избавления определенного пространства ислама от негативного воздействия врагов ислама в актуальном для коммуникантов времени.

Отдельного описания требует коммуникативная направленность джихадистского текста. Интенция джихадистского текста описывается диспозицией статьи 205.2 УК РФ, объективную сторону которой составляют два речевых действия: публичные призывы к террористической деятельности и публичное оправдание терроризма [15]. То есть джихадистский текст призван реализовать намерения, описываемые семантическими формулами: а) 'Я хочу, чтобы ты принял участие в джихаде'¹; б) 'Я хочу, чтобы ты признал

¹ Ср. описание интенции речевого акта призыва А.Н. Барановым [1, с. 412].

участие в джихаде соответствующим определенной норме и/или полезным².

Подобная характеристика указывает и на убеждающий тип джихадистского текста, который нацелен на формирование мнения в платоновском понимании, то есть субъективного чувства, основанного на ненаучном познании вещей [16], и на его побуждающий характер, соответствующий общим особенностям, присущим аргументативному дискурсу [8]. В целом контаминация интенций убеждения и призывности определяет джихадистский текст речевой формой, несущей персуазивное воздействие, то есть нацеленное на побуждение реципиента к совершению определенных посткоммуникативных действий ментального или физического характера в интересах автора [4, с. 15], и в этом случае персуазивность является текстообразующим параметром [6, с. 125].

Выполняя задачу каталогизации стратегий, приемов, отдельных лингвостилистических средств персуазивности для типологизации персуазивных текстов [17, с. 66], мы попытались определить механизмы достижения иллюкативной цели джихадистских текстов.

Совершенно очевидно, что автор джихадистского текста рассчитывает на прозелитический коммуникативный эффект, который достигается посредством реализации персуазивных стратегий, способствующих созданию и логической, и эмоционально-оценочной контрастивности [1, с. 455–464], которую организует оппозиция религиозного идеала и враждебного ему. Так, пропозициональная структура джихадистского текста основывается на противопоставлении образов муджахида, близкого коммуникантам, и врага мусульманина, в целом ислама, на уровнях идентификации («свой» – «чужой») и реакции («хороший» – «плохой»).

В джихадистском тексте, как правило, реализуются речевые приемы уговаривания, устрашения и дискредитации, которые находятся во взаимодополняющих и взаимозависимых отношениях. То есть в подобном тексте невозможно выделить персуазивную доминанту, так как создание противопоставленных позитивных и негативных образов обеспечивается за счет взаимодействия аргументационных тактик, 1) направленных на преодоление когнитивного «сопротивления» адресата, обусловленного несовпадением пресуппозиций коммуникантов [11, с. 146]; 2) основывающихся на предполагаемом страхе адресата перед возможными последствиями несоблюдения религиозных установлений, связанных, прежде всего, с исламской эсхатологией (судный день), с представлениями о загробной жизни; 3) направленных на создание психо-эмоционального неприятия «чужих» адресатом джихадистского текста. Ряд убеждающих приемов уговаривания и устрашения мы уже описывали ранее как средства реализации речевого действия оправдания терроризма [3]. В данной работе уточняется набор подобных аргументов и определяются механизмы их функционирования в джихадистском тексте.

Формированию образа религиозного идеала («свой», «хороший») способствуют следующие апеллятивные приемы, обеспечивающие эффект притяжения.

Обязательная для джихадистского текста **отсылка к образу Аллаха**: *О Аллах! Обладатель Славы, Достоинства и Чести. О Величественный, Совершенный. О Аллах! Высочайший, Великий. Мы просим у Тебя чести и силы. Помогите муджахидам, которые сражаются на твоём пути. О Аллах! Ты все время рядом с ними и они с Тобой. Даруй им победу и укрепи их. О Аллах! Объедини их взгляды (мнения). Объедини их оружия (средства) в одну цель. Объедини их слово (речь). О, Аллах! Исправь их сердца. О Аллах! Защити муджахидов от врагов³... Сколько бы мне Аллах не дал бы жизни на этой земле, буду служить славу Аллаха и убивать врагов Аллаха. Да поможет нам всем Аллах. Аллаху Акбар. Аллаху Акбар. Аллаху Акбар.* Кроме того, достаточно частотным приемом уговаривания является обращение к различным религиозным источникам: *Что касается далиля из Корана и сунны, и законности джихада в Чечне и обязанности ведения джихада, то тебе надо просто открыть Коран и почитать сунну.*

Указание на необходимость соблюдать определенное религиозное установление в качестве способа достижения религиозного идеала: *Просто просите у Аллаха, чтоб Аллах даровал вам верную дорогу, чтобы он показал вам истинную религию, истину. То, что вы совершаете намаз. То, что вы поклоняетесь Аллаху. Этого всего недостаточно. Если религия Аллаха находится в унижении, потому что Аллах не принимает ни пост в Рамадан, ни намаз, ничего в поклонение Аллах не примет, если вы не выполняете один из важнейших фардов⁴, который Аллах возложил на каждого мусульманина из нас. На каждого мусульманина Аллах возложил: если постигает мусульманскую землю несчастье или кафиры посягают на мусульманскую землю, то каждый мусульманин обязан вложить то, что он может, то, что ему по силам... Праздник, который приблизился в священный месяц зуль-хиджа, когда совершается хадж. Но так как Аллах вменил нам обязанность превыше хаджа. И это джихад на его пути. И именно поэтому мы находимся здесь, а не в Мекке.*

Восхваление религиозного идеала: *Где же мужчины? Где же мужчины? которые не изменяют своему завету чтобы откликнуться давать присягу на смерть Аллах Велик ПОБЕДА ИЛИ ШАХАДА АЛЛАХ ВЕЛИК мы присягаем аллаху, свят он и велик что не повернемся спиной к врагам что не повернем свои лица при встрече с врагами наоборот будем идти в гуцу врага и вселять в них страх и чтобы изгнать тех, кто позади них пока мы не встретимся с аллахом пока мы не встретимся с аллахом или пока аллах не одарит нас победой аллах велик... И нет никого подобным муджахедам сегодня. Когда мы говорим о них, когда мы слышим о них, наши глаза*

² Подробнее см. [3].

³ В статье иллюстрации (цитаты) приводятся с сохранением особенностей грамматического и графического оригинального представления. Список источников в настоящей статье не приводится по причине отсутствия у большинства текстов дифференцирующих атрибутов (отсутствуют названия, указания на авторов) либо названия текстов условны (в виде буквенно-цифровых обозначений).

⁴ Термин *фард* выражает значение 'Поступки и нормы поведения, вмененные человеку в обязанность как религиозные заповеди, в первую очередь ритуальные предписания и соблюдение основных норм благочестия' [10, с. 252].

наполняются светом и мы гордимся ими, потому что они наши сыны. Они львы Таухида! Они львы Джихада! Они львы этой Уммы! Когда они говорят, то короли, министры встают, чтобы послушать их.

Обещание достигнуть религиозного идеала, основанное на представлениях о загробной жизни в исламе: *О Аллах! О Аллах, мой сын Шахид Вся хвала Аллаху, мой сын Шахид! Мой сын войдет в Рай!.. Клянись Аллахом! Как удивительно! Как ты можешь позволить твоей любви к ней мешать воссоединению с той которая создана из света! Воспитанная в тени дворцов среди юношей и девственниц, в обители роскоши и счастья. Клянись Аллахом! Кровь шахида не успеет высохнуть как он уже встретил её! Его глаза наслаждаются её созерцанием, гурия с большими глазами, красавица, особенная, девственница подобная рубину, ни один человек или джинн к ней не прикасался, её речь нежна и мягка, её телосложение восхитительно, её волосы гармоничны по цвету, её зрелость полновальна, её ресницы порхают.*

Апелляция к судному дню как предостережение о негативных последствиях несоответствия религиозному идеалу: *О мусульмане! Убивают жителей Аш Шаам! Происходит резня над народом Аш Шаама! Они позвали на помощь! И они ищут помощи! Но не нашли они ничьей помощи, кроме от Аллаха! Помогите защитите их кровь, чтобы с вас не спросили в Судный День! Неужели не осталось мужчин?! Мужчина не определяется по полу. Мужчина это тот, кто встает на путь Аллаха! О, Аллах, даруй победу братьям в Сирии... Не забудь брат, впереди вас – Судный день, когда любой мальчик, который был убит в сражениях будет судиться с вами, из-за того, что вы не защитили его. Любая сестра которая была изнасилована будет судиться с вами. И с вас будет спрос о том, почему вы не участвовали в джихаде.*

К приведенным аргументам примыкает побуждающий прием – **призыв к действиям, оценивающимся как способы достижения религиозного идеала.** Основным таким способом является участие в джихаде: *Поэтому сегодня главная ваша задача – делать джихад, главная ваша задача – получать слово Аллаха на той земле, где вы находитесь. Поэтому я вас призываю, чтобы на вас не воздействовали эти муртады, эти лицемеры и чтобы на вас не пал гнев Аллаха... Поэтому сегодня главная ваша задача – делать джихад, главная ваша задача – получать слово Аллаха на той земле, где вы находитесь. Поэтому я вас призываю, чтобы на вас не воздействовали эти муртады, эти лицемеры и чтобы на вас не пал гнев Аллаха.*

Кроме того, в джихадистских текстах достаточно частотны призывы «делать дуа» (молиться) за муджахидов в качестве одного из способов поддержки муджахидов (ср. *И всех тех, кто с братьями и сестрами нашими будут смотреть это, я прошу делайте дуа за наших братьев, которые стали шахидами... И если на сегодняшний день человек не может присоединиться к джихаду по физическим причинам или же он помогает материально, он всегда может делать за нас дуа, чтобы Аллах укрепил наши стопы на этом пути.*

Образ враждебного религиозному идеалу («чужой», «плохой») создается за счет следующих приемов, способствующих достижению эффекта неприятия.

Апелляция к антиавторитету, основывающаяся на противопоставлении Аллаха (мусульманина) враждебным духам или лжебожествам⁵: *А муртады, умирая и получая ранения, мародерствуя в наших домах, под прикрытием «уничтожения средневекового шариатского анклава». Они уже «герои и спасители сегодняшнего Дагестана». Им воздвигают монументы, о них слагают стихи и пишут книги. Россия наградила их крестами, но за каждым их шагом, и шагом восхваляющих их, незримо стоял и стоит самодовольный и радостный Шайтан!.. И мы на сегодняшний день стараемся минимум делать дуа за наших братьев, которые находятся под тяжелой властью тагута, под тяжелой властью кяфира, которые находятся в таком состоянии, в каком находились первые мусульмане в Мекке, не имея возможности некоторые совершить даже хиджру.*

Обоснование правильности участия в событии «джихад» мотивами восстановления религиозной нормы: *О Аллах! Обрушь свою силу на голову (верха) Америки, которая является центром куфра и смуты. О Аллах! Они зная о тебе, распространяют смуту на твоей земле Они убили рабов Твоих, и унизили твою религию. О Аллах! Ты Всесильный, Всезнающий. О Аллах! И накажи их мощью Своей! О Аллах! Нашли на них буйный ветер, такой же, который Ты наслал к адитам И нашли на них вопль, который ты наслал к самудитам, и потоп, подобный народу Нуха. О Аллах! Опрокинь небо на их головы, И сровняй их с землей. О Аллах! Разбей их государство. О Аллах! Раздели их страны и разорви жестоко... Всех братьев Кавказа поздравляем с началом сезона охоты. И всех мунафиков, местных ментов, фсбэшников поздравляем тоже с тем, что мы их будем убивать, инишааллах, будем резать их, инишааллах. Просим Аллаха, чтоб <...> дарил на нас терпение, и даровал нам победу над врагами нашей религии, над этими свиньями и обезьянами, которые расположились на нашей земле и которые мечтают о том, чтобы мы оставили их в покое.*

Апелляция к чувствам как способ вызвать гнев по отношению к враждебному для ислама: *Дорогие братья-мусульмане, для того чтобы вы взяли за оружие, неужели недостаточно такого количества убийств, изнасилования наших сестер, несколько жертв ожидают победы в тюрьмах, сколько еще должны перебить мусульман, чтобы вы вышли на джихад. Еще сколько женщин мусульманок должны быть подвергнуты изнасилованию?.. Они пытаются напугать нас. Они пытаются повесить на нас ярлыки. Они хотят, чтобы мы подчинились им и забыли своего Господа. Они проводят в наших домах обыски. Они думают, что их козни сделают нас слабее. Они хотят натравить нас друг на друга. И будь их воля, они бы просто истребили нас. Мусульман обвиняют в теракте, который был подстроен спецслужбами, как это уже было раньше, и это уже невозможно скрыть. А людей, которые говорят слово истины, они сажают и убивают. С наших сестер*

⁵ Образ ложного божества номинируется термином тагут [18].

снимают платки и хотят лишить их чести. Многодетная мать сидит лишь за то, что пыталась защитить своего мужа. Их не сдерживает ни их совесть, их не сдерживают ни их законы, их не сдерживает уже ничего.

Оскорбление врага мусульманина: *И мы обращаемся ко всем местным прихвостням этих фсбэшников русских, кяфиров этих. Ко всем шестеркам, короче. Обезьянам, свиньям, как Аллах говорит, которые думают, что они чего-то могут добиться. К этим русским кяфирам, именно не мусульманам, а русским, которые кяфиры приехали сюда и которые думают, что могут чего-то добиться. Пока бьется сердце хотя бы одного мусульманина из нас, сердце которого очень искренне придерживается религии Аллаха, ни один из вас не сможет отдохнуть где-то на этой земле... Твой отец <Хавиз Асад> покинул! Что он забрал с собой? Ничего кроме, кипящей Адской воды! О сын дьявола, Башир!*

Инсинуация как способ порочения врага мусульманина: *Шииты мучают и убивают мусульман в Ираке. Они режут на куски суннитов. Режут самых лучших, избранных, самых хороших мусульман. Домогаются их чести. И делают это шииты. Именно шииты. Джихад сегодня в Ираке между шиитами и мусульманами суннитами. Мусульмане борются против этих врагов, против этих преступников-рафидитов... Мафиозные кланы, алимь традиционного Ислама и самопровозглашенное «аварское» духовное управление мусульман Дагестана! Руководство Республики Дагестан, главы администраций городов и селений, народные депутаты всех уровней. Именно на них и лежит основная вина за все происшедшее, именно они и войдут в новейшую историю Дагестана как самые ярые враги Ислама. Виноваты в нашей трагедии также тысячи и тысячи дагестанцев, не то, что не поднявшие голос против уничтожения невинных единоверцев, но и даже поддерживавшие бойню в Кадарской зоне».*

В заключение необходимо отметить, что представленный в настоящей статье реестр аргументов ограничен корпусом доступных нам образцов, однако представляется, что подобные аргументы являются регулярными средствами реализации персуазивности в джихадистском тексте.

Литература

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика / А.Н. Баранов. – Москва, 2007.
2. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург, 2000.

3. Голиков, Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие / Л.М. Голиков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 1 (76). – С. 106–112.

4. Голоднов, А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Голоднов А.В. – Санкт-Петербург, 2011.

5. Гольдин, В.Г. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В.Г. Гольдин // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – Москва, 2007. – С. 90–102.

6. Гончарова, Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы / Е.А. Гончарова // Studia linguistica. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 10. – С. 120–130.

7. Горошко, Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е.И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – Москва, 2012. – С. 9–52.

8. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты [Электронный ресурс] / В.С. Григорьева. – Тамбов, 2007. – URL: www.tstu.ru/book/elib/pdf/2007/k_Grigoreva.pdf (дата обращения: 10.04.2017).

9. Дементьев, В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов, 1998.

10. Ислам. Энциклопедический словарь. – Москва, 1991.

11. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва, 2008.

12. Седов, К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К.Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. – С. 23–40.

13. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. – Москва, 2008.

14. Тышинский, М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа / М. Тышинский // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 158–164.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // СПС Консультант плюс.

16. Философский словарь [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия. – URL: <http://terme.ru/termin/mnenie.html> (дата обращения: 30.03.2017).

17. Чернявская, В.Е. Программа политической партии как персуазивный текст / В.Е. Чернявская, И.Ю. Логинова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – № 11. – С. 64–75.

18. Fahd, T. *Tāghūt* [Электронный ресурс] / T. Fahd, F.H. Stewart // Encyclopaedia of Islam. Second Edition. – URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_COM_1147 (дата обращения: 20.04.2017).

19. Miller, C.R. Genres as social action / C.R. Miller // Quarterly Journal of speech. – 1984. – Vol. 70. – P. 151–167.

L.M. Golikov

IMPLEMENTATION OF PERSUASIVE STRATEGIES IN A JIHADIST TEXT

The article describes the methods of achieving proselytizing communicative effect in jihadist texts, i.e. the intention to convince of the correctness of the jihadist ideology and to encourage participation in jihad. These methods represent the contamination of interrelated speech strategies of persuasion, intimidation, and defamation, and form the category of persuasiveness based on the opposition of the religious ideal and hostile attitude to it.

Jihadist text, persuasiveness, speech strategy, speech argument.

Е.А. Красильникова
Вологодский государственный университет

НЕСОВПАДЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблемам взаимодействия в профессиональных и бытовых сферах деятельности, связанных с неявными специфическими культурными паттернами. Игнорирование различий, связанных с ментальными установками и стереотипами поведения, приводит к осложнению и сбоям в коммуникации. Основная проблема межкультурной коммуникации заключается в том, что она осуществляется на основе этноцентрических установок, когда свой культурный опыт считается естественным и правильным, а «чужой» воспринимается в большинстве случаев как нерациональный, неверный, а иногда и полностью игнорируется. При этом для успешной коммуникации ключевое значение имеет переводчик, выполняющий роль культурного посредника.

Межкультурная коммуникация, содержание концепта, национальный характер, ментальные установки и стереотипы поведения, профессиональная подготовка спасателей.

Современная профессиональная коммуникация развивается в условиях глобального мира, что требует особого внимания к таким ее аспектам, как специфика профессиональной подготовки в различных культурах, национальные различия менталитета, различный уровень языковой подготовки. Кроме того, крайне важным моментом, определяющим успешность коммуникации, является этноцентрическое отношение коммуникантов к межкультурным различиям в том смысле, что с позиций этноцентризма, который определяет наше отношение к окружающей реальности и, как правило, не осознается, все культурные практики, маркированные как «свои», по определению считаются естественными и правильными. В связи с чем в ситуации, когда индивид, даже профессионал, сталкивается с иной традицией выполнения той или иной задачи или, обобщая, с иным содержанием концепта, фрейма, либо сценария, он оказывается перед ментальным выбором: принимать ему эту культурную (профессиональную) практику или нет.

Исход процесса оценки новых культурных и/или профессиональных практик может быть различным, в том смысле, что этот новый подход может рассматриваться как возможный (но свой при этом остается предпочтительным), как более удачный/рациональный/оправданный (в таком случае он перенимается) либо как абсолютно неприемлемый. Первый и второй варианты являются основой крайне ценного в межкультурной коммуникации обмена опытом, ведут к расширению кругозора участников коммуникации и обогащают культуры в целом, так как на этой основе осуществляется трансляция опыта в другой культуре.

Здесь нам кажется уместным обратиться к понятию контекста в межкультурной коммуникации, которое было введено американским антропологом Эдвардом Холлом и которое он определял как «информацию, необходимую для правильного «чтения» события и сопровождающую то или иное культурное событие». Именно контекст определяет правильность

интерпретации коммуникативной ситуации и раскрывает содержание культурных концептов. Кроме того, Холл выделяет два типа культур, высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные, которые различаются разным чтением контекста и различной необходимостью в вербальной информации. В этой связи в межкультурной коммуникации зачастую сталкиваются представители разных типов культур, которые имеют разную потребность в вербально выраженной информации. Кроме того, коммуникативная ситуация осложняется тем, что в разных культурах могут быть задействованы одни и те же концепты, но с различным содержанием, которое остается скрытым для участников коммуникации. Все это ведет к неправильной интерпретации ситуации и поведения партнера.

Межкультурная коммуникация зачастую осуществляется при участии переводчика, причем переводчик вынужден играть специфическую роль культурного посредника. Согласно различным современным концепциям перевода задача переводчика заключается в адекватной передаче содержания сообщения или текста. Адекватность при этом подразумевает необходимость учитывать культурно-специфическое содержание концептов, о которых идет речь. Игнорирование этого факта или незнание переводчиком культурной специфики приводит к различным нарушениям коммуникации [2; 3]. В данном случае актуализируется функция перевода как средства не только языковой, но и межкультурной коммуникации.

В.Н. Комиссаров в работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)» подчеркивал, что «благодаря переводу обеспечивается возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, возможность межъязыковой коммуникации. Для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание характерные особенности автора сообщения (источника информации) и тех получателей (рецепторов) информации, для которых предна-

значалось это сообщение, их знания и опыт, отражаемую в сообщении реальность, характер и особенности восприятия людей, которым адресуется перевод, и все прочие аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Поэтому лингвистическая теория перевода рассматривает перевод в широких рамках межъязыковой коммуникации и изучает все ее аспекты и определяющие факторы как собственно языковые, так и внешние по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющие на выбор языковых единиц в процессе перевода» [4, с. 40–41].

Много говорится о национальной специфике концептов, которая, как отмечает И.А. Стернин, «проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры» [5, с. 319].

При этом, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» [3, с. 112].

Цель статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать данный тезис на примерах из переводческой практики в профессиональной сфере работы и подготовки спасателей из России и Германии.

При этом хотелось бы обратить внимание на ряд концептов, имеющих определяющее значение для выстраивания деятельности спасателей. Одним из таких концептов является понятие героизма в российской и немецкой культурах, а также содержание некоторых видов деятельности, таких как транспортировка пострадавших, оказание первой помощи, организация безопасности труда. Следует отметить, что данные виды деятельности, как правило, выполняются в команде, требуют слаженности, скоординированности и полного взаимопонимания, так как ценой является жизнь пострадавшего и самого спасателя. Как было замечено в ходе работы переводчиком, эти виды деятельности успешно выполняются всеми участниками процесса, но в разных культурах они осуществляются разными способами. Они ведут к одному результату, но в международной команде при выполнении совместной работы, когда бок о бок работают люди с разным опытом, несовпадение соответствующих концептов является источником недоразумений и непонимания и ведет к потере времени, что является ключевым фактором в спасении жизни людей.

В статье будут рассмотрены концепты «героизм», «безопасность» и «порядок», а также отношение к соблюдению правил и регламента выполнения тех или иных задач.

Основой для написания этой статьи стали наблюдения за подготовкой юных спасателей из России и Германии в ходе проведения Международного лагеря по подготовке молодежи к действиям в экстремальных и чрезвычайных ситуациях Urban Search and Rescue-2015 (USAR'2015). Опыт работы в различных ситуациях показал, что задача переводчика должна сводиться не только к переводу формулировок заданий, которые должны были выполнить юные спасатели из разных стран. Очень важно было обращать вни-

мание участников учений на разные способы выполнения этих действий в разных культурах, так как в ходе работы стало понятно, что многое просто не проговаривается, так как считается очевидным.

Рассмотрим ситуацию, в которой несовпадение представлений о выполнении задачи привело к полному нарушению коммуникации. Участники тренинга должны были обнаружить пострадавшего, убедиться в том, что он жив, поместить его на носилки и транспортировать с условного места катастрофы. Задание в своей (моно)национальной команде не вызвало никаких затруднений, но взаимодействие в смешанной немецко-русской команде приводило к непредвиденным трудностям: участники не могли договориться, в какую сторону нести пострадавшего. Оказалось, что русские действуют в соответствии с традицией, согласно которой если человек жив, то его следует нести головой вперед. Немцы действуют в той же ситуации иначе и, согласно прагматическому подходу, несут пострадавшего так, чтобы он не видел места катастрофы, т.е. ногами вперед, что совершенно невозможно для русских. Задача переводчика при этом должна, вероятно, заключаться не только в переводе формулировок заданий, но также в том, чтобы привлечь внимание участников коммуникации к этой проблеме, т.е. вербализировать ее, вывести из пространства несказанного, «понятного и самоочевидного» на вербальный уровень.

Кроме вышеприведенной ситуации обнаруживается различие в содержании таких концептов, как героизм, безопасность и соблюдение правил и регламента.

Героизм и безопасность. Анализ рабочих ситуаций, а также лингвистического материала (поговорок, пословиц) показывает, что для русских героизм связан не только с преодолением опасности и страха, но и с готовностью пожертвовать собой ради спасения пострадавших или товарищей, тогда как для немецких коллег собственная безопасность является одним из ключевых параметров организации деятельности.

В диссертации Д.А. Голубева «Лингвокультурный концепт “героизм” в русской и английской языковых картинах мира» отмечается: «героическое поведение русского человека порой сопряжено с бесшабашной удалью и лихачеством, которые выражаются в пренебрежении опасностью и свершении необдуманных поступков. Более того, русскому человеку свойственны уверенность в предопределенности судьбы и ощущение неизбежности гибели, если таковая написана на роду, следствием чего является готовность пожертвовать собственной жизнью. В отличие от бесшабашности, удалы и лихачества, которые проявляются в героическом поведении русских, национально-специфические особенности героического поведения англичан выявляются через отношения пересечения английского лингвокультурного концепта “heroism” с такими концептами, как “common sense” и “prudence”, сущность которых выражается в том, что в опасных ситуациях англичане проявляют осторожность, поэтому, в отличие от русских, они предпочитают не подвергать себя и свою жизнь бессмысленному и неоправданному здравым смыслом риску» [1, с. 20].

Безопасность. Правила и регламент. Для участников учений из Германии гораздо важнее, чем проявление удали и лихачества, было стремление соблюсти правила и требования безопасности. Эта концептуальная установка проявляется как в невербальном поведении, так и на лексическом уровне, т.е. в текстах, поговорках и пословицах. Так, наиболее яркая поговорка, являющаяся ключевым концептом немецкой культуры, это фраза «*Ordnung muss sein*» («Порядок должен быть»).

Надо отметить, что есть и другая немецкая поговорка «*Ordnung ist das halbe Leben*» («Порядок – половина жизни»), которую иногда шуточно продолжают «*und Unordnung ist die andere Hälfte*» («а беспорядок – другая»).

Тем не менее, концепт «порядок» подразумевает для немцев четкое соответствие правилам, регламенту и требованиям техники безопасности. В данной ситуации это означало, что участники учений должны были носить специальную униформу, причем все неукоснительно подчинялись этому правилу, даже выполняя сложные задания, где эта униформа сильно мешала. Для русских это требование также существовало, но для них это был тот аспект, которым можно было пренебречь. Поэтому русские выполняли это требование на минимальном уровне: наличие каски и перчаток.

Кроме того, поведение немцев, даже в опасной и сложной ситуации, отличается относительной неторопливостью, связанной с необходимостью обдумать и обсудить предстоящие действия. Такой подход отражается в пословицах:

– Поспешность при совете и в деле не приносит ничего, кроме вреда. – *Hitz im Rat, Eil' in der Tat bringt nichts als Schad'*.

– Поступая осторожно и обдуманно, многого добьешься. – *Mit Sacht', mit Bedacht, hat's mancher weit gebracht*.

– Сначала взвесь, затем отважься. Сначала подумай, затем скажи. – *Erst wäg's, dann wag's, erst denk's, dann sag's*.

Поведение русских отличается большей спонтанностью и непредсказуемостью, что можно охарактеризовать фразой «действовать по ситуации» или «по обстоятельствам», при необходимости пренебрегая правилами.

Таким образом, главный тезис заключается в том, что в разных культурах может быть несколько иное содержание одних и тех же концептов. Однако это содержание считается в этой культуре естественным, и у людей, не имеющих опыта межкультурной коммуникации в своей профессиональной сфере, т.е. не обладающих межкультурной компетенцией, не возникает подозрения о возможности совершенно иной интерпретации полученного сообщения.

Можно сделать вывод о том, что содержание концепта «действие в чрезвычайной ситуации» состоит из ряда микроконцептов, перечень которых в разных культурах в целом совпадает, но отличается их значимость, «удельный культурный вес», в связи с чем какими-то из них можно пренебречь, а какие-то являются обязательными.

Литература

1. Голубев, Д.А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Голубев Д.А. – Ярославль, 2008. – 22 с.

2. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.

3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.

5. Стернин, И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы / И.А. Стернин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 1077 с.

E.A. Krasilnikova

DISCREPANCY OF CONCEPT'S CONTENT AS A PROBLEM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The article deals with the problems of interaction in professional and everyday fields of activities, connected with some non-evident specific cultural patterns. The disregarding of cultural and mental attitudes and behaviour stereotypes may lead to complications and failures in communication. One of the main problems of intercultural communication is the holding of ethnocentric attitudes, when the own cultural experience is considered to be correct and natural, whereas in most cases the 'foreign' experience is regarded as irrational, or incorrect, and can sometimes be ignored or neglected. In this context, the interpreter plays the pivotal role for the successful communication, and acts as a cross-cultural mediator.

Intercultural communication, content of concepts, national character, mental attitudes and behaviour stereotypes, professional training of rescuers.

УДК 37.02

Маргарет Энн Берг
Университет Северного Колорадо

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ

Социально-экологическая система предлагает основу для проведения исследований процессов овладения языками в обществе. Данная статья рассматривает экологические стили в лингвистике и психологии 70-х годов XX века и предлагает их применение в качестве основы для соответствующего исследования двуязычного образования (на русском и английском языках) в XXI веке. Данная экологическая система далее обогащена посредством прикладных лингвистических методов, таких как этнография, анализ развития речи и функциональная лингвистика. Эта система вполне основательна для того, чтобы провести изучение развития билингвизма и грамотности речи среди различных групп населения. В заключение данной работы выявлены вопросы, возникающие при проведении исследований академического развития и билингвизма.

Овладение языками в обществе, прикладная лингвистика, системная функциональная лингвистика, этнография, экологические системы, социально-экологическая система, развитие билингвизма.

Linguistic landscapes are not only geographical and spatial, but also socio-cultural and psychological. The complexity of these landscapes result in what Blommaert calls “superdiversity” brought on by the end of the Cold War and the emergence of the Internet [1]. Labels that have served bilingual research easily in the past, such as “first language” (L1) and “second language” (L2), are quickly eroding as more children grow up in mixed ethnic homes, where more than one language is spoken, and students share cultural artifacts easily through online networks. A strong research base has grown to demonstrate (a) the cognitive advantages of knowing more than one language [2, 3], and (b) the stronger academic performance of students who have studied academic material in dual language content-based programs [4]. While researchers know that bilingualism and academic content in two languages are healthy for the cognitive psychology of a child, the field of biliteracy research lacks a single model, or even a limited few, for language acquisition combined with content learning. In fact, research in the human capacity to read and write in more than a single language with academic proficiency needs—as Hopewell and Escamilla assert—“systems that allow us to explore and understand the nuance and tensions of becoming biliterate in widely varying contexts and languages” [5, p. 182]. Therefore, this article presents a combination of theoretical frameworks and applied linguistic methods as one possible “system” that is robust enough to examine “nuance and tensions” in a variety of contexts.

The target languages in studies related to the formal years of education have been limited. Research on learning appearing in the English language focuses predominantly on adult learners from whom it is easier to gain informed consent for participation in a study. Permissions from students under eighteen years of age, and their par-

ents/guardians, is more difficult to gain; however, state mandated testing does allow researchers to examine general trends on language acquisition within the formal years. These examinations and the quantitative results fail to account for the process of learning through classroom interaction or students’ individual performances. These tests provide a series of single measures across time for a generalized group with little to no information about “varying contexts and language.” At each academic year, tests are given to a group, for example, 3rd graders. If a language other than the dominant social language is spoken in the home they may be identified as an L2 learner with no additional information about the extent of their exposure to the L2, or if they are bilingual [6]. The next year another group of 3rd graders are given a test, and the performance is compared with the previous year’s third graders (often with changes in a test) with no additional information about their language formation or other human developmental aspects. Thus, the state standardized tests have limited application for educational, particularly pedagogical, research.

Qualitative studies provide greater description of the language acquisition process and dual language educational contexts. Canada has contributed to a large volume of work in relation to the French/English schools particularly in Quebec. The United States has also contributed to the discipline with studies predominantly on Spanish/English [7]. Studies of schools that teach at least 50% of the curriculum in Russian and 50% in English are more difficult to find for there are only a few schools that offer such a model. Therefore, the “nuances and tensions” of learning English in the Russian context and Russian in the English context have only begun to be explored.

This lack of research into the bilingual, particularly biliterate, growth of students in Russian/English needs to

be addressed. For that reason, this article discusses the issue with the following question:

- What “system” can be used to explore and understand Russian/English academic biliteracy growth?

The system must be comprehensive enough to account for multiple sites where learning takes place within a community, and also focused enough to capture the growth of the linguistic ability of learners to document the nuance and tensions of assimilating various ideologies inherent in languages which attempt to make sense and construe the experiences lived in various environments. Therefore, a socio-ecological research stance is proposed.

Theoretical Background: The Ecological Turn

In 1971, Einar Haugen published his article *The Ecology of Language* defined as “the study of interactions between any given language and its environment” [8, p. 325]. The article ends with a list of ten areas to study in linguistic landscapes. These include sociolinguistics, dialectology, philology, and institutional support. Schooling is situated within the area of institutional support. When families move to a new nation, or when children are born into a minority ethnic group, they “face a status ladder that increasingly removes them from their language of intimacy” [p. 332]. The tensions of this transitional shift from the intimacy of the home to the public discourse of schooling requires a broader lens than linguistics alone can provide, and a psychological paradigm that takes account of both the mind and environment complements Haugen’s work.

Urie Bronfenbrenner’s *Ecological Systems Theory* [9] provides a more structured paradigm for the examination of the language areas outlined in the Haugen essay. Bronfenbrenner’s theory makes the dyad, or two-person system, the basic unit of analysis [p. 5]. His 1979 theory consists of four levels/systems “conceived as a set of nested structures, each inside the next, like a set of Russian dolls” [p. 3], or *матрешка*. The individual person lies at the innermost level of all the systems. The biological human is within the microsystem of small social groups—such as family, classmates, school peers, play groups—that pattern activities and roles within an experience of interpersonal relationships [p. 22]. The dyad of parent and child, teacher and child, lies in the microsystem; however, a researcher might focus on a particular child’s interactions with another classmate in a school, or a teammate at a sports club. A narrow focus on a dyad creates opportunity for a richer, deeper, and more nuanced description of actions and utterances between two participants. The interactions between and among microsystems occur within the mesosystem.

The exosystem refers to “settings that do not involve the developing person as an active participant, but in which events occur that affect, or are affected by,” what happens in the microsystem [p. 25]. For example, directives made from a regional education office impact what happens in a single classroom though the children and their families may not know any of the people making those decisions and regulations. A child may not know a school’s highest level of administration, but is still subject to their decisions. In a study that employed the ecological systems theory, an English/Russian dual language school in the U.S. denied books to the Russian program because

the school board and principal were confused about the semantics, pragmatics, and semiotics for words based in a similar root: “culture” in English, and *культура* [10]. The values historically infused in each of these words reveal attitudes of the people at the outer most level of the ecological system for human development—the macrosystem. It is the “consistencies, in the form and content of the lower-order systems (micro-, meso-, and exo-) that exist at the level of the subculture or the culture as a whole, along with any belief systems or ideology underlying such consistencies” [p. 26]. Bronfenbrenner argued that ecologically appropriate research includes the study of a developing human moving into different ecological systems; for example, Russians who immigrate to the U.S. place high importance on maintaining the language at 71% of this population [11].

Applied Linguistics Methods

Haugen provided theoretical ideas in relation to what aspects of language can be studied in an environment, and Bronfenbrenner furnishes a layered model of a context that situates a single learner (a psychological and biological human) at the center. The model echoes ideas from anthropology that have traditionally studied entire ethnic groups. The ethnographic tradition of describing culture, including language, is one method from applied linguistics that contributes to a robust system.

Ethnography. This method documents the use and significance of language in context as lived events unfold. In ethnography any interaction, observation, interview, conversation, document, or website can be data in the collection process. The main data are the field notes of a researcher who has appropriate cultural and discipline knowledge. Thus, ethnography begins before the researcher enters the social context. It continues into the field through the analysis of the micro- and macro-levels of a culture and the writing of the ethnographic reports. This approach aligns well with Haugen’s potential questions to be answered about an ecology of language, but it maintains a wider lens: Culture is communicated through more semiotic systems than language alone.

Systemic Functional Linguistics. SFL is based on the work of educational linguist M.A.K. Halliday who posits context as “a constellation of meanings deriving from the semiotic system that constitutes a culture” [12, p. 180]; therefore, language acquisition is a socialization process. For teachers to become effective instructors, they must talk about what happens in classrooms, about elements of a lesson, about conceptualizing a unit of instruction, and about the implementation and results of interactions with learners. The discipline of Education, like any other field of study, requires language to construe the experience. The earliest period of learning in the life span is characterized by the learning of the general knowledge. In secondary and tertiary education, the learner must assimilate advanced knowledge of particular disciplines. The written texts and traditions of those disciplines fall into Haugen’s category of philology.

An examination of a text in SFL prompts a researcher to determine the language functions—what is being discussed (field), who/how it is being discussed (tenor), and the medium through which it is discussed (mode)—and the associated linguistic features at the levels of lexicon, syn-

tax, and discourse [13]. For example, a science course will require different linguistic features than a history class. The question of the differences and similarities is an empirical one, and teachers can be educated in the tools of SFL to increase the quality of the output in their students' work [14].

As stated above, Haugen asserted that children face a ladder from intimacy; yet, SFL research into academic genres focuses on how to assist in students' ascent. SFL researchers have found that through the explicit instruction of the valued genres of schooling, as documented through the requirements for reading and writing in institutions, the children of immigrant and aboriginal families could quickly catch up to the students from the dominant English-only families [15]. They posit a typology for English-speaking academic genres that has three main branches: engaging, evaluating, and informing. The first branch—engaging—dominates the language arts classroom with texts such as narratives, newspaper stories, anecdotes, and exemplum. The second branch—evaluating—can be found in both language arts and history classrooms with essays that discuss an issue, propose a solution to an issue, or provide a review for a piece of art including writing. The informing branch, however, dominates the sciences and mathematics with reports, explanations, procedures, and recounts of processes. This separation is artificial and overlap does exist, but it provides a systemic approach for a close examination of various texts including those valued in schools.

Discourse Analysis. The languages people speak impact the way they think; languages are not neutral but loaded with ideological and cultural-historical meanings. Discourse Analysis, DA, is rooted in the philosophy of language but provides a methodological approach to study it in use; for example, in a classroom discussion as teachers and students build background knowledge about a topic prior to writing about it. DA pays particular attention to language to uncover ideologies that maintain power structures. While the methodological frame for Critical Discourse Analysis focuses on the problems, power relations, and how to move past them, Positive Discourse Analysis (PDA) evaluates texts—spoken, written, and a mix of modes—within a broader description of the conventions and groups involved. PDA develops within the context to identify greater potential for positive applications and outcomes [16]. PDA complements Bronfenbrenner's ecological systems which situate a learner centrally in a particular context. As the pupil, student, teacher, or researcher engage with others in a learning context, they are open to psychological vulnerabilities as they develop their abilities to process and produce more complex language of various disciplines and languages. PDA holds that a positive outcome in human relations is best; therefore, the tenor of interactions must be respectful even as learners struggle to understand the ways of respect in different cultures.

Discussion and Conclusion

The quickly changing linguistic landscape in urban areas in the 21st century force language and education scholars to reexamine simplistic dichotomies such as L1 and L2 that dominated. Hornberger proposed a *Continuum of Biliteracy* but its application is limited to the schooling context [17]. An ethnographic and ecological approach is

more robust because it includes observations and data beyond the walls of a school. Therefore, this article proposes a transdisciplinary approach and system that draws on the traditions of psychology, anthropology, linguistics, language philosophy, and education. The development of language to the highest levels of academic literacy is a complex process that includes multiple interactions with various people in different linguistic registers throughout the ecological system.

Russian in combination with English is underrepresented in the bilingual research journals. Although there is over a million Russians living in the U.S., and an increase of English language programs in Russia, the scholarship on Russian/English biliteracy is sparse. An adult language learner will have already formed concepts about, and conceptions of, the world in one language before learning another linguistic code for those ideas; however, children, who simultaneously learn the world in two languages, will experience nuances and tensions that are unique to the young learner. Though any model will have limitations, the system presented in this document takes advantage of a wide lens to observe and analyze the language acquisition process in a way that is ecologically valid. With this system, a researcher can study the reading and writing ability of students studying two languages and deepen the inquiry through a variety of follow-up questions: What do mentors in the meso-system do to support the language of academics? How does a learner draw on human resources available to assist in the development of language? What languages does a learner use in different contexts and with whom? How does a home environment support or thwart learning of various school content? How do communities support the choices of families who seek to maintain minority languages? What approaches in teaching are most effective for advancing disciplinary literacy of students? What methods of teaching can be borrowed from one discipline area to innovate in another discipline area?

These questions can be pursued through further investigation, and expanded upon. As the process of globalization continues, education scholars must be at the forefront of advocacy for youth and the people who care for them. While the 20th century brought the rise of psychoanalysis and psychology, it also brought the rise of sea levels with the melting of the ice sheets: While awareness of consciousness has increased, so has the threat to existence. Future thinkers/workers will need to cross the boundaries of their respective fields to develop innovative solutions to the socio-ecological problems confronting humanity. A greater diversity of ideologies are available through various languages, and the creativity that comes from multilingualism. An active and contributing participant on the path to solutions can be fostered in a culture that improves the ecological system of the learners.

Author's note: Thank you to Vologda State University for hosting me this academic year. Funding for this year was made possible through the Fulbright Scholar Program, the University of Northern Colorado Sabbatical Program, and Vologda State University. I can be reached at Margaret.berg@unco.edu if a reader wants to discuss this article and/or potential research on Russian/English learning.

References

1. Blommaert, J. *Ethnography, Superdiversity and Linguist Landscapes* / J. Blommaert. – Tonawanda (NY): Multilingual Matters, 2013.
2. Kharkhurin, A.V. *Multilingualism and Creativity* / A.V. Kharkhurin. – Tonawanda (NY): Multilingual Matters, 2012.
3. Pavelenko, A.(Ed.) *Thinking and Speaking in Two Languages* / A.(Ed.). Pavelenko. – Tonawanda (NY): Multilingual Matters, 2011.
4. Lindholm-Leary, K.L. *Dual Language Education* / K.L. Lindholm-Leary. – Tonawanda (NY): Multilingual Matters, 2001.
5. Hopewell, S. *Biliteracy Development in Immersion Contexts* / S. Hopewell, K. Escamilla // *Journal of Immersion and Content-based Language Education*. – 2015. – № 2 (2). – P. 181–195.
6. Schneider, M. *Common Core Dilemma: Who Owns Our Schools?* / M. Schneider. – New York (NY): Teachers College Press, 2015.
7. Collier, V.P. *Educating English Learners for a Transformed World* / V.P. Collier, W.P. Thomas. – Santa Fe (NM): Dual Language Education of New Mexico, 2009.
8. Haugen, E. *The Ecology of Language* / E. Haugen. – Stanford (CA): Stanford University Press, 1971.
9. Bronfenbrenner, U. *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design* / U. Bronfenbrenner. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1979.
10. Berg, M.A. *Russian-speaking Children and Material Needs in the Reformist Context: An Ecological Study of Curriculum Development* / M.A. Berg // *Journal of World Languages*. – 2016. – № 2 (2–3). – P. 126–143.
11. Isurin, L. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change* / L. Isurin. – New York (NY): de Gruyter, Inc., 2011.
12. Halliday, M.A.K. *Language as a Social Semiotic: Towards a General Sociolinguistics Theory* / M.A.K. Halliday // *Language and Society* / edited by J.J. Webster. – New York (NY): Continuum, 2007.
13. Halliday, M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar* / M.A.K. Halliday. – London (UK): Edward Arnold, 1985.
14. Huang, J. *Impact of Functional Linguistics Approach to Teacher Development on Content Area Student Writing* [Электронный ресурс] / J. Huang, M.A. Berg, M. Siegrist, C. Damsri // *International Journal of Applied Linguistics*, 2016. – Режим доступа: DOI: 10.1111/ijal.12133
15. Rose, D. *Learning to Write, Reading to Learn: Genre, Knowledge, Pedagogy in the Sydney School* / D. Rose, J.R. Martin. – Bristol (CT): Equinox Publishing, 2012.
16. Coffin, C., *Applied Linguistics Methods: A Reader* / C. Coffin, T. Lillis, K.(Eds.). O'Halloran. – New York (NY): Routledge, 2010.
17. Hornberger, N.W. *The Continua of Biliteracy and Bilingual Educator: Education Linguistics in Practice* / N.W. Hornberger // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2004. – № 7 (2&3). – P. 155–171.

Margaret A. Berg

A SOCIO-ECOLOGICAL FRAMEWORK FOR LANGUAGE ACQUISITION

A socio-ecological system offers a framework in which to situate research on language learning in a community. This article discusses the ecological turn of linguistics and psychology of the 1970s and argues for these as a basis for environmentally appropriate research on Russian/English biliteracy in the 21st century. This ecological foundation is enhanced through applied linguistics methods including ethnography, positive discourse analysis, and systemic function linguistics. This framework is robust enough to explore bilingual and biliterate development in learners in various contexts. The paper concludes with possible questions for investigation of bilingual and academic development.

Language learning in a community, applied linguistics, systemic function linguistics, ethnography, ecological foundation, socio-ecological framework, bilingual development.

*Е.А. Кирилова
Вологодский педагогический колледж
С.А. Семенова*

Средняя общеобразовательная школа № 39 г. Вологды

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье обозначена проблема обучения младших школьников грамматическим категориям глагола на уроках русского языка в начальной общеобразовательной школе. Представлен опыт работы с глагольными грамматическими категориями на уроках русского языка в начальной школе на базе МОУ «Начальная общеобразовательная школа № 10» и МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» города Вологды.

Глагол, грамматические категории глагола, младшие школьники, методы обучения.

Раздел морфологии в курсе учебной дисциплины «Русский язык» в начальной общеобразовательной школе представлен изучением трех обширных тем: имя существительное, имя прилагательное, глагол. Изучение глагола является одной из трудных тем для младших школьников.

Последовательность работы над глаголами, объем программного материала, приемы и средства его изучения в каждом классе определяются задачами, которые ставятся при изучении данной части речи, а также лингвистическими особенностями глагола и познавательными возможностями младших школьников.

Основные задачи заключаются в том, чтобы сформировать первоначальное понятие о глаголе как части речи, развить умение осознанно употреблять глагол в устных и письменных высказываниях, отработать навык правописания личных окончаний наиболее употребительных глаголов I и II спряжения. Данные задачи решаются в начальной школе во взаимосвязи.

Подготовка к изучению глагола заключается в развитии у учащихся внимания к лексическому значению этой части речи. Происходит накапливание того материала, на основе которого становится возможным обобщение относительно типичного для глагола лексико-грамматического значения.

Учитывая сложность грамматических категорий глагола, в начальных классах учащиеся знакомятся только с некоторыми из них. При отборе материала учитывается степень его необходимости для осознанного решения речевых и орфографических задач. В процессе изучения темы «Глагол» младшие школьники могут допускать ошибки при образовании временных форм глагола, при определении спряжения и т.д.

Практика показывает, что работа с грамматическими категориями также вызывает определенные трудности у начинающих учителей начальных классов. Возможно, причина подобных трудностей в недостаточно высоком уровне понимания теоретического материала, предусмотренного классической грам-

матикой русского языка при изучении грамматических категорий.

Для того чтобы облегчить подобную работу, мы в данной статье, опираясь на труды известных отечественных лингвистов, предлагаем рассмотреть некоторые общие классификации грамматических категорий с целью их систематизации.

Так, по программе начальной школы фрагментарно рассматривается материал «Синтаксиса». Например, в учебно-методическом комплексе «Гармония» 4 класс, часть 2 изучается тема «Предложение в тексте», где авторами учебника предлагаются задания на установление правильной синтаксической связи слов в предложении, в которых необходимо поставить имена существительные в необходимых формах рода, числа и падежа. С позиций русской грамматики в данном задании подразумевается деление названных морфологических категорий на синтаксические и несинтаксические, но учащимся начальной школы данные группы не называются.

Данную классификацию предлагает А.В. Бондарко. В его исследовании морфологические категории делятся на две группы: синтаксические и несинтаксические [1].

Синтаксические (обозначают зависимость одних слов от других, что предусмотрено программой по русскому языку в начальной общеобразовательной школе): падеж существительных, падеж, число и род прилагательных.

Несинтаксические (категории, не имеющие зависимых одних слов от других). У имен существительных одна синтаксическая категория – падеж.

При описании синтаксических и несинтаксических категорий логично рассмотреть выделяемые лингвистами морфологические категории по характеру образования грамматических форм. Это категории словоизменяемые и несловоизменяемые. Данные морфологические категории также предусмотрены программой начальной школы, но не обозначены данными понятиями.

Итак, словоизменяемые морфологические категории:

- падеж и число имен существительных.

Носителями морфологических значений у словоизменяемых категорий является ряд морфологических форм, которые могли быть представлены формами одного и того же слова.

Так категория падежа основана на противопоставлении следующих 6 форм:

- ряд форм именительного падежа единственного и множественного числа;
- ряд форм родительного падежа единственного и множественного числа;
- ряд форм дательного падежа единственного и множественного числа;
- ряд форм винительного падежа единственного и множественного числа;
- ряд форм творительного падежа единственного и множественного числа;
- ряд форм предложного падежа единственного и множественного числа [1].

Каждый из этих рядов и каждая форма, входящая в этот ряд, является носителем категориального морфологического значения. Категориальное значение, присущее каждому из противоположных друг другу рядов – членов словоизменяемых категорий и каждой форме, входящей в эти ряды.

Несловоизменяемые морфологические категории:

- род имен существительных.

Так, категория рода имени существительного основана на противопоставлении 3 рядов морфологических форм, которые могли быть представлены лишь разными словами:

- рядом форм слов мужского рода;
- рядом форм слов женского рода;
- рядом форм слов среднего рода [8].

Категория морфологического значения рода свойственна каждому из этих рядов и каждому слову в ряду, т. е. словом мужского рода во всех падежных формах, словом женского рода и словом среднего рода.

И.Г. Милославский, В.К. Радзиговская по структуре выделяют следующие категории:

- двухкомпонентные (в начальной школе это категория числа);
- трехкомпонентные (в начальной школе это категория рода);
- многокомпонентные (в начальной школе это категория падежа).

По количеству форм, которыми может быть представлена морфологическая категория, различают бинарные и небинарные категории [8].

Бинарные категории представлены противопоставлением двух (рядов) форм. Например, категория числа имени существительного представлена формами единственного и множественного числа, категория залога – формами действительного и страдательного залога. Одна форма – не система и в силу отсутствия контраста значений (оппозиции) не может представлять категории [8].

Принципиально важна также характеристика морфологических категорий по синтаксическим при-

знакам. Слова получают форму для построения предложения. Формы при этом могут быть:

- синтаксически обусловленным и (зависимыми от других форм в предложении) или необусловленным и (независимыми от других слов в предложении);
- синтаксически обуславливающими (определяющими другие формы в предложении) и необуславливающими (не влияющими на другие формы слов в предложении) [8].

Синтаксически обусловленными являются формы рода, числа и падежа прилагательных, падежа существительных, поэтому эти категории называют синтаксическими.

Синтаксически необусловленными являются формы рода и числа имен существительных, эти формы не зависят ни от каких слов в предложении, поэтому эти категории называют несинтаксическими или словообразовательными. Данные категории предусмотрены для изучения программой начальной общеобразовательной школы без применения подобной терминологии.

Проанализировав наиболее используемые учебно-методические комплексы «Перспективная начальная школа», «Школа России», «Гармония», программа развивающего обучения Л.В. Занкова, мы пришли к выводу, что ими предусмотрено изучение следующих грамматических категорий глагола в начальной школе: категория возвратности, категория наклонения, категория времени, категория лица, категории рода и числа глагола (Приложение 1).

Проблему обучения грамматическим категориям глагола в начальной общеобразовательной школе описывала в своих исследованиях Е.С. Полат [6].

Исследователь отмечает, что структура урока, проведенного в интерактивном режиме, включает 8 этапов: мотивация, сообщение целей (целеполагание), предоставление новой информации, интерактивные упражнения (работа в группах), новый продукт, рефлексия, оценивание, домашнее задание [6].

Е.С. Полат предлагает стратегию, которую уместно использовать для развития у школьников следующих умений:

- анализировать текст совместно с другими людьми;
- вести исследовательскую работу в группе;
- доступно передавать информацию другому человеку;
- самостоятельно определять направление в изучении какого-то предмета с учетом интересов группы [6].

В основе интерактивного приема групповой (парной) работы лежит идея взаимообучения.

Например, при изучении темы «Глагол» учащиеся должны выполнить упражнение, которое предполагает составление рассказа по иллюстрации, наблюдение за использованием в этом рассказе существительных и глаголов. Если выполнение этого упражнения организовать по группам (или парам), то возникнет дух здорового соревнования – чей же текст будет интереснее? Какая группа будет самой внимательной при описании иллюстрации? чей словарный запас окажется богаче? Каждый член группы (если эта работа все же организована в группах, а не в парах) должен отвечать за описание отдельного объекта на картинке, а затем группа коллективно решит, в какой последова-

тельности расположить отдельные предложения. Какие предложения одобрить, а какие коллективно «доработать». Также коллективно члены группы должны будут классифицировать употребленные в рассказе слова на существительные и глаголы [6].

Собственные результаты работы над грамматическими категориями глагола были апробированы на базе МОУ «Начальная общеобразовательная школа № 10» города Вологды, а также на базе МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» города Вологды. В ходе практики были разработаны и проведены уроки для учеников 4 класса, обучающихся по учебно-методическому комплексу «Перспективная начальная школа». Также разработан и проведен урок для учащихся 4 класса по программе развивающего обучения Л.В. Занкова.

В ходе таких уроков дети знакомились, затем учились определять грамматические категории глагола. С целью эффективного усвоения обучающимися грамматических категорий данной части речи в ходе уроков русского языка применялись различные группы методов обучения:

- методы организации учебно-познавательной деятельности (рассказ, объяснение, беседа, организация наблюдения, иллюстрация);
- методы выработки учебных умений и накопления опыта учебной деятельности (упражнения);
- методы закрепления и повторения изученного материала (беседа, повторение);
- методы организации взаимодействия учащихся и накопления социального опыта (метод взаимной проверки, временная работа в группах);
- методы контроля и диагностики эффективности учебно-познавательной деятельности (повседневное наблюдение за учебной работой учащихся, устный опрос, фронтальный опрос, проверка домашних работ учащихся) [9].

Например, в ходе урока по теме: «Простая и сложная форма будущего времени глаголов» в 4 классе был использован такой метод как устный опрос целью углубления, обобщения и систематизации знаний обучающихся, а также с целью развития речи. На этапе актуализации знаний школьникам было предложено составить рассказ о простой и сложной формах будущего времени по схеме, составленной предварительно в ходе изучения нового материала.

Повторение представляет собой основу всего процесса обучения и развития ребенка. Психологические исследования показывают, что человек через сутки после знакомства с новой информацией забывает от 20 до 40% усвоенного. Через пять дней, если он не занимается активным повторением, у него остается, лишь около 20%. Повторением обычно называют процесс словесного или письменного воспроизведения выполняемых ранее (или аналогичных им) учебных заданий [9].

Ввиду того, что процесс забывания растянут во времени, повторение проходило в несколько этапов. В конце каждого урока подводились итоги с упоминанием того нового, что освоили учащиеся на этом уроке. Подобное окончание урока представляет собой краткую форму повторения пройденного материала.

Важным методом при изучении грамматических категорий глагола явилось упражнение. Под упражнениями понимают повторное (многократное) выполнение умственного или письменного действия с целью углубления своих знаний и выработки соответствующих учебных умений и навыков.

Применялись устные упражнения, что способствовало развитию логического мышления, памяти, речи и внимания учащихся. Они отличаются динамичностью и не требуют затрат времени на ведение записей.

Письменные упражнения использовались для закрепления знаний и выработки умений письма. Использование их способствует развитию координации движений, общей культуры письменной речи и самостоятельности в работе. Процесс организации выполнения упражнения условно расчленялся на несколько этапов. На первом этапе шла опора на осмысленные учащимися знания. На втором – шел показ, как нужно выполнять то или иное задание. На третьем – первоначальное воспроизведение сильными учащимися учебных действий. Четвертый, окончательный, этап заключался в многократном тренировочном повторении учебных действий, направленных на приобретение практических умений и навыков.

Использовался и метод взаимной проверки. Данный метод помогает лучше всего организовать взаимодействие. Проверка двумя учащимися друг у друга правильности выполненных ими заданий всегда вызывает высокий интерес.

В ходе взаимопроверки школьник свою тетрадь предлагал соседу по парте, а тетрадь соседа брал себе для проверки. Взаимопроверка работ начиналась со сравнения списанных и решенных заданий с представленными учителем образцами. Ошибки подчеркивались и обозначались галочкой на полях. В дальнейшем переходили к дифференцированной оценке.

Регулярно применялся метод повседневного наблюдения за учебной работой обучающихся. Этот метод позволял составить представление о том, как ведут себя учащиеся на занятиях, как они воспринимают и осмысливают изучаемый материал, в какой мере они проявляют сообразительность и самостоятельность при выработке практических умений и навыков, каковы их учебные склонности, интересы и способности, степень их усидчивости и регулярности в овладении знаниями. Накопление достаточного количества наблюдений позволяет учителю определять индивидуальные особенности обучающихся, учитывать их в работе и, следовательно, более объективно подходить к проверке и оценке знаний обучающихся.

В ходе урока по теме: «Спряжение глаголов с безударными личными окончаниями» в 4 классе использовался метод беседы. Беседа предшествовала изучению нового материала. Цель такой беседы состояла в том, чтобы сформировать у обучающихся состояние готовности к изучению новой темы.

По своей форме беседа была фронтальной (вопросы обращены ко всем учащимся класса). Учитывая, что успех проведения бесед во многом зависит от правильности постановки вопросов, при фронтальной беседе вопросы были краткими, четкими, содержательными.

Таким образом, рассмотрев грамматические категории как единицу морфологической системы языка, стоит отметить, что глагол представляет собой особую часть речи, которая обозначает действие или состояние предмета, эти значения выражаются с помощью категорий вида, залога, времени, лица, наклонения, ряд глагольных форм имеет категории рода и числа, глагол выполняет в предложении, в основном, функцию сказуемого. Особыми неспрягаемыми формами глагола являются инфинитив, причастие и деепричастие, они выступают в предложении, как правило, в роли второстепенных членов.

Программой начальной школы предусмотрено изучение таких грамматических категорий глагола как категория вида, категория возвратности, категория времени, категория лица, категории рода и числа глагола.

Практические наблюдения показали, что с целью эффективного усвоения обучающимися грамматических глагола целесообразно использовать различные группы методов обучения: методы организации учебно-познавательной деятельности (рассказ, объяснение, беседа, организация наблюдения, иллюстрация); методы выработки учебных умений и накопления опыта учебной деятельности (упражнения); методы закрепления и повторения изученного материала (беседа, повторение); методы организации взаимодействия учащихся и накопления социального опыта (метод взаимной проверки, временная работа в группах); методы контроля и диагностики эффективности учебно-познавательной деятельности (повседневное наблюдение за учебной работой учащихся, устный оп-

рос, фронтальный опрос, проверка домашних работ учащихся).

Литература

1. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – Москва: Языки славянских культур, 2005. – 624 с.
2. Каленчук, М.Л. Русский язык: 3 кл.: учебник: в 3 ч. / М.Л. Каленчук, Н.А. Чуракова, Т.А. Байкова. – Москва: Академкнига/Учебник, 2011. – Ч. 3. – 192 с.
3. Каленчук, М.Л. Русский язык: 3 кл.: учебник: в 3 ч. / М.Л. Каленчук, Н.А. Чуракова, Т.А. Байкова. – Москва: Академкнига/Учебник, 2011. – Ч. 1. – 160 с.
4. Каленчук, М.Л. Русский язык: 4 кл.: учебник: в 3 ч. / М.Л. Каленчук, Н.А. Чуракова, Т.А. Байкова. – Москва: Академкнига/Учебник, 2011. – Ч. 3. – 192 с.
5. Каленчук, М.Л. Русский язык: 4 кл.: учебник: в 3 ч. / М.Л. Каленчук, Н.А. Чуракова, Т.А. Байкова. – Москва: Академкнига/Учебник, 2011. – Ч. 1. – 176 с.
6. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат. – Москва: Академия, 2003. – 272 с.
7. Полякова, А.В. Русский язык: 3 класс. Методические рекомендации / А.В. Полякова. – Москва: Просвещение, 1994. – 60 с.
8. Радзиховская, В.К. Морфология русского языка. Вводный курс: учеб. пособие / В.К. Радзиховская. – 2-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 120 с.
9. Харламов, И.Ф. Методы обучения [Электронный ресурс] / И.Ф. Харламов // Сайт Тывка.Ру. – Режим доступа: <http://bibl.tikva.ru/base/B352/B352Chapter2-9.php> (дата обращения 28.05.2016 г.).
10. Чуракова, Н.А. Русский язык: 2 кл.: учебник: в 3 ч. / Н.А. Чуракова; под ред. М.Л. Каленчук. – Москва: Академкнига/Учебник, 2011. – Ч. 1. – 176 с.

E.A. Kirilova, S.A. Semenova

TEACHER'S ACTIVITIES FOR LEARNING VERBAL GRAMMATICAL CATEGORIES AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE PRIMARY SCHOOL

The article deals with the problem of teaching verbal grammatical categories to junior students at the lessons of the Russian language in the primary school. In the article, experience of teaching verbal grammatical categories at the lessons of the Russian language in the Primary School №10 and Secondary School №11 in Vologda is discussed.

Verb, verbal grammatical categories, junior pupils, teaching methods.

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКТЫ: «ПЕРСПЕКТИВНАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА»,
«ШКОЛА РОССИИ», «ГАРМОНИЯ», ПРОГРАММА РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ Л.В. ЗАНКОВА,
НА МАТЕРИАЛЕ КОТОРЫХ ИЗУЧАЮТСЯ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ГЛАГОЛОВ В НАЧАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

УМК «Перспективная начальная школа»		
3 класс 1 часть	Части речи. Глагол.	С. 37
3 класс 3 часть	Начальная форма глагола. Суффикс -ть- (-ти-, -чь-).	С. 152
	Написание частицы -ся.	С. 157
	Другие суффиксы глагола: -а-, -е-, -и-, -о-, -у-, -я-.	С. 163
	Времена глагола.	С. 165
	Прошедшее время глагола.	С. 166
	Настоящее время глагола.	С. 167
	Будущее время глагола.	С. 170
	Написание Ъ после шипящих во всех формах глагола.	С. 181
4 класс 1 часть	Спряжение. Ударные и безударные личные окончания.	С. 46
	Сравниваем личные окончания глаголов, принадлежащих к различным спряжениям.	С. 49
	Учимся различать спряжения глаголов по ударным личным окончаниям.	С. 51
	Учимся правильно писать безударные личные окончания глаголов.	С. 54
	Продолжаем определять спряжение глагола по его начальной форме.	С. 64
	Спряжение глагола БРИТЬ, СТЕЛИТЬ.	С. 90
	Написание безударных суффиксов глагола в форме прошедшего времени.	С. 95
	Суффиксы повелительной формы глагола. Различение повелительной формы мн. ч. и формы 2-го лица мн. ч.	С. 101
	Трудности написания глаголов на -ять в настоящем (или будущем) и в прошедшем времени.	С. 111
	Как изменяются глаголы, имеющие в начальной форме суффикс -чь.	С. 115
	Слова с удвоенной буквой согласного, пришедшие из других языков.	С. 118
	Усекаемая и неусекаемая основа глаголов.	С. 123
	Разноспрягаемые глаголы БЕЖАТЬ И ХОТЕТЬ.	С. 130
4 класс 3 часть	Глагол.	С. 20
	Устойчивые выражения.	С. 29
	Простая и сложная формы будущего времени глагола.	С. 32
	Разбор по составу глаголов.	С. 60
	Глагольные суффиксы.	С. 97
	Глаголы.	С. 107
	Учимся различать форму 2-го лица мн. ч. и повелительную форму глагола.	С. 120
	Написание -ться и -тся в глаголах.	С. 162
	Глагол как часть речи.	С. 163
УМК «Школа России»		
2 класс 2 часть	Части речи.	С. 40
	Глагол.	С. 68
3 класс 2 часть	Глагол.	С. 99
	Повторение.	С. 100
	Формы глагола.	С. 106
	Повторение.	С. 131

4 класс 2 часть	Глагол.	С. 71
	Неопределенная форма глагола.	С. 81
	Спряжение глагола.	С. 91
	2-е лицо глаголов единственного числа настоящего и будущего времени.	С. 96
	1 и 2 спряжение глаголов.	С. 100
	Правописание безударных личных окончаний глаголов в настоящем и будущем времени.	С. 106
	Правописание глаголов в прошедшем времени.	С. 122
УМК «Гармония»		
3 класс 1 часть	Глагол.	С. 89
	Когда глаголы особенно важны?	С. 90
	Как изменяются глаголы?	С. 92
	Глаголы ли слова лежать, сидеть? А бег и ходьба?	С. 97
	Поговорим о начальной форме глагола.	С. 101
	Размышляем о прошедшем времени.	С. 108
	Из прошлого – в настоящее.	С. 116
	Из настоящего – в будущее.	С. 122
	Учимся рассказывать о действиях.	С. 130
3 класс 2 часть	Как отличить глагол от других частей речи? Что известно о неопределенной форме глагола?	С. 8
	Как определить время глагола? Когда глаголы изменяются по лицам?	С. 10
	Учимся анализировать (разбирать) глагол как часть речи.	С. 12
4 класс 2 часть	Что известно о неопределенной форме глагола?	С. 19
	О чем рассказывают глагольные окончания.	С. 25
	Учимся писать личные окончания глаголов.	С. 30
	Имена склоняются, а глаголы. ...	С. 30
	Склонений – три. А спряжений?	С. 32
	Зачем и как узнавать спряжение глаголов?	С. 38
	Как по неопределенной форме узнать спряжение глагола?	С. 40
	Правильные действия – правильная буква.	С. 43
	Дополняем памятку характеристики глагола.	С. 50
	Применяем знания, совершенствуем умения.	С. 54
Программа развивающего обучения Л.В. Занкова		
1 класс	Части речи.	С. 87
2 класс 2 часть	Глагол. На какие вопросы отвечают глаголы?	С. 3
	Настоящее и прошедшее время глагола.	С. 72
	Будущее время глагола. Как узнать время глагола?	С. 98
3 класс 1 часть	Какими частями речи могут быть выражены главные члены предложения?	С. 14
4 класс 1 часть	Изменение глаголов в настоящем и будущем времени по лицам и числам. Настоящее время глагола.	С. 47
	Будущее простое время глагола.	С. 53
	Изменение глаголов в прошедшем времени по родам и числам.	С. 60
	Неопределенная форма глагола.	С. 76
	Правописание частицы НЕ с глаголами.	С. 89
	Первое и второе спряжение глаголов.	С. 93
	Правописание безударных окончаний глаголов.	С. 114

Н.М. Кузина

Вологодский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ

Работа представляет собой фрагмент исследования, посвященного предметному миру художественного текста. В статье отражены некоторые теоретические положения, касающиеся внутреннего мира произведения, а также представлены суждения относительно предметного уровня текстов В.И. Белова. Основная часть материала посвящена разработанному элективному курсу для классов с углубленным изучением русского языка и литературы.

Предметный мир, вещь, образ, функции вещи, анализ текста.

В художественном произведении автором создается особая реальность, моделирующая эстетически средствами его представление о действительности. Это сложный, целостный образ, в котором все составные элементы тесно связаны между собой. В нем незначительная на первый взгляд деталь может сказать больше о каком-то событии или персонаже, нежели пространное описание. Его элементы, сегменты, уровни обладают повышенной значимостью. Этот образ, эту реальность, созданную творческим усилием автора, называют внутренним миром художественного произведения.

Как и все сложные явления, обладающие целостностью, внутренний мир художественного произведения имеет свою уровневую структуру:

- 1) уровень субъектной организации;
- 2) уровень пространственно-временной организации;
- 3) предметный уровень;
- 4) персонажный уровень;
- 5) уровень сюжетной организации.

Каждый из этих уровней, в свою очередь, имеет сложную организацию.

Рассматривая любой из компонентов структуры внутреннего мира, можно выйти на высший уровень структуры художественного произведения – идейно-тематический. Он не входит в состав вышеперечисленных компонентов, а пронизывает их все. Иерархически – он главный. Анализ любого элемента внутреннего мира произведения неизбежно выходит на идейно-тематический уровень. Структура художественного произведения – носитель смыслов.

При анализе художественного произведения в школе важно учитывать приведенную выше структуру. От того, какой из ее уровней будет являться доминантным, зависит путь работы над текстом. В нашем исследовании сделан упор на анализ произведения через предметный уровень. Предполагается, что данный подход будет использован на занятиях с обучающимися средних классов с углубленным изучением русского языка и литературы. Мы предлагаем разработку элективного курса (8 класс), материалом для которого послужили произведения писателя-земляка В.И. Белова.

«Главная задача, которую ставит Белов, обращаясь к предметному бытовому миру, – создать общую атмосферу неповторимости, особого очарования русского деревенского быта, передать его вековые устои и традиции» [1]. Несмотря на то что в произведениях автора много предметных деталей, они не являются лишними, так как всегда появляются в тексте с определенной целью. Предметы способствуют выявлению духовного смысла жизни. Помимо своей первоначальной функции, употребления по назначению, предмет выполняет и другую, стоящую выше, значимую в духовном плане.

Нередко в центре предметного мира, созданного писателем, находится образ одной вещи, который, помимо того, что создает среду существования персонажей, попутно передает их душевное состояние, сопровождая при этом развитие сюжета. Одним из таких ключевых образов, характерных для поэтики Белова, является гармонь. Образ гармони в текстах В.И. Белова реализуется с разной степенью полноты. В некоторых произведениях он введен лишь для того, чтобы усилить эмоциональный фон повествования, поэтому появляется только в эпизодах, в других же служит средством передачи чувств персонажей и своеобразным «катализатором» движения линии сюжета. В последнем случае цепочка развития событий так или иначе связана с этим музыкальным инструментом, поэтому либо гармонь задействована только в какой-то отдельной части повествования, либо все произведение построено вокруг нее. Наше исследование посвящено образу гармони в произведениях В.И. Белова. С детьми на занятиях мы рассмотрим, как с помощью функционального воплощения образа гармони писателю удалось создать мир русской деревни и приоткрыть для читателя завесу над тайнами русской души.

Разработанный нами элективный курс носит название «Гармонь как образ-артефакт предметного мира произведений В.И. Белова». Цель курса – научить детей работать с предметным уровнем художественного произведения как доминантным при анализе текста. Также в ходе работы необходимо осуществить следующие задачи:

- познакомить детей с творчеством писателя-земляка В.И. Белова (или углубить их знания о его творчестве);

- вспомнить алгоритм анализа текста;
- познакомить учащихся с литературоведческим понятием «предметный мир»;
- научиться составлять вещный тезаурус;
- дать учащимся понятие об образе-артефакте и функциях вещи.

Курс состоит из четырех занятий, направленных на формирование навыка, заявленного в формулировке цели. Охарактеризуем каждое из них.

Занятие 1. Мир произведений В.И. Белова. Это занятие – вводное, основная его задача – познакомиться с творческим наследием писателя-земляка. В процессе работы с детьми учителю необходимо очертить круг тем и проблем, которые фигурируют в произведениях В.И. Белова. Начать занятие предполагается с лекции о биографии и творческом пути писателя. Для закрепления и демонстрации художественных особенностей произведений В.И. Белова обучающимся предлагается совместный анализ рассказа «Иду домой».

Занятие 2. Предметный мир произведений В.И. Белова. На этом занятии знаний дети знакомятся с понятием «предметный мир». Каждому ребенку выдается карточка, на которой прописаны основные теоретические положения, касающиеся предметного уровня структуры внутреннего мира художественного произведения. По ходу занятия учитель объясняет самые важные аспекты данной темы, а дети (по необходимости) делают дополнения на карточках. После разбора теоретической части предполагается анализ текста рассказа В.И. Белова «Калорийная булочка» через предметный уровень с составлением вещного тезауруса.

Занятие 3. Образ гармонии в предметном мире произведений В.И. Белова. Цель занятия – проследить роль конкретной вещи в произведениях автора. Сначала учитель настраивает детей на работу и рассказывает им о том, откуда пришла гармония в Россию и какое значение она имеет для нашего народа. Предварительно класс делится на 6 групп, каждой из которых достается один из рассказов: «Вор», «Бескультурье», «Письмо», «И все про любовь», «Скакал казак», «Люба-Любушка».

Каждая группа готовит анализ рассказа через предметный уровень текста по следующему плану:

1. Общая информация о рассказе, тематический, идейный пласт. Место произведения в творческом наследии автора.
2. Предметный мир произведения (общие сведения).
3. Образ гармонии в рассказе.
4. Функция образа гармонии и ее соотношение с идеей произведения.

На занятии заслушиваются выступления каждой группы в соответствии с предложенным планом. После того как выступления закончатся, учащиеся обсуждают услышанное. Результатом обсуждения должно стать обобщение, в котором ребята объединят функции образа гармонии и то, как эти функции помогают отразить смысл текста.

Занятие 4. Итоговое. На занятии проводится викторина на знание изученного материала, куда включе-

ны вопросы как по творчеству В.И. Белова, так и по предметному миру. Такая форма позволит закрепить материал и разнообразить привычные виды работы: соревновательный дух заставит детей хорошо подумать, прежде чем дать правильный ответ. Завершает элективный курс инсценировка поэмы В.И. Белова «О чем поет гармонь», подготовленная детьми заранее.

По-нашему мнению, такая форма проведения занятий по предметному миру позволит дать детям целостное понятие об этом уровне внутреннего мира художественного произведения и научить их грамотному анализу текста с этой точки зрения. Благодаря использованию в качестве материала текстов В.И. Белова, учащиеся могут более подробно познакомиться с творчеством писателя-земляка и открыть его для себя с новой стороны. Наличие в центре предметного мира произведений одного писателя конкретной вещи дает возможность проследить системность и взаимосвязанность текстов в его творчестве в целом, а это очень важно для того, чтобы в сознании ребенка не было фрагментарности. Помимо всего прочего в рамках подобного курса дается культурологический материал, что способствует расширению детского кругозора.

Ниже прилагается подробный конспект занятия 2 – пример пути анализа текста через предметный уровень.

Занятие 2. Предметный мир В.И. Белова

1. Орг. момент

2. Предметный мир художественного произведения

У: Когда автор создает художественное произведение, то вместе с этим произведением появляется новая реальность. Она состоит из нескольких уровней:

- 1) уровень субъектной организации;
- 2) уровень пространственно-временной организации;
- 3) предметный уровень;
- 4) персонажный уровень;
- 5) уровень сюжетной организации.

Каждый из этих уровней, в свою очередь, имеет сложную организацию.

Рассматривая любой из компонентов структуры внутреннего мира, можно выйти на высший уровень структуры художественного произведения – идейно-тематический. Он не входит в состав вышеперечисленных компонентов, а пронизывает их все. Иерархически – он главный. Анализ любого элемента внутреннего мира произведения неизбежно выходит на идейно-тематический уровень.

Предметный мир – совокупность материальных объектов во внутреннем мире произведения, располагающаяся в художественном пространстве и существующая в художественном времени, а также образующая среду существования персонажей.

Алгоритм рассмотрения предметного мира произведения предполагает несколько этапов:

- 1) составление вещного тезауруса – списка вещей по различным критериям (отнесенность вещи к персонажам или к среде; выделение вещей, важных для развития действия произведения и т.д.);
- 2) рассмотрение предметного мира с точки зрения того, как показан в нем предмет:

- в целом или через подробность;

- в крупных деталях или в сумме подробностей мелких деталей;

- с вниманием, интересом или безразличием к предмету в его конкретности, т. е. в составе, объеме, цвете, фактуре.

3) установление причинно-следственных связей между предметами и выявление их влияния на идейно-тематический уровень произведения.

В рассмотрении предметного мира также важны понятия «художественный предмет» и «вещь». Художественный предмет и предмет реальный не тождественны. Они могут быть похожи по описанию качеств и свойств, но по функциям различны. Вещь и предмет соотносятся как часть и целое. Предметами могут быть любые материальные объекты – и природные, и возникшие в результате человеческой деятельности. Вещи – это только то, что создано человеческими руками. Вещь в литературном произведении – это «элемент условного художественного мира». Когда она попадает в текст, происходит трансформация. Находясь в произведении, вещь вбирает в себя новые смыслы и предлагает широкие возможности для интерпретации читателям и литературоведам.

Вещи в произведении можно классифицировать по разным основаниям:

1. По степени значимости в развитии действия:

- вещи-ценности (появляются в тексте с определенной целью, значимы);
- вещи-антиценности (оказываются в случайных местах, утрачивают смысл, превращаются в хлам, не значимы).

2. По степени вхождения вещи в текст:

- эпизодичные вещи (появляются только в отдельных эпизодах);
- вещи, проходящие через весь текст.

3. С точки зрения подачи вещи в тексте:

- вещи, данные объективно (бесстрастно живописуемая традиционная манера);
- вещи, данные субъективно (что-то впечатление от увиденного).

4. По внешнему виду вещи:

- «житейские украшения» – вещи, призванные радовать глаз и сердце (разноцветные, пестрые, яркие);
- вещи, которые не радуют глаз, а характеризуют гнетущую, унылую обстановку.

Также выделяют аксессуарные вещи – те вещи, которые отказываются знаком принадлежности человека к определенной профессии или же знаком общественного положения. С характером конкретного персонажа непосредственно не соотносятся.

В зависимости от роли в художественном произведении выделяют функции вещи:

- культурологическую (вещь – это знак изображаемой эпохи и среды);
- сюжетно-композиционную (вещь влияет на развитие действия художественного произведения);
- характерологическую (вещь имеет связь со своим владельцем, она становится знаком, символом переживаний человека).

Последнюю функцию вещь выполняет только в том случае, если она имеет непосредственное отношение к персонажу. Вещь – это отражение жизни персо-

нажа. От того, в каком она состоянии, дорогая или нет персонажу, насколько часто используется, мы можем судить о характере личности и его образе жизни.

3. Рассказ В.И. Белова «Калорийная булочка»: связь предметного мира с идейно-тематическим уровнем (чтение с остановками, прогнозирование)

У: В произведениях разных писателей предметный мир представлен по-разному. Сегодня мы с вами поработаем с предметным миром рассказа В.И. Белова «Калорийная булочка». В работе с текстом мы попробуем осуществить алгоритм анализа предметного мира художественного произведения.

Итак, рассказ называется «Калорийная булочка». О чем он может быть?

О: (Дети предлагают варианты, обсуждение).

У: Теперь посмотрим, кто из вас в своих прогнозах больше всего приблизился к содержанию текста. Давайте читать. По ходу чтения мы будем делать остановки, выписывая в тетрадь все, что касается вещного мира, и составляя свой тезаурус.

Калорийная булочка

1. Вчера я получил письмо из деревни. Вместе с другими новостями в письме было сообщение о том, что Оська, мой запредельный дружок и однокашник, живет то ли в самой Москве, то ли где-то около. С Оськой мы расстались около пятнадцати лет назад. И вот сегодня сладко и тревожно заняло сердце, когда я с волнением заполнил анкету и подал ее в окошечко справочного бюро. Неужели снова неудача?

– Подойдите минут через десять, – послышалось из окошечка.

Вокруг шумела Москва, и в этом шуме, конечно, не слышно было моего сердечного стука. Пятнадцать лет...

Я зашел в открытое кафе, попросил фруктовой воды. Напротив меня сидела какая-то дама и медленно ела сметану. Она кончила есть и половиной булочки начала вытирать свои пальцы. Я смотрел, как крошилась булочка, исковерканная яркими крашеными ногтями. И мне вспомнились другие пальцы, другие руки. Мои плечи передернуло горьким ознобом, так живо и ясно встала перед глазами другая женщина – Оськина мать. И вот оживилось в памяти до святости суровое прошлое, далекий военный год и наше с Оськой детство.

Детали предметного мира для тезауруса:

- письмо из деревни
- анкета в справочное бюро
- сметана
- фруктовая вода
- булочка

Вопрос: почему женщина напомнила рассказчику Оськину мать и далекие военные годы?

2. Однажды моя мать отдала Оське мои прежние драные штаны. Он так обрадовался, что запустил камушком в своего же кота, но промазал. В другой раз Оська обязательно стал бы палить по коту, пока не попал бы, но сейчас отступился и побежал домой. Кот был разьединственной животиной в хозяйстве Оськиной матери. В хлеву не сохранились даже остатки пересохшего навоза, мы частенько пилили там дрова. Лучковая пила была тупа, и я ненавидел ее всей душой. Пока перепилишь бревно, казалось, проходила

целая вечность, но мы все-таки пилили. Редко какой паре удавалось распилить чурку без передыху. Я помню, как постепенно от хлева не осталось ничего, и мы начали попиливать сам двор. К этой поре война, которую все в деревне сначала считали недолгой, разыгралась не на шутку. Начали есть сначала жмых, потом клеверные куколки, потом дошло дело до самой обыкновенной соломы. Солому рубили на чурбаке топором и сечку на железных противнях сушили в печках. Высохшую солому надо было толочь тяжелым пестом в березовой ступе, а это все равно что толочь воду. Солома не толкалась. Мука из нее получалась серая, а лепешки обдирали до крови в горле. До сих пор не могу понять, почему в наших деревнях распространилась именно солома. С ней было так много возни. Куда легче толочь «коглину», то есть головки вымолоченного льна. Коглина толкалась моментально, только успевай просеивать. И в других местах была распространнее нашей соломы. Так или иначе, нам приходилось толочь солому.

За этим занятием я и застал Оську, когда мне надоело его ждать, и я вошел в громадную пустую избу. Оська сидел на шестке и, равнодушно тюкая пестом, шмыгал носом, притворно плакал:

– Мам, мамка. Пусти, а то сам убегу.

Я сообразил, что дело плохо. До этого мы с Оськой договорились идти на омут, а тут мать заставила его толочь солому. Оськина мать уже несколько суток лежала на печи и вставала редко. У нее опухли ноги. Кожа на них стала сизой и блестящей.

– Оська, – слышался с печи ее слабый голос, – иди, прохвост, хоть в преисподнюю иди, не держу я тебя, ирода, не держу.

Оська перестал толочь.

– Во, четьреста семьдесят три раза тюкнул!

Тощей рукой он достал из ступы щепотку серой соломенной пыли и закончил торжествующе:

– Мука-то, язык проглотишь!

Мы высыпали содержимое ступы в решето и просеяли муку. Остатки неистолченной соломы начал толочь я, а Оська побежал рыть червяков. Я насчитал триста ударов и обессилел, а его все не было. Тогда я решил добить до четырехсот.

В избе не было даже мух. Как сейчас помню эти бурые стены и широкие лавки. Из посуды в Оськиной избе имелась то ли большая кружка, то ли котелок с ручкой и в придачу две ложки. Кружку принес с прошлой германской войны Оськин отец, которого я почти не помнил. Он давно умер, может, от чахотки, а может, от желтухи, и Оська жил вдвоем с матерью. Старший брат уехал в ремесленное, а письма от него не ходили.

Детали предметного мира для тезауруса:

- драные штаны
- лучковая пила
- топор
- пест и березовая ступа
- мука, лепешки из соломы
- решето
- то ли большая кружка, то ли котелок с ручкой (принес с прошлой германской войны Оськин отец)
- две ложки

Вопрос: 1) зачем автор подробно описывает то, как толкли муку из соломы?

2) какие вещные детали вы заметили?

3. В свободное время Оська ходил по миру. У него имелась холщовая сумка, с которой он зимой бегал в школу, а летом собирал милостыньки. Правда, иногда собирал он и зимой, изредка пропуская уроки. Ему не особенно нравилось это занятие. То ли дело удить или ходить за ягодами или за муравьями и за березовым соком. Весной мы брали с ним по одной пустой бутылке, топор и шли в поскотину. Находили хорошую березу и подрубали. По берестяному желобку в бутылку тек прозрачный сок. Когда натекало с полбутылки, мы выпивали этот сладкий даровой напиток. Потом мы ставили эти бутылки у кучи большого муравейника. Зарывали их по самые горла и уходили искать сморчки. К вечеру бутылки наполнялись муравьями. Дома Оськина мать распаривала муравьев в печке и выдавливала из них жидкость. Говорили, что муравьиное масло очень помогает от ревматизма.

Но самым любимым делом у нас было уженье. У нас на двоих имелось две уды – не очень хороших, но ничего. Не хватало только крючков, и чтобы они не цеплялись за подводные коряги и не отрывались, мы откачивали их спичками. Кстати, к этому времени не стало и спичек. Бабы их экономили. Их кололи на две, а то и на три части. Потом пошли в ход «катушки». «Катушка» – это стальное кресало с кремнем. В железной баночке с закрывашкой жгли тряпочки. К обугленным тряпочкам очень легко приживался огонь от искр. От тряпочек прижигали мягкий сосновый уголек, а если таких угольков два и на них дуть изо всех сил, то от них легко можно зажечь и лучинку... Курители – те приспособились по-другому. Шли из ваты «кишку» и конец обжигали. Иногда «кишка» выходила не совсем удачной, и мужик соберет всех богов, пока не прикурит.

Прикурив, совали «кишку» в ружейную гильзу, и «кишка» гасла. «Катушками» менялись, их продавали и хвастались, кто быстрее прикурит.

В Оськиной избе «катушка» сначала была, но ее увез с собой Оськин брат. Теперь Оська бегал за огнем к соседям, когда вздумывал топить печь. Он сам топил печь, так как мать еле переставляла опухшие ноги.

Помнится, она подозвала меня к себе и, погладив по моей голове бескровными холодными пальцами, проговорила:

– Отступись от ступы-то...

Я еще не умел тогда плакать от того горя, которое было постоянным и непрерывающимся. Ревел только от короткой обиды и боли. Почему-то обрадованный, я вдохновенно дотолок солому, а к тому времени пришел Оська с банкой червей, и мы побежали с ним на реку. В Гарином омуте жили окуньки. В солнечный день они были хорошо видны в теплой, подернутой водорослями воде. Лениво шевеля хвостами, они подходили к наживке и нехотя нюхали ее. Клевали почему-то неважно.

Детали предметного мира для тезауруса:

- холщовая сумка (зимой – в школу, летом – милостыни)

- пустая бутылка
- топор
- березовый сок
- две удочки
- спички
- стальное кресало с кремнем («Катюша»)
- железная баночка с закрывашкой (сожженные тряпочки)
- банка червей

Вопрос: на ваш взгляд, какая самая главная деталь предметного мира в этом эпизоде?

4. Утром на другой день я снова пришел к Оське. Его не было дома, он рано ушел собирать по деревням. Я догадался об этом потому, что задачник по арифметике для третьего класса и учебник по грамматике были выложены на лавку, а сумки на гвозде не висело. Оськина мать беззвучно лежала на печи. Я поперелистывал задачник и вышел на улицу. Что делать? Можно, конечно, идти в лес и одному, но я боялся заблудиться, ди и без Оськи скучно в лесу. Это я знал по опыту. У него всегда получалось лучше моего. Например, гнезда. Я еще ни разу не нашел в поскотине ни одного гнезда, а он все время находил.

На улице было жарко и тихо. Слезать, что ли, на Афонишину черемуху? Я полез. На Афонишиной черемухе ягоды каждое лето урождаются намного крупней и слаще, чем на всех других. Притом залезть на нее проще, лезешь с сучка на сучок, как по лесенке. Я только что пристроился на одном, как вдруг из загоры вышла Афониша. Она сразу же начала ругаться:

– Неси, неси, леший, с чужой черемухи! Гли-ко, всю черемуху обломали! – и она стала тыкать граблевищем по моей заднице.

Я покорно слез и пошел по тропинке. Мы с Оськой не любили Афонишу. У нее было две гармоньи, но поиграть она их никому не давала. С черемухи гоняла тоже. Поздней, когда я стал больше и Оськи уже не было в деревне, я раскатал каменку в Афонишиной бане. Каменку только что сложили. Я подстерег, когда Афониша пошла за вениками, и залез в баню. Кочергой нащупал заглавную железную поперечину, на которой держались крупные камни, поддерживая всю каменку над печкой. Нашупал и выворотил железяку. Камни с грохотом обрушились, я бросился в огород, пригибаясь, убежал к реке и лег в траву, а потом огородами пошел в деревню. «Покладешь теперь, дура-жадина, – думал я, – а если надо будет, и еще разворочу».

Но это было намного позднее, а тогда Афониша всегда брала над нами верх.

Я взял батог и стал сшибать головки лютика. Вдруг я увидел Оську. Он перелезал огород и плакал. Под глазом у него был синяк.

– Чего, Ось?

Оська мне ничего не сказал и пошел домой.

Детали предметного мира для тезауруса:

- задачник по арифметике для третьего класса
- учебник по грамматике
- отсутствие сумки
- граблевище
- две гармоньи
- батог

Вопрос: что могло произойти с Оськой? Может ли это как-то быть связано с одной из деталей вещного мира?

5. Дома я у него узнал, что Афонишин племянник, живший в другой деревне, ударил Оську, когда тот попросил милостыню. Оська плакал, а его мать лежала на печи, стонала:

– Говорила я тебе, Ося, не ходи ты к ним. Шел бы подальше, в другую волость.

– Не пойду больше. Не буду ходить! – вдруг крикнул Оська, схватил сумку и бросил ее к порогу. Из сумки вывалилось несколько кусочков чего-то неопределенного. Оськины плечи все еще вздрагивали, когда мы вышли из избы.

– Пошли, – сказал я и побежал домой. Оська остался на завалинке, а я забежал в куть. Мамы дома не было, сестренки и братья играли на припеке за двором. Я открыл скатерку, но под ней ничего не оказалось. Мне самому хотелось есть, но я тогда не думал об этом. На шестке стоял чугунок с картошкой. Я взял несколько картошин и сунул в кепку, потом побежал к Оське. Никогда не забыть мне пальцев Оськиной матери, которыми она брала почерневшие, с ростками картофелины. Она их не чистила, осторожно кусала прямо так. Оська поднял с полу черные рассыпанные кусочки и подал их тоже ей на печь.

Через несколько дней мы пошли в поле, поглядеть горох.

До войны для ребятишек бригадиры выделяли специальные загоны гороха. На таком загоне мы считались хозяевами, зато нельзя было трогать стручки с других загонов. Нынче гороху посеяли мало, да и правление строго-настрого решило не пускать в горох ребятишек.

Мы шли через прогон, как будто в поскотину, чтобы не увидела бригадир – Афанасья. У поскотины мы перелезли старую, обросшую крапивой и малиником изгородь. Перебегая от куста к кусту, мы представляли себя партизанами и тихо продвигались к заветному клону с горохом. Над нами сияло бездонное небо с белыми, похожими на все, что только вообразишь, облаками. Где-то над поскотиной гудел самолет. По затухающему, зловещему гулу мы точно знали, что это немецкий. Раньше они часто летали в той стороне, потом стали реже. Бабы в деревне уже не боялись и не говорили, что самолеты сбросили шпионов и что шпионы живут в поскотине.

Мы прокрались к гороху. Он цвел фиолетовыми и белыми петушками. Но кое-где образовались зеленые плоские «блинки». Эти «блинки» были сладки и нежны. Мы с Оськой нащипали по карману.

– Хватит, – солидно сказал он, нечего жадничать. Колхоз-то не богадельня.

Я согласился, что жадничать нечего и что пока хватит. С детской наивностью, уже не скрываясь, мы пошли в деревню прямой дорогой. По дороге шла бригадир Афанасья, держа на плече «шагалку», сколоченную из тонких еловых шестиков. Она остановила нас у гумна и, закуривая, поглядела на наши карманы.

– Куда это, молодцы хорошие, ходили? Небось, много ноне ягод narосло?

Детали предметного мира для тезауруса:

- несколько кусочков чего-то неопределенного

- чугуны с картошкой
- несколько картошин
- кепка
- «шагалка»

Вопрос: как вы думаете, как поведет себя бригадир по отношению к мальчикам?

6. Ягод, тетя Афанасья, много, только больно мелко, – ответил Оська непринужденно и словно ненарочно отступил шага на два. – На мысах так их прямо красно, ступить некуда.

– Так бы, дьяволенок, ягоды и собирал. Ну-ко, покажи карманы-то!

Вот я вас сейчас в сельсовет, оштрафуют маток трудодней на десять, так будете знать, – и Афанасья схватила Оську за ворот. – Выворачивай карман!

Оська изловчился и вывернулся. Мы сиганули от Афанасьи, а она долго ругала нас вслед.

– Чтобы духу вашего не было больше на клону!

Мы с Оськой зашли в избу и высыпали блинчики на стол. Оська пошел к печке (к тому времени мать лежала уже в самой печке), понес пригоршни «блинчиков».

– Мам, на, – сказал он и вдруг закричал. Яркая зелень «блинков» рассыпалась по грязному, черному, как сковорода, полу. Я увидел ужасный оскал и неподвижные белки глаз Оськиной матери. Белые тоненькие пальцы вцепились в заплатанную кофтенку на груди, да так и замерли.

Мы с Оськой вне себя от ужаса выбежали на тихую солнечную улицу.

Все это нестройной и горькой чередой пронеслось в моей голове за те десять минут, пока я ждал и сидел за столиком. Давно ушла полная дама, чистившая свои пальцы булочкой. Я подошел к окошечку справочного бюро. Подал квитанцию. Мне показались очень долгими эти секунды, пока женщина в будке разговаривала по телефону. Но вот она взяла мою квитанцию и подала мне листок бумаги. На нем, как слова великого откровения, было написано: Слепнев Осип Михайлович, г. Фрязино, улица, дом, квартира. Фрязино, значит! Так ведь это рукой подать!

Я сейчас же еду к тебе, Оська!

Детали предметного мира для тезауруса:

- заплатанная кофтенка
- квитанция
- телефон

У: Рассказ мы прочитали и выделили детали предметного мира. Их в тексте довольно много.

В какие группы можно объединить выписанные предметы?

О: Еда, орудия труда, бумаги (или печатные материалы), посуда.

У: Есть ли в тексте вещи, не входящие ни в одну из групп?

О: Две гармони, холщовая сумка, драные штаны, телефон.

У: Как вам кажется, зачем автор использует в тексте именно эти детали предметного мира?

О: Автор их использует для того, чтобы обрисовать эпоху, ту среду, в которой живут персонажи. Об этом говорят категории предметов. Еда военных лет и еда тех лет, в которых автор все это вспоминает, очень сильно отличается друг от друга. Во времена взрослого рассказчика еда стала доступной, бесценной. В частности, с этим связано название рассказа «Калорийная булочка». Орудия труда, различные бумаги и посуда также отражают эпоху.

Есть вещи, которые играют несколько другую роль в развитии действия сюжета. Холщовая сумка, с которой зимой Оськой добывались знания, а летом – милостыня, помимо характеристики среды обитания персонажей также движет сюжетом. После того, как Оська перестал ходить за милостыней (ведь его наколотили), умерла его мать. Также интересна функция двух гармоней у Афонихи. Гармонь сама по себе в творчестве Белова чаще всего ассоциируется с ладом, праздником, веселым жизненным укладом. В этом же тексте на гармони играть не дается, тем самым подчеркивая трагичность положения и трудность жизни людей в военное время.

4. Вывод

У: Как мы видим, предметный мир в рассказе В.И. Белова «Калорийная булочка» в буквальном смысле «работает» на идейно-тематический уровень. С помощью предметного мира автор подчеркивает разницу между двумя временами (его настоящим и военным временем), отражает связь судеб персонажей с конкретными вещными деталями. В любом художественном произведении нет случайных деталей, и автор, хотел он этого или нет, заставляет всю им созданную реальность работать на определенную идею. Чтобы правильно проанализировать текст, необходимо эту связь выявить.

Литература

1. Смыковская, Т.Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова [Электронный ресурс] / Т.Е. Смыковская. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/tatyana_evgenevna_smikovskaya/nacionalniy_obraz_mira_v_proze_v_i_belova/read/

N.M. Kusina

THE ANALYSIS OF THE OBJECT WORLD OF LITERARY TEXTS AT SCHOOL

The article presents a fragment of the research devoted to the object world of literary texts. The author overviews some theoretical issues concerning the inner world of literary texts, as well as presents the results of the research of the object level of novels and stories by V.I. Belov. The main part of the article includes a programmed of the elective course for classes with in-depth study of the Russian language and literature.

Object world, thing, image, functions of things, analysis of the text.

Т.В. Лодкина

Дом детского творчества, г. Вологда

Ф.И. Кевля

Вологодский государственный университет

МЕДИКО-ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСИЛИУМ КАК НЕТРАДИЦИОННАЯ ФОРМА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА

В статье идет речь о медико-психолого-педагогическом консилиуме как одной из нетрадиционных форм проведения педагогического совета на тему «Опережающая педагогическая поддержка личностного развития трудного подростка в целостном процессе образовательного учреждения».

Идея консилиума выступает как системообразующий принцип, на основе которого выстраивается интегративная модель педагогического взаимодействия его участников. В ходе длительной опытно-экспериментальной работы выявлены целевые установки, этапы и технология консилиума. На конкретном примере прослеживается диагностика, прогнозирование и реализация индивидуального образовательного маршрута трудного подростка.

Медико-психолого-педагогический консилиум, моделирование, прогнозирование, трудный подросток, опережающая педагогическая поддержка.

Заинтересованность педагогических коллективов муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования Вологодского района «Дом детского творчества» (МБУ ДО ВМР «Дом детского творчества»), муниципального бюджетного образовательного учреждения «Федотовская средняя школа» (МБОУ «Федотовская средняя школа»), руководителей детских объединений в решении проблемы профилактики правонарушений привела к разработке социально значимого проекта «Шаг навстречу» на территории п. Федотово Вологодская область.

При реализации данного проекта возникла необходимость проведения расширенного педагогического совета в форме медико-психолого-педагогического консилиума с участием научных работников.

В нашем исследовании установлено, что в реальном образовательном процессе обучающийся, особенно неблагополучный, долго остается объектом педагогической деятельности, его субъектность не учитывается, ресурсное развитие должным образом не задействовано. Это обусловлено, как правило, тем, что многие педагоги медленнее, чем требуется, овладевают технологиями субъект-субъектных отношений, направленных на личностное развитие и саморазвитие воспитанников.

Кроме того, неопытность родителей, их стремление опираться только на свою индивидуальную практику воспитания, отсутствие необходимых педагогических и психологических знаний, умений и навыков, пренебрежение к решению воспитательных проблем в семье зачастую приводит к серьезным ошибкам.

Для повышения профессиональной компетентности педагогов и родителей, способных осуществлять поддержку подростка в период его личностного развития и самоопределения, необходимо наиболее полно использовать интеграционные возможности образовательного учреждения. В частности, решить поставленную задачу помогает педагогический совет в

нетрадиционной форме медико-психолого-педагогического консилиума [1; 2; 4].

В процессе опытно-экспериментальной работы были выявлены целевые установки подготовки медико-психолого-педагогического консилиума, обеспечивающие успешность его проведения:

- уточнить сущность и содержание понятий «опережающая педагогическая поддержка», «целенаправленное прогнозирование», «личностное развитие ребенка», «трудный подросток»;

- показать участникам консилиума, как в ходе его подготовки и проведения актуализируется необходимость опережающей поддержки личностного развития трудного подростка, какими методами диагностики и прогнозирования можно повысить качество индивидуальной помощи детям;

- вывести ребенка из состояния фрустрации, обеспечить перевод конфликтной жизненной ситуации в проект образовательной; создать наиболее благоприятные условия для выстраивания собственной позиции и плана действий доступными способами; стимулировать активность, самостоятельность; общими усилиями составить перспективную программу действий – индивидуальный образовательный маршрут [2, с. 42–43].

В конкретном примере по протоколу на консилиуме присутствовали: директор МБОУ ВМР «Федотовская средняя школа», зам. директора по учебной работе, зам. директора по воспитательной работе, педагог-психолог, социальный педагог, медицинский работник, библиотекарь, учителя-предметники, родительница (мама ученика), директор МБУ ДО ВМР «Дом детского творчества», зам. директора по научно-методической работе МБУ ДО ВМР «Дом детского творчества», д-р пед. наук, профессор и д-р пед. наук, профессор кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета.

Цель консилиума: организация деятельности педагогов Федотовской средней школы по созданию

здоровьесберегающей среды, моделированию условий и траектории личностного развития подростка Гоши Д. в перспективе его жизненного и профессионального самоопределения.

Принципиальные подходы (задачи): 1) моделирование продуктивного взаимодействия участников образовательного учреждения по опережающей педагогической поддержке на основе идеи медико-психолого-педагогического консилиума; 2) актуализация разноразрядной перспективы в зоне актуального и ближайшего развития трудного подростка; 3) индивидуализация помощи обучающемуся в процессах САМО- (оздоровления, обучения, воспитания, осознания) путем разработки и реализации индивидуального образовательного маршрута; 4) оптимальный выбор методов и вариантов совместной деятельности детей и взрослых по обеспечению их субъект-субъектного взаимодействия [2, с. 3–4; 5].

Рассмотрим этапы подготовки и проведения консилиума. **Подготовительный период** длился в течение трех месяцев. Проведение медико-психолого-педагогического консилиума включало шесть этапов: предпрогностный, диагностический, прогностический, ресурсный, рефлексивный, результативный [2, с. 38–42].

На первом (предпрогностном) этапе по запросу администрации школы нами были определены проблема, тема, цель, задачи консилиума, круг участников, с которыми проводились первичные ознакомительные встречи, для обучающихся – уроки психологии. Имели место беседы с матерью обучающегося Гоши Д., выход в семью социального педагога. Исследовательская группа разработала программу совместных действий.

На втором (диагностическом) этапе осуществлялась глубинная диагностика: анализ школьной документации ученика, тетрадей, творческих работ; беседы с библиотекарем, медицинским работником, социальным педагогом, учителями-предметниками; анкетирование, наблюдение, проективные методики. Так, применение проективной методики «Дом. Дерево. Человек» показало, что у подростка заметна задержка психического развития. В рисунке дома проявляется напряженность и тревожность, зависимость от кого-то из членов семьи, замкнутость. В рисунке дерева и человека наблюдается нервно-психическое напряжение.

На третьем (прогностическом) этапе директор школы ознакомила собравшихся с целью проведения педагогического совета в форме медико-психолого-педагогического консилиума с участием научных работников, посвященного проблемам трудного подростка. Она предложила активно включиться в обсуждение по выявлению причин дезадаптации обучающегося, поделиться педагогическими находками и предложениями по авансированию личностного развития Гоши Д.

Медицинский работник доложила о состоянии здоровья подростка, имеющего 2 (основную) группу здоровья, информировала о причинах перенесенных заболеваний, отметила некоторое отставание в его физическом развитии.

Педагог-психолог и одновременно классный руководитель 7 «в» класса дала на него детальную ха-

рактеристику. В начале учебного года Гоша Д. обучался в 8 «б» классе, переведенный в него, будучи не аттестованным по ряду предметов. Поскольку он не приложил никаких усилий для исправления неудовлетворительных отметок, был оставлен на второй год в 7 классе. За этот учебный год им пропущено две трети занятий. И теперь он приходит в класс «посидеть»: без тетрадей, книг, ручки. В рюкзаке у него только роликовые коньки. В то же время подросток уделяет много времени уличному общению и посещению библиотеки во время уроков, что свидетельствует о нарушении в его эмоционально-волевом развитии и поведении. Он проявляет признаки повышенной нервозности: вспышки гнева, агрессивность по отношению к учителям, но легко идет на контакт с классным руководителем, однако никаких требований не выполняет. Он состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Собственная ответственность за состояние здоровья им недооценивается. Имеется вредная привычка – курение.

Характеристику дополнила социальный педагог. Анализируя карту семьи, разработанную Т.В. Лодкиной [3, с. 192–195], она более подробно рассказала о семье ученика. Семья полная: мать, отчим, сестра-пятиклассница, сводные 2 брата, близнецы в возрасте 4 лет. Мать по профессии – юрист. Бабушка по линии матери – педагог. Во взаимоотношениях взрослых с ним преобладает чрезмерная опека. Подросток ежедневно много времени проводит за компьютером.

Родительнице была дана равная со специалистами возможность высказаться.

На этом же этапе методом мозгового штурма активно обсуждалась проблема, происходило осознание ее сущности, «озвучивание» многоголосия экспертных оценок, «отзеркаливание», переосмысление каждым участником своей позиции, роли, уровня педагогической компетентности. Шел перекрестный диалог, имеющий позитивный настрой, побуждая определить пути и средства помощи обучающемуся.

Учительница немецкого языка заметила, что у этого ученика хорошая память, быстро воспринимает материал урока, мог бы иметь удовлетворительные отметки по иностранному языку, если бы не пропускал уроки. Такого же мнения и другие учителя.

Коллективными усилиями были определены причины педагогической запущенности подростка, проанализирована возникшая ситуация, поведение сторон. Это дало возможность научно обосновать построение программы личностного развития Гоши Д., создать оптимистическую установку на обучающегося, готовность помогать ему.

В итоге обсуждения мама подростка обратилась к директору школы с просьбой – организовать перевод ее сына на форму индивидуального обучения. Компетентные специалисты рекомендовали удовлетворить просьбу матери, так как их наблюдения и диагностические методики позволяют сделать именно такой вывод. Директор школы поддержала это предложение.

На четвертом (ресурсном) этапе произошло выявление ресурсного объема возможностей подростка, семьи, школы, ближайшего окружения, что позволило участникам консилиума в атмосфере совместного

размышления составить алгоритм деятельности по осуществлению опережающей поддержки подростка.

На пятом (рефлексивном) этапе были предложены рекомендации по реализации индивидуального образовательного маршрута подростка.

Шестой (результативный) этап отразил дальнюю перспективу совместной деятельности участников педагогического процесса, также четко обозначил собственный взгляд обучающегося и родителей в достижении положительного результата своей проблемы при непосредственном управлении педагогическим процессом на муниципальном и школьном уровнях.

Решение педсовета

1. Участники консилиума пришли к выводу, что необходимо администрации школы изыскать возможность для перевода ученика 7«в» класса Гоши Д. на индивидуальное обучение.

2. Матери ученика подготовить медицинские документы, дающие основание для его перевода на индивидуальное обучение.

3. Учителям помочь подростку в ликвидации пробелов по предметам. Стимулировать и воспитывать положительную мотивацию учения, создавать ситуацию успеха.

4. Привлечь обучающегося с помощью педагога-психолога к планированию перспектив саморазвития.

Кроме того, в целях повышения эффективности социально-педагогического проекта «Шаг навстречу», оказания помощи и поддержки трудным детям целесообразно предложить образовательным учреждениям:

- совершенствовать содержание педагогического процесса через различные формы работы, включая проведение медико-психолого-педагогических консилиумов;

- проводить по мере необходимости семинары с приглашением компетентных специалистов, рассматривающих трудные случаи обучения и воспитания,

предлагающих свои рекомендации и способы контроля за их выполнением;

- использовать для совершенствования коррекционной работы с воспитанниками консилиум как эффективный метод комплексной диагностики развития личности и глубинной перспективной индивидуальной работы с каждым ребенком;

- использовать консилиум как консультативную службу для решения проблем детей и семей группы риска; стимулировать родителей для активного детско-родительского взаимодействия с образовательным учреждением.

Таким образом, проведение педагогического совета в нетрадиционной форме медико-психолого-педагогического консилиума дает возможность выстроить деятельность педагогического коллектива как систему и поэтапный процесс взаимодействия субъектов, ориентированных на опережающую педагогическую поддержку развития личности воспитанника.

Литература

1. Дубровина, И.В. Психолого-педагогический консилиум / И.В. Дубровина // Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. – Москва, 1991. – С. 130–132.

2. Кевля, Ф.И. Психолого-педагогический консилиум: история, теория, опыт / Ф.И. Кевля. – Москва: Современное образование, 2014. – 78 с.

3. Лодкина, Т.В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.В. Лодкина. – 4-е изд. стереот.– Москва: Академия, 2009. – 208 с.

4. Лодкина, Т.В. Медико-психолого-педагогический консилиум как комплексная технология работы школы с семьей / Т.В. Лодкина, Ф.И. Кевля, Т.П. Нелубкина // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г.: Доклады и материалы. Секция 1. Педагогика и образование / отв. ред. А.А. Фортунатов. – Москва: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – Часть 1. – С. 48–53.

5. Выготский, Л.С. Диагностика развития и педагогическая клиника трудного детства // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. / Л.С. Выготский. – Москва, 1985. – Т. 5.

T.V. Lodkina, F.I. Kevlya

MEDICAL, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONSULTATION AS A NON-TRADITIONAL FORM OF TEACHING COUNCILS

The article discusses a medical, psychological and pedagogical consultation as one of the unconventional forms of the teaching council on such a topic as “Advanced sustainable pedagogical support of personal development of a difficult teenager in the teaching process of educational institutions”. The idea of the medical, psychological and pedagogical consultation is a core principle for building an integrative model of pedagogical interaction. On the basis of a long experimental work, the author identifies aims, stages, and technology of medical, psychological and pedagogical consultation. In the analyses of an example, the authors trace the diagnosis, forecasting and implementation of an individual educational route for a difficult teenager.

Medical, psychological and pedagogical consultation, modeling, forecasting, difficult teenager, sustainable pedagogical support.

А.С. Румянцева
Вологодский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается потенциал применения теории лексического прототипа в процессе преподавания иностранного языка. Лексический прототип является инвариантом, обобщающим наиболее релевантные признаки явления, процесса или предмета, обозначаемого словом и известные любому носителю языка. В формулировке лексического прототипа заключена возможность интерпретации как прямых, так и переносных значений слова, то есть значений, образованных по механизмам метафорического и метонимического переносов. Следовательно, лексический прототип избавляет учащихся от запоминания большого объема словарных дефиниций каждого нового слова, что традиционно характеризует процесс изучения иностранного языка. Лексический прототип позволяет быстро интерпретировать любую актуализацию единицы языка в речи на основе аналогичного опыта обучающегося в родном языке и его знаний об окружающем мире.

Лексический прототип, лексическое значение, метафора, метонимия, преподавание иностранного языка.

Знание иностранного языка становится чрезвычайно значимым в современном мире. Этот критерий все чаще выносится в список требований при приеме на работу, а также считается необходимым для успешного ведения дел практически в любой сфере жизни. В связи с этим задачей учителей иностранного языка является формирование прочной базы, основы для дальнейшего применения и совершенствования имеющихся иноязычных знаний и умений.

Вопрос наиболее эффективных методов преподавания иностранного языка является спорным. Исследователи не могут прийти в нем к единой точке зрения. Вероятно, это и невозможно, поскольку изучение иностранного языка включает различные аспекты: лексика, грамматика, фонетика, чтение, письмо, культура и традиции страны изучаемого языка, а также стандартное поведение собеседников при коммуникации. Каждый из названных аспектов можно освоить, применяя отдельный уникальный метод, наиболее подходящий для конкретной ситуации и целей. Более того, немаловажными являются индивидуальные особенности обучающегося. Все эти факторы объясняют, почему в обсуждаемом вопросе сложно прийти к консенсусу.

Одной из наиболее важных сторон освоения иностранного языка является его лексика. Поскольку процесс общения, как правило, вербален, знание необходимого объема вокабуляра является решающим в успешной коммуникации. Это предполагает запоминание и усвоение определенного количества лексических единиц на пассивном и активном уровнях владения, что включает как *быструю* актуализацию (извлечение из долговременной памяти) необходимого слова при построении сообщения, так и его интерпретацию при восприятии услышанного или прочитанного.

Решая проблему методов обучения лексике, следует учитывать некоторые обстоятельства. В-первых, большинство единиц словарного состава языка, с традиционной точки зрения, являются много-

значными с разветвленной системой прямых и переносных значений. Следовательно, задача обучающего усложняется, так как ему необходимо овладеть, по крайней мере, несколькими наиболее часто встречающимися значениями каждого слова. Во-вторых, доказано, что объем долговременной памяти человека ограничен, поэтому в ней «просто не могут быть дискретно зафиксированы *все* варианты значений *всех* известных ему слов» (курсив мой. – *А.Р.*) [3, с. 19].

В описанной ситуации логично предположить, что для увеличения «вместимости» памяти получаемая информация должна естественным образом структурироваться. Это было подтверждено многочисленными экспериментами, подтверждающими факт организации информации в долговременной памяти человека [7, с. 215–239].

Так, значение любой единицы языка обладает определенной структурой, состоящей из отдельных сем, которые несут в себе элементарные составляющие единицы смысла. Семы, в свою очередь, формируют содержательное ядро слова. Существует множество теорий, имеющих своей целью изучение его природы и базовых компонентов. Все эти концепции направлены либо на выделение равностатусных, базовых, мельчайших и далее неделимых компонентов смысла (например теории А. Вежбицка, Ю.Д. Апресяна, У. Вейнрейха и др.), либо на выделение ядерной части, несущей основную, всем известную информацию о слове, и периферии, состоящей из возможных дополнительных признаков (теории А.А. Потемни, М.В. Никитина, В.В. Виноградова и др.) [6, с. 19, 23].

Можно предположить, что традиционно именно совокупность сем каждого слова, хранящихся в голове человека, принадлежащего к определенному языковому сообществу, создает фундамент лексического значения. Комбинируя их тем или иным образом, индивидуальная личность может получить обладающие смыслом выражения [6, с. 19].

Однако применение описанной системы на практике может оказаться проблематичным, поскольку в условиях реального общения время на построение и понимание сообщения, как правило, ограничено. Процесс коммуникации происходит на высоких скоростях, измеряемых в пико-секундах. Следовательно, коммуникант постоянно находится в условиях коммуникативного цейтнота, когда ситуация общения требует от него мгновенной реакции на фразы или поведение собеседника [2, с. 215–230].

В описанных условиях наиболее соответствующей действительности является теория И.К. Архипова о лексическом прототипе как о содержательном ядре слова. В качестве несомненного преимущества лексического прототипа (далее ЛП) можно считать то, что в основе его формирования лежит наивная картина мира носителей языка. Как известно, представления об окружающей действительности появляются как результат взаимодействия с внешним миром, а также на основе восприятия и усвоения его характеристик. В связи с этим осознается важность видения объекта *типичными* носителями языка, принадлежащими к определенному обществу и культуре [5, с. 6]. Таким образом, ЛП включает только наиболее существенные, с точки зрения большинства коммуникантов, интегральные и дифференциальные признаки, позволяя отказаться от учета узких и редко встречающихся значений слова в пользу того, что известно в связи с определенной формой любой индивидуальной личности [2].

Под лексическим прототипом И.К. Архипов понимает «наилучший представитель» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка, то есть *инвариант*. Он является «минимальным пучком интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия» [1; 2, с. 115]. При этом признаки, входящие в лексический прототип, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Все это дает возможность представить совокупность необходимых для каждой ситуации общения смыслов, которые известны любому носителю языка [1].

Кроме того, лексический прототип является единицей максимального уровня обобщения и отвлечения от конкретных признаков предмета, поэтому ЛП считается основой для формирования *всех* лексико-семантических вариантов конкретной словоформы (номинативно-непроизводных, метафорических и метонимических) [2, с. 117–119].

Наконец, теория лексического прототипа позволяет пересмотреть традиционные взгляды на многозначность слова. В соответствии с изложенными положениями, *одному* значению слова на уровне системы языка в каждый конкретный момент всегда соответствует его *одно* актуальное значение на уровне речи. Следовательно, полисемия является только воспоминанием о том, что в разных ситуациях лексическая единица употреблялась в разных значениях [1].

Подводя итог сказанному, очевидно, что лексический прототип является наиболее удобной и компактной единицей уровня системы языка человека. Исходя из этого, применение данной теории в преподавании иностранного языка имеет большой потенциал, по-

скольку избавляет учащихся от запоминания больших объемов информации и упрощает процесс понимания смысла сообщения. Рассмотрим некоторые аспекты этого процесса.

Работать с применением указанной теории можно с учащимися любой ступени обучения. Однако детали этого процесса могут отличаться в силу возрастных особенностей.

На первом этапе следует познакомить обучающихся с понятием лексического прототипа, адаптировав объяснение к интересам и возрасту группы. Однако в любом случае необходимо заострить внимание на том, что каждой актуализации многозначного слова в речи соответствует его наиболее обобщенное значение на уровне языка, которое связывает абсолютно все речевые значения этого слова. Это языковое значение хранится в долговременной памяти человека, в его голове и включает представление коммуниканта о данном процессе, объекте или явлении.

На втором этапе необходимо рассмотреть особенности вывода лексического прототипа. Это будет легче сделать на основе слов, значения которых учащиеся знают на родном языке. Как правило, этими словами являются конкретные предметы окружающего мира, качественные прилагательные, элементарные действия либо части тела человека. Рассмотрим пример прилагательного «strong» – сильный. Даже для учащихся младшей ступени не составит труда констатировать, что сила связана непосредственно со степенью развитости мышц тела человека либо другого живого существа. Именно эта характеристика отражена в промежуточной формулировке ЛП прилагательного: «*strong – able to exert considerable muscular force*» [6]. Таким образом, в данном случае можно вовлечь учащихся в процесс вывода лексического прототипа, попросив их описать, как они понимают это слово. Учитель в этом процессе может выполнять функцию контролера процесса и направлять рассуждения.

Следует обратить внимание, что приведенная выше в качестве примера формулировка содержательного ядра прилагательного «strong» не является конечной формулировкой лексического прототипа, а именно, является его номинативно-непроизводным значением (далее ННЗ) или ближайшим лексическим прототипом. Последний характеризует индивидуальную систему языка и первым приходит на ум большинству индивидов, когда им предъявляют соответствующую языковую форму. Расширив содержание ближайшего лексического прототипа слова, И.К. Архипов предлагает ввести компонент сравнения, лежащий в основе метафорических значений, поскольку они основаны на сходстве сущностей. Это делается, чтобы сформулировать инвариантное значение или «дальнейший лексический прототип», характеризующий высшей степенью обобщения (например, «*strong – able to exert considerable muscular force, or as it were*» [6]), что придает лексическому прототипу статус семантического ядра, достаточно компактного для хранения в долговременной памяти. «Прикладывая» лексический прототип к ситуациям общения, коммуникант получает возможность мгновенно выводить семантические признаки сущности, релевантные в данном контексте [1; 2, с. 153–154].

Исходя из сказанного, еще одной задачей учителя является объяснение обучающимся функции компонента сравнения в формулировке лексического прототипа. Поскольку в реальном общении практически любое слово может быть употреблено в переносном значении, осознание природы дальнейшего лексического прототипа не должно быть проблематичным. Для учащихся младшего звена этот компонент может быть представлен как обязательный для лексического прототипа любого слова.

Трудности могут возникнуть при вводе лексических прототипов абстрактных единиц языка, синонимов, а также безэквивалентной лексики (например «inspire – вдохновлять», «thought – мысль» и др.). Такая лексика вводится, как правило, на среднем и старшем этапах обучения. В данной ситуации оптимальными вариантами работы являются следующие. Во-первых, предъявление учителем лексического прототипа в готовом виде. Это, помимо прочего, позволит сэкономить время на занятии. Во-вторых, анализ учащимися нескольких первых словарных дефиниций изучаемого слова. В традиционной лексикологии принято считать, что номинативно-непроизводные значения являются отправной точкой деривации всех остальных лексико-семантических вариантов многозначных слов. По этой причине ННЗ занимают первое место в словарных статьях всех словарей [4, с. 171]. Следовательно, проанализировав несколько первых словарных дефиниций, учащиеся смогут вывести ближайший ЛП любого слова. Это задание может быть представлено в виде таблицы, где в первой колонке необходимо указать дефиницию слова из толкового англо-английского словаря, а во второй и третьей – отличительные черты каждой из дефиниций в отличие от других, соответственно. Очевидно, данное задание развивает навык работы со словарем, позволяет совершенствовать аналитические способности, а также добывать знания самостоятельно.

Ниже представлена таблица вывода ближайшего ЛП на примере многозначного прилагательного «strong».

Обобщив данные таблицы, учащиеся получают формулировку ближайшего ЛП: «strong – able to exert considerable muscular force». Сема «possessing control»

не вошла в представленную формулировку по причине ее упоминания авторами только одного словаря.

На следующем этапе следует приступать к объяснению механизма работы с лексическим прототипом. Для этого логично рассмотреть данный процесс на нескольких примерах прямых и переносных употреблений слова. Рассмотрим некоторые речевые значения многозначного прилагательного «strong». Представленные ниже речевые примеры взяты из толковых словарей английского языка.

He must be very **strong** to be able to lift that car. (Longman Dictionary of English Language and Culture)

How can I be ill when I feel so **strong**? (Shorter Oxford English Dictionary)

Для того чтобы понять смысл приведенных выше предложений, прежде всего, следует понять, не противоречит ли смысл высказывания привычному положению дел в мире. Очевидно, в рассматриваемых высказываниях противоречий не имеется: в них описываются признаки физически сильного человека. Следовательно, компонент сравнения для интерпретации значения не требуется. Исходя из этого, учащиеся могут просто «приложить» к ситуации уже имеющееся у них знание содержательного ядра слова:

He must be very **strong** to be able to lift that car = He must be *able to exert considerable muscular force* to lift that car.

How can I be ill when I feel so **strong** = How can I be ill when I feel *able to exert considerable muscular force*?

Итак, данные значения являются прямыми.

В другом примере «It is a **strong** belief» (Webster's Third New International Dictionary) учащиеся осознают, что в высказывании описываются «сильные, прочные» убеждения. Эти взгляды настолько важны для человека, что остаются неизменными и выдерживают влияние внешних факторов и обстоятельств, направленных на то, чтобы они изменились. Это напоминает ситуацию со способностями физически сильного человека: «It is a **strong** belief = It is a belief, which is so deep and profound that it *cannot be easily altered as if by muscular force*». Следовательно, это значение выводится по механизму уподобления (то есть метафорического переноса).

Таблица

ПРИМЕР И ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАНИЯ НА ВЫВЕДЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА

Первая словарная дефиниция	Общие признаки	Отличительные черты
Physically powerful, able to exert great muscular force.	<i>Physically powerful; able to exert great muscular force</i>	
Having great muscular power: capable of exerting great bodily force.	<i>Having great muscular power; capable of exerting great bodily force</i>	
Powerful; having or using great force or control.	<i>Powerful; having or using great force</i>	<i>Or possessing control</i>

В последнем примере «The police were **strong** enough to keep the movements in check» (Collins Co-build English Language Dictionary) учащиеся, во-первых, осознают непосредственную связь между поведением работников и «поведением» всей организации. Указанная связь лежит в основе метонимии (часть – целое) существительного. Во-вторых, коммуникант понимает, что речь в сообщении говорящего идет о группе людей, которая включает отдельных индивидуальных личностей, не применяющих физическую силу. Тем не менее, они, по всей видимости, могут оказывать влияние на окружающих, как и физически сильный человек (метафорический перенос). Следовательно, проинтерпретировать значение высказывания можно следующим образом:

The police were **strong** enough to keep such movements in check = The people who work in police were *able to exert control as though acting with considerable muscular force* to keep such movements in check [6].

Приведенные выше речевые примеры и их возможные интерпретации не являются сложными для учащихся, поскольку у них имеется схожий опыт анализа речевых ситуаций в родном языке. Кроме того, опыт освоения окружающего мира у всех людей одного возраста примерно одинаков, поэтому разногласия по этому поводу среди обучающихся не должны возникать. Наконец, подобные упражнения и их совместное обсуждение в классе развивает аналитические способности, а также абстрактное мышление, поскольку понимание непрямых значений единиц языка предполагает активный поиск ассоциативных связей между сущностями и их признаками.

Освоив приведенную выше смежу работы с лексическим прототипом и его использование для интерпретации высказываний, в процесс обучения можно вводить различные упражнения, нацеленные, прежде всего, на освоение значений многозначных слов, а также понимание их значений в различных контекстах.

Эти упражнения могут включать следующие типы. Ниже будут приведены примеры заданий на примере рассмотренного выше английского многозначного прилагательного «strong».

Упражнение 1. Определите, в прямом или переносном значении употреблено многозначное слово в контексте:

She cut through the water with her **strong** arms.

Nearly 50,000 **strong** troops were sent to Germany.

A **strong** verb is used in this sentence.

A **strong** economy is good for the country.

Целью приведенного задания является формирование умения определять, соответствует ли высказывание действительности. От качества этого умения будет зависеть интерпретация значения высказывания в целом.

Упражнение 2. Объясните значение многозначного слова в приведенных предложениях:

In any human relationship there is a **strong** and a weak partner.

That's a **strong** sentence, Justice.

The **strong** winds produce an active monsoon

I am not very **strong** in spelling.

Упражнение имеет своей целью формирование способности генерировать значение целого высказывания на основе анализа каждого из его компонентов. Это задание является более сложным по сравнению с предыдущим, поскольку предполагает не только осознание соответствия/несоответствия прямого смысла высказывания действительности, но и его адекватное понимание.

Упражнение 3. Проанализируйте значение высказываний, применив формулировку лексического прототипа:

In truth this instinct was always **strong** in me.

She made him a cup of tea so **strong** that he could hardly drink it.

The light of the moon was so **strong** that I could read the small print.

The egg was barely visible through a **strong** lens.

Данное задание представляет следующий, максимальный, уровень сложности, поскольку в нем обучающиеся должны показать, как коммуникант рассуждает в реальной ситуации общения, чтобы сформировать значения высказываний.

Если в качестве нового лексического материала вводятся синонимы, приведенные выше типы упражнений можно адаптировать, нацелив обучающихся на интерпретацию каждого из них, либо на контекстное употребление подходящего по смыслу слова.

Таким образом, прежде всего, теория лексического прототипа может быть использована для работы с лексическим материалом, поскольку она позволяет учащимся научиться эффективно работать с ним, избегая большого объема заучивания. Кроме того, применение указанной концепции открывает огромные перспективы для дальнейшей работы. Успешное усвоение лексического материала является базой для развития умений чтения, говорения, письма и аудирования, в основе которых лежит способность понимать значение слова в контексте. Если при чтении и письме у обучающегося, как правило, есть время на обдумывание прочитанного или составление в уме плана предложения, которое нужно представить на бумаге, при прослушивании сообщения другого человека или составлении своего собственного, носитель языка всегда сталкивается с проблемой времени. В рамках реального общения реакция на высказывание собеседника должна последовать практически незамедлительно. Следовательно, для формирования умений аудирования и говорения немаловажным фактором является *быстрое* понимание значения слова в контексте. Именно в этом и помогает теория лексического прототипа, являясь наиболее лаконичной ментальной структурой, позволяющей быстро интерпретировать и генерировать значения сообщений.

Теория лексического прототипа позволяет кардинально поменять подход к работе с новой лексикой, позволяя учащемуся не заучивать длинные списки дефиниций слова, применять уже имеющийся у него опыт в родном языке, а также знания об окружающем мире и его особенностях. Наконец, применение теории лексического прототипа в обучении иностранному языку соответствует современным требованиям, в соответствии с

которыми учащиеся должны быть способны самостоятельно добывать знания: каждый раз «прикладывая» лексический прототип к ситуации, коммуникант формирует значение слова *заново* и *самостоятельно*.

Литература

1. Архипов, И.К. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи / И.К. Архипов // К юбилею ученого. Сборник научн. трудов, посвящ. юбилею Е.С. Кубряковой. – Москва: МГПУ, 1997. – С. 24–28.
2. Архипов, И.К. Язык и языковая личность / И.К. Архипов. – Санкт-Петербург: Книжный Дом, 2008. – 248 с.
3. Брудный, А.А. Значение слова и психология представлений / А.А. Брудный // Семантическая структура слова; под ред. А.А. Леонтьева. – Москва: Наука, 1971. – С. 19–27.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 312 с.
5. Песина, С.А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «тело человека») / С.А. Песина. – Магнитогорск: МГТУ, 2003. – 123 с.
6. Румянцева, А.С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Румянцева Анна Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
7. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо; пер. с англ. Н.Ю. Спомиор. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 592 с.

A.S. Rumyantseva

THE POTENTIAL OF USING LEXICAL PROTOTYPE THEORY IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article studies the potential of using the lexical prototype theory in the process of foreign language teaching. The lexical prototype is viewed as an invariant that generalizes the most relevant characteristics of a phenomenon, a process or a thing, which can be denoted by a word and are known to every native speaker. Moreover, its formula allows interpreting both direct and figurative meanings of a word. The latter meanings include those formed by means of metaphor and metonymy mechanisms. Hence, the lexical prototype makes it possible not to memorize long lists of definitions of one word, which is traditionally typical for the process of foreign language learning. The lexical prototype allows interpreting any examples of using a word in the communication process on the basis of students' similar experience in the native language and their knowledge of the world around.

Lexical prototype, lexical meaning, metaphor, metonymy, teaching foreign languages.

И.В. Субботина
Вологодский государственный университет

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ

Статья содержит анализ проблемы готовности студентов к профессионально-личностному саморазвитию: рассмотрены индивидуализация обучения студента-музыканта в культурно-образовательной среде вуза, разработана программа профессионально-личностного саморазвития студента и компоненты: ценностно-мотивационный, когнитивно-содержательный, эмоционально-волевой, рефлексивный.

Индивидуализация обучения, профессионально-личностное саморазвитие, культурно-образовательная среда, ценностно-мотивационный, когнитивно-содержательный, эмоционально-волевой, рефлексивный.

Проблема подготовки выпускников вуза к самостоятельной практической деятельности напрямую связана с их готовностью к совершенствованию своих профессиональных возможностей. Ведущим звеном в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом, является профессиональный подход к образованию, представляющий собой совокупность ключевых, базовых и специальных компетенций (обозначенных в ФГОС ВПО как общепрофессиональные, профессиональные и профессионально-специализированные).

Качество осуществления профессионального самосовершенствования будущих специалистов, во-первых, определяется степенью их мотивированности и заинтересованности в собственной профессиональной деятельности. Эта проблема всегда была актуальна как у зарубежных, так и у отечественных педагогов (Я.А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, Э.Б. Абдуллин, В.И. Загвязинский, Н.В. Кузьмина, Л.И. Рувинский и др.).

Качество осуществления профессионального самосовершенствования студентов, во-вторых, определяется состоянием культурно-образовательной среды, которая сегодня, прежде всего, связана с гуманизацией образования, его методологическим основанием является культурологический подход. Культура при этом понимается как специфический способ человеческой деятельности, связанный с проявлением творческих возможностей человека. Способность к творчеству как особое качество личности характеризуется способностью к саморазвитию, самовыражению. В музыке творчество отличается ярковыраженным личностным содержанием и проявляется в умении переживать, воспринимать, интерпретировать музыку.

Если рассматривать культурно-образовательную среду несколько шире, как пространство, то здесь мы солидарны с А.И. Бондаревской, что это «способ существования, взаимодействия, взаимной детерминации образования и культуры, бытия образования в мире культуры, а культуры – в мире образования» [2, с. 6]. В данном случае для нас важно, что культурно-образовательная среда создает условия и обеспечива-

ет единство процессов личностного и профессионального саморазвития студентов.

В процессе профессионально-музыкального образования изначально заложен импульс к саморазвитию, который в свою очередь связан с индивидуализацией в обучении и влияет на развивающиеся личностные качества, свободу выбора, творчество обучающихся.

Индивидуальность – то, что отличает одного человека от других, неповторимое своеобразие психики каждого человека, проявляющейся в чертах темперамента, характера, в специфике интересов, интеллекта, способностей. С.Л. Рубинштейн очень точно подметил, что индивидуальные свойства личности – это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т. е. свойства, характеризующие его как личность [4].

По В.И. Слободчикову, актуализация личностного развития связана у человека с активизацией его самоопределения, происходящего при возрастании его уровня притязаний, обогащения мотивации деятельности [5]. Личность есть сложная система социально значимых актов, адаптации и проявления способностей в социальном мире, а основная функция личности – развитие своих способностей.

Ключ к профессиональному саморазвитию музыканта лежит в росте его музыкальной мотивации, любви к музыке и понимании ее возможностей. От уровня мотивации зависит и развитие профессиональных способностей студента-музыканта. А также одной из ключевых педагогических способностей является музыкально-педагогическое общение как часть целостного профессионального творчества педагога-музыканта. Умение самостоятельно интерпретировать композиторский замысел, художественный образ, способствует интенсивному мышлению, музыкально-художественному воображению, а следовательно, саморазвитию творческих, профессиональных качеств учителя.

Педагогическая подготовка будущего учителя музыки в вузе осуществляется с помощью разных учебных дисциплин: психолого-педагогических, музыкально-теоретических и исполнительских. Но именно педагогическая практика позволяет справиться с множеством

проблем профессионально-личностной подготовки выпускников и реализует задачи, связанные с формированием профессионально-педагогической компетентности.

Многолетний опыт проведения нами педагогической практики позволяет констатировать, что у студентов-музыкантов в процессе практики происходит перестройка работы, переориентация на новые образовательные задачи. И, как следствие, они сталкиваются с проблемой взаимодействия своих профессиональных знаний, умений и личностных качеств при осуществлении учебного процесса с детьми на уроке музыки. Чаще всего определяющую роль в педагогической деятельности играет яркая индивидуальность педагога, его общая культура, эрудиция, артистизм и умение заражать детей своим эмоциональным состоянием. Следовательно, «необходим некий синтез специальных и общепедагогических способностей, а также личностных качеств, являющихся ведущими в педагогической деятельности» [6, с. 104].

В процессе педагогической практики перед педагогом-методистом встает вопрос разработки индивидуальных программ профессионально-личностного саморазвития выпускников. Культурно-образовательная среда вуза способствует обогащению профессионально-личностного саморазвития студентов при соблюдении следующих условий:

- культурно-образовательное пространство вуза наполняется личностно значимым содержанием, и в нем прорастают личностные смыслы учения;
- в образовательном процессе запускаются механизмы личностно-профессионального саморазвития студентов;
- включение студентов в ценностно-значимую деятельность: информационную, коммуникативную, деятельность по созданию социально-ценностной среды.

Нельзя не согласиться с Е.В. Бондаревской, что «жизнедеятельность студентов в культурно-образовательном пространстве регулируется принципами культуросообразности, жизнотворчества, компетентности, индивидуализации, субъектности» [1, с. 283].

Личностный подход лежит в основе обоснования и реализации индивидуальных программ деятельности. Он учитывает как педагогическое воздействие, так и внутреннюю составляющую личности (его психические и личностные свойства), опираясь на его активность (саморазвитие, самоорганизацию, самообразование, саморегуляцию), и ориентирует нас на формирование ценностного отношения к студенту как человеку. Отсюда вытекает необходимость изучения механизмов саморазвития, самореализации, саморегуляции, социальной самозащиты, адаптации человека к социальным условиям, его интеграции в общество.

Данный подход способствует выявлению содержания образования, на основе которого развиваются

личностные качества и свойства индивидуальности (интеллект, мотивация, эмоции, воля, саморегуляция, предметно-практическая направленность).

Для более полной реализации процесса профессионально-личностного саморазвития студентов необходимо:

- осознание ими целей, задач и возможностей своего саморазвития;
- участие в самостоятельной и творческой деятельности, испытывая определенный опыт успеха и достижений;
- поддержка методиста в форме адекватных внешних воздействий: создание благоприятных условий обучения и комфортной творческой среды [3].

В культурно-образовательном процессе у студента вырабатываются ценностные ориентации, в которых выражается сознательное отношение к действительности, мотивация его поведения, что оказывает существенное влияние на все стороны его деятельности. Студент активно погружается во внутреннее взаимодействие с самим собой в процесс рефлексивного ценностного самовосприятия, самоконтроля, саморегуляции деятельности, поведения.

Профессионально-личностное становление студента-музыканта проходит длительный период и на сегодняшний день осложняется еще очень разной градацией в уровнях подготовки абитуриентов, поступающих на наш факультет:

- как субъекта жизни (развитие его индивидуальных свойств: самостоятельности, адаптивности, жизнотворчества);
- как субъекта истории (проявление социальности и социальных качеств, гражданской позиции, ответственности);
- как субъекта культуры (культурная идентичность, принадлежность к определенной культуре, духовность);
- как субъекта профессиональной деятельности (профессиональная компетентность, творческое отношение к делу и др.).

Исходя из вышесказанного, в процессе прохождения студентами педагогической практики мы пришли к необходимости совместной разработки индивидуальных программ развития готовности к профессионально-педагогической самореализации во взаимосвязи следующих компонентов: ценностно-мотивационного, когнитивно-содержательного, эмоционально-волевого, практического и рефлексивного.

Для разработки студентами индивидуальных программ профессионально-личностного саморазвития мы берем за основу технологию профессионального становления будущего учителя (А.И. Бондаревской) и komponуем ее следующим образом:

Таблица

ПРОГРАММА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТА

Компоненты саморазвития студентов	Содержание деятельности
Ценностно-мотивационный компонент	Самодиагностика ценностей профессиональной деятельности и личностного саморазвития (самооценка, рейтинг). Актуализация потребностей в профессионально-личностном саморазвитии

Компоненты саморазвития студентов	Содержание деятельности
Когнитивно-содержательный компонент	Овладение знаниями и опытом педагогической деятельности и личностного саморазвития (глубокое изучение специальных и психолого-педагогических дисциплин). Научно-исследовательская деятельность в рамках курсовых и дипломных работ. Участие во вне-учебной досуговой деятельности с учащимися в период педагогической практики
Эмоционально-волевой	Позитивное восприятие себя как педагога. Изучение психологической литературы по саморазвитию. Тренинги саморегуляции в процессе вокально-хоровой работы на учебном хоре и школьном хоре в процессе практики
Практический компонент	Выбор содержания и способов саморазвития в сфере педагогической деятельности и межличностных отношений. Овладение технологиями диалогического общения, проектной деятельности
Рефлексивный компонент	Использование методик диагностики профессионально-личностного становления. Анализ ситуаций самореализации, самоопределения

Содержание деятельности преподавателя-методиста будет включать:

- обеспечение студентов средствами и организация процесса рефлексии нарабатываемого опыта: наработка личностного знания; структурирование образа «Я»: коррекция «идеального Я» (постановка задач саморазвития); интеграция элементов «Я-идеального» и «Я-реального»;

- стимулирование выражения студентами чувств и мыслей, создание атмосферы эмоциональной открытости и спонтанности при обсуждении вопросов профессионально-личностного саморазвития;

- организация процесса обмена обратными связями между студентами; активизация самосознания студентов, повышение самооценки, появление чувства принятия себя;

- создание условий для сознательного принятия студентами ответственности за развитие своего «Я» и отношений с другими людьми.

В процессе самодиагностики необходима поддержка преподавателя, которая будет заключаться в осознании представлений студентов об особенностях их характера, потребностях, мотивах, способностях, профессиональных склонностей. Также в расширении сферы мыследеятельности студентов в направлении их профессионального самоопределения, побуждение их к самосознанию, самоопределению, саморазвитию.

Таким образом, профессионально-личностное саморазвитие студента мы понимаем как овладение способами личностной саморегуляции и профессиональной самоорганизации.

Опытно-экспериментальная работа, позволяющая определить роль среды для профессионально-личностного становления будущих педагогов, будет осуществлена в начале учебного года на педагогической практике студентов 4 курса, где мы планируем проанализировать уровни готовности студентов к профессионально-личностному саморазвитию.

Литература

1. Бондаревская, Е.В. Личностные смыслы и технологии реализации профессионально-педагогического образования / Е.В. Бондаревская // Модернизация педагогического образования в инновационной перспективе федерального университета: коллективная монография. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. – С. 270–284.

2. Бондаревская, А.И. Культурно-образовательное пространство вуза как среда профессионально-личностного саморазвития студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Бондаревская А.И. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.

3. Педагогическая поддержка детей и молодежи в образовательном учреждении: коллективная монография / под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. Ф.И. Кевля. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 276 с.

4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 712 с.

5. Слободчиков, В.И. Психология человека / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – Москва: Академия, 1995. – 276 с.

6. Субботина, И.В. Содержание профессионального саморазвития студента-музыканта в условиях вуза / И.В. Субботина // Музыка: искусство, наука, образование: сборник научных статей по материалам заочной международной конференции. – Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2014. – Вып. 1. – С. 101–105.

I.V. Subbotina

INDIVIDUALIZATION OF HIGHER EDUCATION TRAINING AS A CONDITION OF READINESS OF STUDENTS FOR THEIR PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT

The article contains an analysis of the problem of students' readiness for their professional and personal self-development. The individualization of a music student training in the cultural and educational environment is considered, the program of professional and personal self-development is described, as well as its components, such as; value-motivational component, cognitive and content component, emotional and volitional component, reflexive component.

Individualization of training, professional and personal self-development, cultural and educational environment, value-motivational component, cognitive and content component, emotional and volitional component, reflexive component.

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

«ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА» А.М. ПЕШКОВСКОГО: 1910–1930-е гг.

В статье раскрывается научная и творческая биография А.М. Пешковского (1878–1933) московского периода его деятельности. После скитаний по Европе и поиска своего предназначения ученый сконцентрировал внимание на изучении лингвистических проблем. Но его пылкая натура исследователя не могла уложиться в рамки традиционного языкознания и постоянно включалась в различные проекты 1920-х гг. А.М. Пешковский в этой части предстает не только как исследователь, а общественный деятель, полемист, «духовно прекрасный» человек, в котором до последних лет жила душа экспериментатора и большого фантазера в мире бурных культурно-исторических событий первой трети XX в. Отмечено его участие в работе Московской диалектологической комиссии и в Обществе любителей российской словесности. В статье приводятся факты, связанные с его отношениями в кругу символистов и поэтов Серебряного века, особенно с М.А. Волошиным, их дискуссии и споры, раздумья о творчестве. Показаны роль А.М. Пешковского в организации учебной и научно-методической работы в 1920-е гг., его интерес к различным отраслям лингвистической науки: от поэтики до интонации. В статье раскрыты малоизвестные биографические данные А.М. Пешковского.

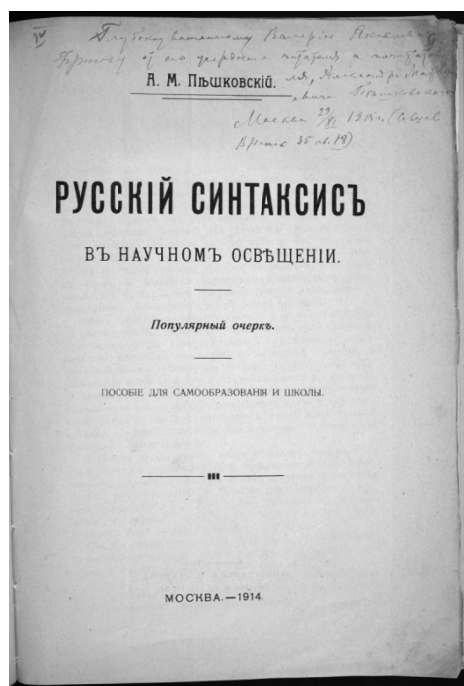
Филология, научный эксперимент, литературное сообщество, идеологическое строительство, методика преподавания русского языка, философия творчества.

А.М. Пешковский и в начале своего творческого пути был нетипичным филологом в том смысле, что смог удачно соединить строгие научные приемы анализа текста и его создателей – авторов, далеко не безразличных ученому. Оттого, наверное, на страницах самого объемного труда – «Русский синтаксис в научном освещении» – не случайно появились строки из поэзии В.Я. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба наряду с отрывками из Пушкина, Некрасова, Л. Толстого, Чехова и периодики 1920-х гг. Текст воспринимался А.М. Пешковским не как *пустой* объект исследования: он был наполнен отголосками событий и имен, речевых характеристик разных эпох, проецировавшихся через «грамматическое сознание» ученого. Некоторых из своих «авторов» он знал лично. Мы уже писали о его дружбе с М.А. Волошиным. Другой яркий представитель литературы Серебряного века, В.Я. Брюсов, гармонично вошел в лингвистическую концепцию А.М. Пешковского своими стихами. Например, когда говорится об особенностях приложений, то приводится такой отрывок:

Въ этой нѣжности мгновенной
 Можетъ, тайно, разлита
 Ласка матери-вселенной (Брюс.)
 [7, с. 172].

Сочетания со сказуемым приложением иллюстрируются так:

Онъ былъ царевичъ и мужчина... (Брюс.).
 ...Но мгновенье было – трепеть,
 взоры были – страхъ! (Брюс.)
 [7, с. 214].

Дарственная надпись А.М. Пешковского В.Я. Брюсову на титульном листе «Русского синтаксиса...» (М., 1914)

В.Я. Брюсову А.М. Пешковский подарил первое издание «Русского синтаксиса...», оставив на титульном листе книги примечательную надпись: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от его усердного читателя и почитателя, Александра Матвѣвича Пѣшковскаго. Москва 29/XI 1915 г.

(Сивцев Вражек 35 кв. 18)» (ОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. № 1255. Л. IV).

И позднее, уже на страницах сборника «Свиток», где А.М. Пешковский опубликовал статью «Стихи и проза с лингвистической точки зрения», тоже помещен автограф ученого: «Многоуважаемому В.Я. Брюсову от автора. 22/IX 24 г. (из сб. «Свиток» № 3^н)» (ОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. № 1256).

Так, еще в молодые годы А.М. Пешковский, быть может не без содействия М.А. Волошина, общался с крупнейшими литераторами того времени и даже конкурировал с ними в своем стремлении к художественному творчеству, поиску собственного искусства и лингвистическому эксперименту.

А.М. Пешковский принимал участие в работе Московской диалектологической комиссии. Так, например, на одном из заседаний 1915 г. он прочитал доклад «Синтаксис в школе». Там же проходили оживленные дискуссии о новых книгах, обсуждались интересные проблемы в области полевых исследований, теории и истории языка и многое другое. По имеющимся у нас данным А.М. Пешковский еще дважды выступал с докладами в МДК: «Несколько наблюдений над ритмико-мелодической стороной русской речи» и «О книге Всеволодского-Гернгросса “Теория русской речевой интонации”». Вопросы, поставленные автором в «Русском синтаксисе в научном освещении», также стали предметом обсуждения. Дискуссия по этой проблеме была инициирована выступлениями М.Н. Петерсона: «Из бесед <...> следует отметить четыре “синтаксические” беседы, вызванные докладом М.Н. Петерсона о синтаксисе А.М. Пешковского...» (цит. по изд.: [12, с. 316]). 6 февраля 1929 г. ученый присутствовал на юбилейном 189 заседании Московской диалектологической комиссии, проходившем в семинарском корпусе I МГУ, которое было посвящено 25-летию со дня ее основания. Вместе с Д.Н. Ушаковым, Н.Н. Дурново, И.Г. Голановым, М.Н. Петерсоном, И.М. Тарабриным, Г.А. Ильинским и другими членами комиссии ученые почтили память ее первого председателя академика Ф.Е. Корша и покровителя А.А. Шахматова, поделились воспоминаниями о своих учителях и деятельности МДК, охарактеризовали главнейшие направления в научной работе и перспективы будущих исследований (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 71. Лл. 21–39; см. также [5, с. 91–102]).

Уходили, один за другим, виднейшие отечественные филологи-слависты и лингвисты – Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, которые своим авторитетом и титанической деятельностью заражали и заряжали новые силы, вели вперед, какой бы областью они ни занимались – диалектологией, современным или восточным языкознанием, компаративистикой. Именно тогда, на рубеже XIX–XX веков, накануне больших перемен, и зародилось новое (хотя по сути своей – классическое и строго научное) направление, ставившее своей задачей в том числе и поднятие авторитета русской науки в целом путем обращения к богатейшему опыту классиков и живой исследовательско-экспедиционной работы в разных направлениях филологии, поставленной уже не на разрозненные, хаотично движущиеся «эксперименты», а на строго организованную и обоснованную систему,

приоритетом которой была наука конкретных данных (А.М. Селищев) – лингвистика. Роль Московской лингвистической школы и Московской диалектологической комиссии в этом, несомненно, велика. Из нее вышли крупнейшие ученые, сформировавшие костяк Московской лингвистической школы. Но в то же время она была и центром *филологического эксперимента*, где опробовались многие индивидуальные методики и решались актуальные задачи школьного и вузовского образования. В русле ее направлений А.М. Пешковский, например, в 1921–1923 гг. принимал участие в деятельности Лингвистического общества при Московском университете, заседания которого проходили часто совместно с работой Лингвистической секции Научно-исследовательского института языка и литературы. В указанный период он сделал доклад «О понятии отдельного слова» [12, с. 281].

Все эти события, как мы полагаем, оказали большое влияние и на формирование научной *позиции* А.М. Пешковского.

Уже в 1910-е гг. ученый ведет активную общественную деятельность на ниве филологического просвещения: в 1916–1917 гг. он выступил в Москве на первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы с докладом «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания».

Послереволюционная деятельность А.М. Пешковского связана с преподаванием на кафедре сравнительного языковедения в Днепропетровском (б. Екатеринославском) университете (1918 г.), в Высшем институте народного образования и других учебных заведениях. С 1921 г. он являлся профессором 1-го Московского университета и Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова. В эти же годы он вел большую организационную работу: был председателем Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка, членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке, неоднократно участвовал в совещаниях по вопросам методики преподавания русского языка. Так, например, 14 июля 1922 г. ученый выступил с докладом «Желательные изменения в программе рабочих факультетов по русскому языку» на конференции рабочих факультетов.

С такой же пылливой страстностью и энтузиазмом, с какой он пропагандировал родной язык как педагог и методист, А.М. Пешковский был увлечен и другой стихией художественного творчества, которая влекла его еще с юношеских лет. В беспокойные 1920-е гг. он участвовал в знаковых культурных проектах. Но не только.

Как ни вспомнить знаменитые «Никитинские субботники» – литературное общество, объединившее многих талантливых поэтов и прозаиков, организованное в 1922 г., и одноименное издательство; там читались историко-литературные доклады, декламировались стихи и переводы, выступали беллетристы и драматурги. В № 3 сборника «Свиток», выпускавшегося этим обществом, вместе со статьей А.М. Пешковского были помещены публикации Л. Гроссмана, К. Бальмонта, О. Мандельштама и других авторов. Участником заседаний был и друг А.М. Пешковского М.А. Волошин.

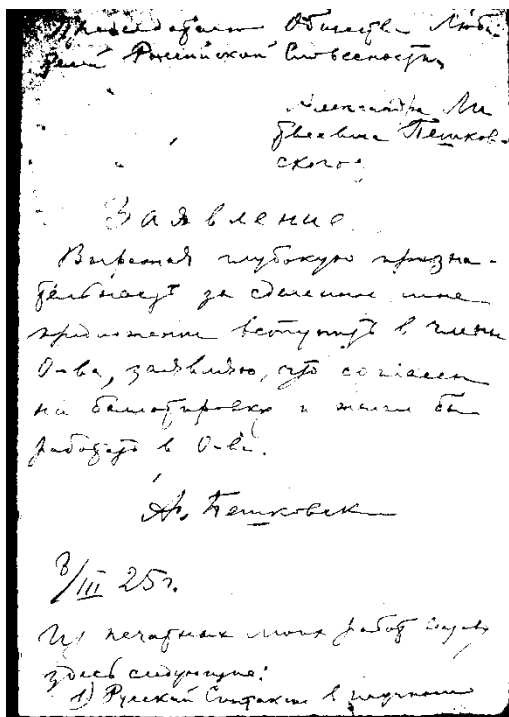
Здесь, в живой атмосфере творчества, ученый мог выражать свои мысли возможно более смело и в чем-то даже парадоксально, уже не опираясь на грамматические традиции Московской лингвистической школы. В этих поэтико-стилистических исканиях он выразил свой опыт, свои наблюдения и поразительную интуицию глубокого знатока и провидца художественных и лингвистических открытий будущего.

А.М. Пешковский и в общении с творческой интеллигенцией был остроумен и свеж: его искрометные миниатюры подчеркивают незаурядность языкового мышления ученого и гармонию вкуса. На письме Е.Ф. Никитиной, например, он начертал такой стих:

Дорогой Евдоксии Федоровне Никитиной
Чашка и чай лишь случайно созвучны, на
«ча» начинаясь;
Но не случайно у Вас оба приют
свой нашли.

А. Пешковский

(ОР РГБ. Никитинские субботники. Папка 7.
Ед. хр. № 5. 1920-е гг. Автограф)

Заявление А.М. Пешковского
председателю Общества любителей российской
словесности. 8 марта 1925 г. Автограф.
(ОР РГБ. Никитинские субботники (Н.С.).
Папка 10. Ед. хр. № 14. Л. 1)

Нами обнаружено свидетельство об избрании А.М. Пешковского в 1925 г. в действительные члены Общества любителей российской словесности. В «Заявлении» на имя председателя ОЛРС от 8 марта 1925 г. он писал: «Выражая глубокую признательность за сделанное мне предложение вступить в члены Общества, заявляю, что согласен на баллотировку и желал бы работать в Обществе» (ОР РГБ. Никитинские субботники (Н.С.). Папка 10. Ед. хр. № 14. Л. 1 (автограф)). К «Заявлению» приложен собственноручный список печатных работ (там же, л. 1), из ко-

торых две выделены автором особо: «Русский синтаксис в научном отношении» (так у А.М. Пешковского. – О. Н.) 1914 и 1920 гг. и «Школьная и научная грамматика» (5-е изд., 1925 г.) (там же, л. 1).

В деле сохранилось также «предложение» членов ОЛРС, подписанное известными филологами П.Н. Сакулиным, Н.К. Пиксановым и др., о принятии А.М. Пешковского в действительные члены ОЛРС (там же, л. 2).

1920-е годы – время бурного идеологического строительства, одним из составных частей которого было образование, решавшее *практические* задачи. Но тогда еще было возможно под вывесками учебных заведений и многочисленных комиссий без нажима сверху свободно обсуждать в том числе и актуальные научные проблемы, имевшие прикладное значение. Отголоски некоторых дискуссий донесли до нас и голос А.М. Пешковского. Так, в журнале «Родной язык и литература в трудовой школе» за 1928 г. был помещен отчет работы кафедры языка в Коммунистическом университете имени тов. Сталина, ставившей своей задачей «подготовку квалифицированных партийных работников для советского и зарубежного Востока». В нем отмечалось, что на предметных комиссиях были заслушаны следующие доклады: председателя (так в тексте. – О. Н.) кафедры Г.К. Данилова «Основной лингвистический закон по данным Белицкого говора», проф. Е.Д. Поливанова «Понятие эволюции в языке», проф. А.М. Пешковского «Европейская пунктуация и ее недостатки» и др. Здесь дается и краткое изложение всех выступлений. «Проф. Пешковский <...> дал общий обзор европейской пунктуации. Несмотря на частные различия по отдельным языкам, европейская пунктуация представляет, в общем, один тип. Самые знаки пунктуации одни и те же, общий смысл каждого знака одинаков, так что можно говорить об единой европейской пунктуации. Как же определяет европейская пунктуация свои задачи?

Две задачи – фонетико-интонационная и логико-грамматическая <...>. Они принципиально примиримы, но в литературе по вопросам пунктуации нет объединения этих двух принципов <...>.

В самом кодексе европейской пунктуации, во всех правилах, – неточность. Правила пестрят фразами вроде: «иногда ставится запятая», «длинные, краткие» предложения. Тире стало знаком отчаяния. Но если пунктуация – законодательство, то подобные выражения недопустимы. Многопринципность европейской пунктуации на практике оказывается беспринципностью.

Между кодексом и фактической пунктуацией огромная пропасть. Фактически преобладает интонационный момент, теоретически он занимает весьма подчиненное место. Такое положение требует реформы. На первый план необходимо выдвинуть интонационный момент, так как у пишущего всегда желание акустически довести до сознания читающих то, что он пишет. Да и всякий произносит мысленно то, что он пишет. Интонационный принцип должен быть формулирован как психоинтонационный, так как интонация – тонкая вещь, формулировать ее нелегко; это должно происходить на психологической почве. Известные уступки, точно оговоренные, должны быть сделаны и собственно-грамматическому принципу» [9, с. 120–121].

А.М. Пешковский показал себя знатоком европейской лингвистической практики, хорошо понимавшим и чувствовавшим реальную языковую ситуацию.

Он также входил в состав комиссии по русскому языку при Институте методов школьной работы. В ее отчете за 1927–1928 гг. отмечалось, что А.М. Пешковский был избран председателем президиума вместе с П.О. Афанасьевым (товарищ председателя) и А.Б. Шапиро (секретарь). Там же говорилось, что «за время с 21 октября 1927 г по 18 мая 1928 г. состоялось 11 заседаний комиссии». Большинство докладов было связано с проблемами преподавания русского языка в школе. А.М. Пешковский неоднократно выступал с дискуссионными сообщениями. Так, «в первом заседании комиссии (21 октября) был заслушан доклад А.М. Пешковского на тему “Пересмотр важнейших вопросов синтаксиса”. Докладчик осветил основные положения своей синтаксической системы, как она дана им во вновь выходящем издании “Русского синтаксиса в научном освещении” (переработанном и расширенном)». На пятом заседании (13 января 1928 года) А.М. Пешковский выступил с отзывом об учебниках по пунктуации. На девятом были прослушаны сообщения о новых учебных пособиях; в числе докладчиков был и А.М. Пешковский [10, с. 129–131].

1920-е годы выдвинули целую плеяду ученых-филологов и педагогов, разрабатывавших новые принципы учебной работы и методы обучения. С.И. Абакумов, П.О. Афанасьев, П.А. Дудель, И.Н. Кубиков, И.Р. Палей, Н.С. Поздняков, М.В. Ушаков, А.Б. Шапиро и др. активно включились в работу по перестройке и пересмотру целого ряда положений научно-педагогической практики. Многие позднее было исползовано и реализовано в школе. К числу этих новаторов, вне сомнения, стоит отнести и А.М. Пешковского, который являлся не только автором многих оригинальных работ, но инициатором и вдохновителем интересных начинаний, по сути дела, он был *общественником* в высоком смысле этого слова.

С 1926 г. ученый работал на педагогическом факультете 2-го Московского университета, который в 1930 г. был реорганизован, и из него выделен Московский государственный педагогический институт имени А.С. Бубнова. В разное время, в том числе и одновременно с А.М. Пешковским, здесь работали А.М. Селищев, М.Н. Петерсон, М.Н. Каринский и другие языковеды. Он преподавал также в Редакционно-издательском институте (создан в 1930 г.).

Примечательным фактом в биографии А.М. Пешковского стало выдвижение его кандидатуры на выборах в Академию наук СССР в 1928 г. Тогда научные работники Москвы обратились в АН с предложением избрать его действительным членом по отделению литературы и языков европейских народов. В этом документе отмечалось, что «А.М. Пешковского следует считать крупным ученым, автором выдающихся трудов, соединяющим широкие научные интересы с высоко полезной общественно-педагогической деятельностью» (цит. по изд.: [1, с. 12]).

Кроме насыщенной педагогической и общественной деятельности, А.М. Пешковский занимался редактированием книг (он написал предисловия к тру-

дам А. Артюшкова «Звук и стих. Современные исследования фонетики русского стиха». Пг., 1923; С. Карцевского «Повторительный курс русского языка». М.; Л., 1927), много полемизировал в научной печати по проблемам обучения русскому языку, опубликовал рецензии на книги Н.С. Державина, С.И. Абакумова, Л.А. Булаховского, Н. Бельчикова и А. Шапиро, Р.О. Шор и других ученых-практиков. В то же время он занимался подготовкой материалов для «Словаря языка А.С. Пушкина» и составлением нового орфографического словаря для начальной и средней школы. Последняя работа так и не была осуществлена: «А.М. Пешковский предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографическо-грамматическим справочником, подготовлявшимся под его же редакцией к изданию в издательстве “Советская энциклопедия”. Но редакция большого справочника не была доведена им до конца... После смерти А.М. Пешковского словарно-орфографическую работу завершил проф. Д.Н. Ушаков, орфографический словарь которого появился в свет уже в 1934 г.» (цит. по изд.: [1, с. 11–12]).

Добавим еще несколько штрихов из совместной биографии М.А. Волошина и А.М. Пешковского. В 1925 г. в Коктебеле намечался юбилей поэта по случаю его 25-летней деятельности. Приглашали и А.М. Пешковского, который в одном из писем своему учителю Ю.А. Галабутскому так выразился о предстоящей церемонии чествования М.А. Волошина: «Относительно выступления на юбилее с оценкой стихов Макса, хотя бы письменной, – я для этого не гоюсь, так как и недостаточно компетентен (мало его читал), и недостаточно сочувствую его поэтическому “уклону”, кроме, конечно, *политических* стихотворений. О последних я мог бы говорить с великим жаром и восторгом, но боюсь, что после этого ему не подарят дачу, а, напротив, окончательно отнимут. А вообще-то я узнал, что юбилей сейчас в России действительно – единственное верное средство для приобретения недвижимого имущества в собственность» (ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. № 252. Лл. 7–7 об.; цит. по изд.: [3, с. 131]). Тем не менее А.М. Пешковский помогал организации и подготовке юбилея, находясь в Москве. В письме М.А. Волошина Е.Л. Ланну из Коктебеля 2 мая 1925 г. он так охарактеризовал своего «старого друга», «с которым мы вместе жили и росли»: *санскритолог, филолог-экспериментатор, специалист по русской грамматике, естественник и музыкант* – «человек крайне рассеянный, наивный, духовно прекрасный и творчески ученый. Он неожиданно принял самое горячее участие в устройстве “чествования”» [3, с. 131].

Видимо, в последние годы жизни, что-то переосмыслив, и М.А. Волошин, и А.М. Пешковский вновь искали путей к возобновлению прежней дружбы, ведь действительно они прошли вместе долгий жизненный путь и часто помогали другу другу, знали буквально все. В этом признавался А.М. Пешковский М.А. Волошину в письме 7 марта 1931 г.: «То, о чем ты пишешь, именно жгучее желание восстановить нашу близость, я испытал гораздо раньше тебя, и мой приезд тогда этим и объясняется. Но ты оказался в непрестанном “окружении”. По-видимому, единственный способ это сделать – приехать зимой, но при теперешнем снабжении

и моем желудке это совершенно невозможно. Я и в Москве-то еле живу, несмотря на вполне приличный заработок. Белого хлеба дают только $\frac{1}{2}$ ф<унта> в день, а черный я могу есть только с большим вредом для здоровья. Без сливочного масла (которого у Вас там, наверное, ни за какие деньги не достанешь) я совершенно не могу существовать» [4, с. 278].

Летом 1928 г. А.М. Пешковский снова побывал в Крыму, в Коктебеле, у друга юности М.А. Волошина, в доме отдыха для писателей, организованном по инициативе последнего. В разное время там жили крупнейшие деятели искусства: В.В. Вересаев, А. Белый, В.Я. Брюсов и многие другие. В 1920–1930-е гг. дом М.А. Волошина становится местом паломничества и приюта интеллигенции:

Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни южный ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.

М. Волошин («Дом поэта»)

В «прохладных кельях» проводились стихотворные конкурсы, выставки, литературные вечера. Это был своего рода центр русской культуры, один из немногих островков, дышавших свободой творчества в искусстве «в годы лжи, падений и разрух». Живая, постоянно ищущая натура А.М. Пешковского, энергетизм его творческой личности и здесь находили выражение и отдохновение.

А.М. Пешковский немало скитался: родился в Сибири, детство и юность провел в Крыму, учился в столичном университете и в Западной Европе, путешествовал... Но большая часть его кипучей жизни прошла в Москве, где он нашел свое призвание и смог реализовать замыслы. Нам удалось разыскать редкие факты из московской биографии ученого, и они очень символичны. По данным известного историка культуры и библиографа В. Сорокина, в доме № 2 по Рахмановскому переулку, расположенному между улицами Петровка и Неглинная, в гостиничном корпусе жил А.М. Пешковский, у которого «останавливался его друг по университету поэт Максимилиан Волошин». Примечательно, что здесь же в 1830-е гг. квартировал В.Г. Белинский, отчисленный из Московского университета за антикрепостническую пьесу «Дмитрий Калинин», – работал над переводами и книгой «Основания русской грамматики» [13]. В 1910–1930-е гг. А.М. Пешковский жил в самом сердце культурной Москвы – в арбатских переулках, на Сивцевом Вражке в доме № 35, кв. 18. Неподалеку от него, в доме № 19, «в начале 1912 г. останавливался поэт М.А. Волошин». Рядом, на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулков, жили Д.Н. Ушаков и знаменитый пианист К.Н. Игумнов, в Большом Афанасьевском – М.Н. Петерсон и В.В. Виноградов. Целое созвездие русских поэтов, писателей, художников, деятелей науки и музыкального искусства еще с дореволюционных времен жили в этом уголке старой Москвы (подробнее об этом см. [11, с. 365 и далее]).

Об А.М. Пешковском с большим душевным волнением вспоминали люди, знавшие ученого не пона-

слышке и выделившие, пожалуй, самую суть его человеческого облика: «Главной чертой А.М. Пешковского была его беспокойная страстность, направленность пытливого мысли к новому, самоотверженная честность в исполнении своего долга, желание принести наибольшую пользу Родине. Именно это побудило его сначала, в студенческие годы, принять участие в революционном движении, потом долго искать своего пути в науке, чтобы в конце концов остановиться на филологии... и вести непримиримую борьбу за передовые идеи в лингвистике и методике русского языка» [2, с. 6].

*Москва, улица Сивцев Вражек, д. 35.
Здесь в 1910–1930-е гг. жил А.М. Пешковский
(современная фотография)*

Осколки памяти донесли до нас и немногие свойства его личности, где даже такие, внешние, признаки показательны. Известный методист Н. Поздняков писал: «...он как живой стоит передо мной: маленький, подвижной, очки всегда немного набок, а за ними сосредоточенные, постоянно вглядывающиеся в какую-то мысль глаза. Я вижу искорки, вспыхивающие в его зрачках, улыбку, сопровождающую эти вспышки, и мне чудится его голос...» [8, с. 54].

Портрет А.М. Пешковского дополняют воспоминания писателя А.Р. Палея: «Из-за своего некрепкого здоровья... Александр Матвеевич быстро уставал от ходьбы. Потому он носил с собой портативный складной стул. Однажды мы с ним встретились у гостиницы “Метрополь”... Пешковский поставил стул у стены здания и расположился сидя побеседовать со мной. Какая-то проходившая мимо старушка посмотрела на стульчик, потом на сидевшего на нем пожилого человека, явно не собиравшегося уходить. Затем, движимая, очевидно, привычными ассоциациями, достала монетку и попыталась предложить ее Александру Матвеевичу.

Пешковский потом добродушно смеялся...

...Он любил музыку и был глубоко музыкально образован. В Екатеринославе... он давал частные уроки музыки. И математики – потому что и математику знал отлично. Живя в Москве, он постоянно посещал

концерты в консерватории... Некоторое время в его квартире жили две консерваторки-пианистки и, конечно, много упражнялись на своем инструменте.

Профессор Александр Матвеевич Пешковский

– Они вам, верно, мешают работать? – спрашивал Александра Матвеевича мой брат (известный методист И.Р. Палей. – *О. Н.*).

– О нет! – возражал он. – Они ведь хорошо играют» [6, с. 94–95].

Жизнь А.М. Пешковского оборвалась 27 марта 1933 г. Его жена, зоолог по специальности, Людмила Сергеевна, пережила супруга более чем на тридцать лет и похоронена вместе с ним на Новодевичьем кладбище.

Нетрудно заметить, что в земном пути и на филологическом поприще он был первооткрывателем, большим энтузиастом и великим тружеником, оставившим по себе добрую память преданного служителя родной словесности, ее страстного пропагандиста и бескорыстного Учителя.

Без имени А.М. Пешковского невозможно представить себе русскую филологическую культуру XX века, вобравшую, кажется, все ритмы и благозвучия той противоречивой эпохи. Научное наследие ученого намного пережило его время и сейчас находится на передовой лингвистических дискуссий, обнаруживая

исключительную ценность «ликов творчества» Александра Матвеевича Пешковского:

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

М. Волошин (1914 г.)

Источники

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).
ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Литература

1. Белов, А.И. А.М. Пешковский как лингвист и методист / А.И. Белов. – Москва, 1958.
2. Василенко, И.А. А.М. Пешковский – выдающийся советский лингвист и методист / И.А. Василенко, И.Р. Палей // Пешковский А.М. Избранные труды. – Москва, 1959. С. 5–18.
3. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2015. – Т. 13. Письма 1925–1928.
4. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2015. – Т. 14. Письма 1929–1932.
5. Никитин, О.В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.
6. Палей, А.Р. Встречи на длинном пути: Воспоминания / А.Р. Палей. – Москва, 1990.
7. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1914.
8. Поздняков, Н. А.М. Пешковский как методист / Н. Поздняков // Русский язык в национальной школе. – 1958. – № 4.
9. Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 3. – С. 120–121 [хроника].
10. Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 3. – С. 129–131 [хроника].
11. Романюк, С.К. Из истории московских переулков / С.К. Романюк. – Москва, 2000.
12. Ушаков, Д.Н. Русский язык: учеб. пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Д.Н. Ушаков. – Москва, 1995.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mos-nj.narod.ru/1990/_nj/9105/nj9105_a.htm

O.V. Nikitin

A.M. PESHKOVSKY'S "FACES OF ART": 1910s – 1930s

The article presents the scientific and creative biography of A.M. Peshkovsky (1878–1933) during the Moscow period of his activity. After wandering around Europe and finding his vocation, the scientist focused on the study of linguistic problems. But the ardent nature of the researcher could not fit into the framework of traditional linguistics and he was constantly involved in various projects in the 1920s. In this sphere of his activity, A.M. Peshkovsky appeared not only as a researcher, but as a public figure, a polemicist, a 'spiritually beautiful' personality, who had a soul of the experimenter and was a real dreamer until his last years in the world of turbulent cultural and historical events of the first third of the 20th century. The author describes his participation in the work of the Moscow Dialectological Commission and the Society of the Russian literature Lovers. The article also presents Peshkovsky's relationship with the symbolists and the poets of the Silver Age, especially relationship with M.A. Voloshin, and their debates, and reflections about creativity. The author discusses the role of A.M. Peshkovsky in the educational and scientific-methodical work in the 1920s, and his interest in various branches of linguistic science – from poetics to intonation. The article reveals little-known biographical information on A.M. Peshkovsky.

Philology, science experiment, literary community, ideological construction, the Russian language teaching methods, philosophy of creativity.

Н.С. Ганцовская
Костромской государственной университет

Памяти Т.Г. Паникаровской

ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИ

Статья посвящена научным достижениям вологодских диалектологов – преподавателей кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации филологического факультета Вологодского государственного университета, в частности Т.Г. Паникаровской – известному ученому, организатору изучения вологодских говоров, инициатору создания «Словаря вологодских говоров».

Вологодские диалектологи, Т.Г. Паникаровская, «Словарь вологодских говоров», А.В. Громов, Громовские сборники.

Вологду можно назвать Меккой диалектологов. Вологодчина – край до сих пор почти не тронутых цивилизацией древнейших русских говоров, который называют Русским Севером, «Верхней Русью», где народную речь еще можно свободно услышать и на улицах областной столицы, и даже в официальных ее учреждениях. Здесь жили и живут знатоки и любители народного слова, достаточно вспомнить хотя бы Прокопия Дилакторского и Василия Белова, здесь, в 1944 году, еще и не окончилась страшная война, произошло возрождение диалектологии в России, и все собравшиеся на конференцию во главе с Р.И. Аванесовым постановили начать работу по созданию Диалектологического атласа русского языка. Здесь всю жизнь после приезда из Москвы прожила Татьяна Георгиевна Паникаровская – патриарх вологодской и отечественной диалектологии.

Наша статья посвящена ее памяти и ее ученикам и соратникам, которые с честью продолжают благородное дело собирания, изучения, лексикографической и иной обработки вологодских говоров, начатое под ее руководством и при ее непосредственном участии.

Т.Г. Паникаровская не нуждается в особенном представлении, она и ее труды хорошо известны в России и за рубежом. В декабре 2016 года исполнилось 90 лет со дня ее рождения, а в 2006 году в Вологде вышла книжечка, составленная Л.Ю. Зориной, – «Словарь и... вся жизнь (к 80-летию Т.Г. Паникаровской)» [3]. Под портретом юбиляра (а далее есть портрет и совсем юной Татьяны Георгиевны: «Камея, камея», – восклицала Т.Н. Кандаурова по поводу ее прекрасного облика, вспоминая ее еще москвичкой) написано: «Посвящается Татьяне Георгиевне Паникаровской – инициатору создания «Словаря вологодских говоров», бессменному его редактору и составителю словарных статей для всех 12 его выпусков». В книге несколько разделов: «Curriculum vitae», «Перелистывая личное дело», «Список научных трудов Т.Г. Паникаровской», «Дело всей жизни», «Из рецензий, полученных на словарь вологодских говоров», «Слово об Учителе», из которых мы можем с доста-

точной полнотой узнать о жизни, деятельности Татьяны Георгиевны, ее трудах.

Делом всей жизни этого замечательного диалектолога было создание Словаря вологодских говоров [6], где автор этих строк был одним из рецензентов и выпуски которого с теплыми приветственными словами она мне присылала. Ей удалось создать высококвалифицированную команду составителей Словаря, они же были вместе со студентами и «добытчиками» полевого материала. После «ухода» инициатора создания словаря они в 2007 году во главе с Л.Ю. Зориной с успехом довели дело до конца, подготовив 12-й выпуск Словаря. Назовем составителей Словаря: *Е.П. Андреева, Р.Ф. Богачева, Е.Н. Варникова, С.Б. Виноградова, Г.А. Дружинина, Е.И. Иванова, С.Н. Ипатова, Л.М. Кознева, Н.В. Комлева, А.П. Ларионова, О.И. Новоселова, Т.Г. Овсянникова, Т.В. Парменова, Е.Н. Шаброва, Л.Г. Якуевич*. Все это видные и своеобразные ученые, широко известные своими трудами, многие из них вырастили достойную смену честных и талантливых молодых исследователей.

Хочется подчеркнуть один из моментов деятельности вологодских ученых разных направлений и возрастов, не только диалектологов, но и историков языка и «современников» – они всегда были готовы к дружбе и взаимодействию с коллегами из разных регионов России и зарубежных стран. Особенно тесные взаимоотношения сложились у диалектологов Вологды и Костромы. Мы, костромичи, почти ежегодно бываем на лингвистических конференциях в Вологде, которые имеют давнюю и славную традицию, вологжане платят нам той же монетой. Речь идет об участии вологжан в серии специальных диалектологических конференций в Костроме в 1912, 1914 и 1916 годах, посвященных памяти учителя-диалектолога из г. Мантурова Костромской области Александра Вячеславовича Громова (1-е, 2-е и 3-и Громовские чтения). Это были массовые выезды вологжан, маститых и молодых ученых, аспирантов и студентов, которые своим участием украсили страницы сборников, изданных по следам этих чтений. Всего в трех Громов-

ских сборниках была представлена 171 статья, из них 27 статей вологодских авторов.

Рассмотрим статьи вологжан, помещенные в костромских сборниках:

1-й Громовский сборник [5] – статьи *Е.П. Андреевой, С.Н. Богобоязова, Е.Н. Варниковой, Ю.Н. Драчевой, М.А. Дружининой, Л.Ю. Зориной, Л.М. Козневой, А.Е. Кузнецовой, Т.Е. Кузнецовой, Н.А. Новожиловой, Г.В. Судакова, С.В. Шильниковской и Л.Г. Яцкевич;*

2-й Громовский сборник [1] – статьи *Е.П. Андреевой, Ю.Н. Драчевой, М.А. Дружининой, Л.Ю. Зориной, Е.Н. Ильиной, Н.Н. Карачевой, Е.С. Новожиловой;*

3-й Громовский сборник [2] – статьи *Е.П. Андреевой, С.Н. Богобоязова, С.А. Ганичевой, Л.Ю. Зориной, Е.Н. Ивановой, Е.Н. Ильиной, Н.В. Комлевой, Д.В. Панцыревой.*

В статье *Е.П. Андреевой* «Отражение народной культуры в диалектной фразеологии (на материале Словаря вологодских говоров)», достойно открывающей главную часть сборника, подчеркивается мысль о том, что выбор темы ее статьи во многом объясняется трепетным отношением А.В. Громова к русской народной культуре, а само содержание связано с вниманием к конкретной истории фразеологизма, отражающей историю народа и его национальную культуру, о чем в свое время говорил Б.А. Ларин. Во втором сборнике ее статья «Глагол в диалектной терминологии (на материале рыболовецкой лексики Белозерья)» имеет предметом исследования номинативный и функциональный потенциал глаголов в составе рыболовецкой лексики Белозерья. Ее деление исследуемого материала по степени терминологичности и выделение на его периферии профессионализмов убедительно и показывает, как всегда, большую эрудицию исследователя. В третьем сборнике ее статья «Образная основа составных наименований в режском говоре», как и статьи других вологжан третьего сборника, является частью коллективного исследования говоров Режского района Вологодской области. В ней обсуждается лингвистический статус расчлененных номинаций, описываются особенности функционирования составных наименований в народной речи.

С.Н. Богобоязов, знаток родного диалекта и языковед, но не диалектолог по профессии, в своей проблемной статье «Языковые элементы азлецкого диалекта на фоне славянских языков» поднимает важный вопрос о внимании общества к диалектам, о необходимости их изучения и сохранения. Со своей стороны он демонстрирует превосходное знание азлецкого диалекта Харовского района Вологодской области, умение с ним экспериментировать: создавать тексты, переводить на него литературные произведения. В статье «Значение текстовых образцов диалектной речи во всестороннем изучении диалекта» в 3 Громовском сборнике эта мысль развивается и хорошо обосновывается теоретически и практически, так что составители сборника по его следам создали целый раздел «Материалы и исследования краеведов и о краеведах. Народные рассказы, экспедиционные дневники», в котором его статья является программной. Сюда же входит и статья *Л.Ю. Зориной* «Впечатления, наблюдения (Дневник одной экспедиции)».

Статья в 1 Громовском сборнике *Е.Н. Варниковой*, известного специалиста в области исторической топонимики, «Изменение состава кличек коров как отражение социокультурных процессов в русской деревне» показывает, что ее автор также успешно исследует и другие малоизученные области ономастики. В 3 сборнике в статье «Река Режа: версии происхождения гидронима» Евгения Николаевна возвращается к решению трудных проблем этногенеза топонимов.

Ю.Н. Драчева дважды участвовала в Громовских сборниках: первом и втором. Ее исследование «Диалектные отсуффиксальные отадъективные наречия в аспекте выбора мотиватора (на материале вологодских говоров)» глубоко продуманно, а совместная с *Е.Н. Ильиной (Шабровой)* оригинальная по замыслу статья «“Этнолубок XXI века”: коллекция кукол в народных костюмах издательского дома “Де Агостини”» также служит делу поднятия авторитета диалектов.

В статье *М.А. Дружининой* первого сборника «Названия лиц по их отношению к труду в Словаре вологодских говоров» описаны обширные материалы СВГ по данной теме. В ее же статье второго сборника «ЛСГ “Человек труда”: аксиологический подход (на материале “Словаря вологодских говоров”)» обстоятельно представлены номинации, позволяющие описать оппозицию идеал – антиидеал.

Л.Ю. Зорина, хорошо знакомая с работами А.В. Громова и бывшая с ним в переписке, посвящает ему статью «Шелк на руки и холст на сновалочку (благопожелания в ситуациях льноводства, льнопрядения и ткачества)». Систематически, на протяжении многих лет занимаясь полевым сбором материала вологодских говоров и возглавляя разного рода экспедиции, она приобрела большой опыт их проведения, что и изложила в статье «Вопросы активизации полевой исследовательской работы по вологодским говорам (на материале экспедиций последних лет)». Эта же тема была продолжена в более камерной статье Людмилы Юрьевны «Впечатления, наблюдения (Дневник одной экспедиции)».

Е.Н. Ильина дважды участвовала в работе Громовских чтений. Редкий специалист в области дериватологии и многих лингвистических дисциплин, она отличается большой творческой активностью, которой заражает своих учеников и всех соприкасающихся с ней. О статье в соавторстве с *Ю.Н. Драчевой* в 1 Громовском сборнике мы уже упоминали. В 3 сборнике *Е.Н. Ильина* представила интересный и трудный для сбора материал в статье «Лексика народной медицины в режском говоре».

Молодые исследователи, студентки ВГПУ, *А.Е. Кузнецова* и *Т.Е. Кузнецова, Н.А. Новожилова* выступили как вполне зрелые авторы с работами соответственно: «Лексико-семантические зоны в историческом корневом гнезде» и «Диалектная лексика с корнями -*благ-* и -*болог-* в историческом аспекте»; «Средства выражения стратегии вежливого общения в говоре д. Монастырская Сямженского района Вологодской области (на примере ситуации угощения за столом)».

Л.М. Кознева в статье «Фортунатовы и вологодское народное слово» показала вологодский край как землю обетованную, где проживала и трудилась, в

том числе и в области языкознания, талантливая семья Фортунатовых.

Содержательная статья патриарха русской исторической лексикологии Г.В. Судакова «Название хлебных изделий в старорусском языке» явилась украшением сборника и дала материалы и дополнительный стимул костромичке П.П. Виноградовой для работы по теме «Названия выпечных изделий в костромских говорах».

С.В. Шильниковская представила интересные наблюдения по малоизученной теме одного из популярных народных промыслов: «Из наблюдений над лексикой домашнего пивоварения в Тарногском районе Вологодской области».

Н.Н. Карачева в статье «Методический опыт изучения языка А.Я. Яшина в системе краеведческой работы М.В. Бересневой» во 2 сборнике изложила систему работы школьного учителя по лингвистическому краеведению.

Большой честью для наших сборников является участие в них замечательного грамматиста, дериватолога, лексиколога и лексикографа, вместе с тем преданно любящего и знающего диалекты, особенно своей родной вологодской деревни Квасютино, Л.Г. Яцкевич. Ее статья «Структурная и функциональная дистрибуция первообразной дейктической партикулы с консонантным элементом *t* в вологодских говорах» определяет позиции этой партикулы в исторической структуре партикулярных кластеров и описывает функционирование данных образований в современных новгородских говорах.

Фигурантами 3-го Громовского сборника являются такие видные молодые, но уже многоопытные диалектологи, как Е.Н. Иванова и Н.В. Комлева, представившие свои исследования в области топонимии («Микротопонимы Режи как источник историко-культурной информации о регионе») и антропонимии («От личного имени к прозвищу (неофициальная антропонимия Режи)»), и юный и талантливый исследователь С.А. Ганичева, выступившая со статьей «К проблеме трансформации диалектной языковой личности».

Как видим, многие из вышеназванных авторов последнего сборника источником своих исследований взяли режские говоры Сямженского района Вологодской области, поскольку все они участвовали в одном из последних диалектологических проектов кафедры русского языка Вологодского университета по обследованию вологодских говоров [4]. Их полевые многолетние исследования, в частности, получили завершение в создании сборника режских текстов, которым было предпослано описание территорий, где находятся интересующие их говоры, удаленные от культурных центров и представляющие большой интерес в этнодиалектом плане, и собственно лингвистический детальный анализ говора Режи на всех уровнях языковой системы.

Многогранная и кипучая деятельность вологодских диалектологов, конечно, на этом не заканчивается. Они всегда в пути, и нас ждет немало открытий в области диалектологии, предпринятых ими.

Литература

1. Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф., Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – 530 с.
2. Громовские чтения: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф., Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. – Кострома: КГУ, 2016. – Вып. 3. Живое народное слово и костромской край. – 636 с.
3. Зорина, Л.Ю. Словарь и... вся жизнь (к 80-летию Т.Г. Паникаровской) / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ: Русь, 2006. – 32 с.
4. Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта: моногр. / Е.П. Андреева, Е.Н. Варникова, Д.В. Глебова, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, Н.В. Комлева, Г.Г. Овсянникова; науч. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2016. – 261 с.
5. Русское слово и костромской край: сб. ст. / отв. ред.: Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – 554 с.
6. Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПУ, 1983–2007.

N.S. Gantsovskaya

VOLOGDA DIALECTOLOGISTS

The article is devoted to the folk speech research results of Vologda dialectologists, who have been on the faculty of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication at Vologda State University, in particular T.G. Panikarovskaya – a well-known scientist, an organizer of Vologda dialects study, and a founder of the project of *Vologda Dialects Dictionary*.

Vologda dialectologists, T.G. Panikarovskaya, *Vologda Dialects Dictionary*, A.V. Gromov, Gromov Readings' conference proceedings.

К 70-летию профессора И.О. Шайтанова

Т.А. Андреева

Вологодский государственный университет

ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ

На его занятия студенты бежали, как на праздник, готовились изо всех сил, чтобы заслужить его уважение, а не ради отметки. Ему пытались подражать, любили за непохожесть на других, за харизматичность и артистизм. Таким знали Игоря Олеговича Шайтанова, когда он в 1970–1977 годах начинал свой трудовой путь ассистентом кафедры английского языка Вологодского государственного педагогического института (ВГПИ). Это было время обновления кафедры и факультета иностранных языков в целом, появления молодых, хорошо образованных и активных преподавателей. Игорь Олегович гармонично вписался в коллектив. Покидая Вологду в 1977 году, он остался в нашей памяти, благодаря глубоким знаниям, добрым отношением к коллегам и уважением к старшим и именитым ученым, которые работали тогда на кафедре.

Думаю, что сегодня доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой сравнительной истории литератур РГГУ, русского литературоведа с мировым именем, эссеиста, блестящего лектора, критика, главного редактора журнала «Вопросы литературы» И.О. Шайтанова студенты, аспиранты и коллеги любят и уважают еще больше.

Игорь Олегович, несомненно, высокоодаренный человек, но одной одаренности недостаточно, чтобы обладать вышеперечисленными качествами и достичь таких высот в карьере, каких достиг он. Ему повезло родиться и вырасти в семье истинных вологодских интеллигентов – преподавателя русской литературы Музы Васильевны Шайтановой и доктора филологических наук, профессора Олега Владимировича Шайтанова, который тридцать три года был деканом историко-филологического факультета. С малых лет сын видел в отце замечательный пример отношения к русской культуре и литературе, пример увлеченности наукой и редкого трудолюбия. Самоотверженной любви своей матери он обязан счастливым детством, здоровьем и будущей карьерой: она любовно воспи-

тывала сына, организовывала его дополнительное образование.

Талантливый от природы, развитый постоянным вниманием и заботой родителей, он стал знатоком русской литературы и английского языка еще до поступления в МГУ, поэтому легко поступил, легко учился и с блеском окончил университет, еще в студентах определившись в выборе будущего – его влекла карьера ученого.

Думаю, что столичный университет, помимо всего остального, открыл для Игоря Олеговича один из важнейших принципов образования – не учить студента, не натаскивать его в знании, например грамматики иностранного языка, а научить учиться самостоятельно, добывать знания своим трудом, постоянно и много читать, тренировать память, стремиться быть лучшим среди лучших.

Работа в ВГПИ тоже принесла свои плоды. Получив первый преподавательский опыт, может быть, уже тогда он понял, что для хорошего образования в вузах, в том числе и провинциальных, недостает многого, например хороших современных учебников. Впоследствии, после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации, работая в Московском педагогическом государственном университете, Игорь Олегович занялся решением этой насущной проблемы. Мне, как бывшему преподавателю английского языка, литературы и стилистики это направление его деятельности было особенно интересно и важно.

Одну из многих и первых его учебных книг я использовала в работе. Это написанная и изданная в 1998 году, но не потерявшая актуальности и значения для преподавателей как вузовских, так и школьных, книга «У. Шекспир, пьесы, сонеты». Игорю Олеговичу удалось в этой книге наиболее полно представить и раскрыть фактический и методический материал для проработки темы и значительно облегчить преподавательский труд многим учителям и вузовским преподавателям.

И.В. Гура
Вологодский государственный университет

ДРУЖБА ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

В Вологду мы с мужем приехали после окончания университета в 1949 году. На работу нас принимал строгий декан филологического факультета Олег Владимирович Шайтанов. Потом мы узнали его прелестную жену Музу Васильевну, одну из первых красавиц Вологды, которая вскоре стала моей задушевной подругой. И был у них маленький сын Игорек, который в 3-4 года потешал нас своими проказами и смешными высказываниями.

Теперь этот мальчик один из самых известных шекспироведов, профессор РГГУ, редактор журнала, литературный секретарь Букеровской премии... Перечислять долго, но приятно! Автор многих книг о русской поэзии, о литературе Средних веков и Возрождения, о корифее литературной науки Веселовском. Интересы его так разнообразны, а знания поистине энциклопедичны.

При всем том, он остался таким же близким и понятным, верным сыном родной Вологды, для которой сделал так много. Одна «Открытая трибуна» чего стоит! Этот островок высокой культуры в нашем городе, знакомство вологжан с многими знаменитостями, и не только России, настоящее окно в мир. В разные годы в Вологде выступали Людмила Улицкая, Светлана Кекова, Олег Чухонцев, Андрей Битов, Александр Кушнер, Владимир Маканин, Константин Азадовский и многие другие. И всех их привозили Игорь и искусствовед Наталия Серова. Они договаривались с ними, устраивали их и представляли слушателям.

Он и своего любимого Шекспира сумел «повенчать» с Вологдой, когда весь мир отмечал 400 лет со дня смерти великого драматурга, помог глубже понять его творчество тем, кто слушал его блестящие лекции.

Несколько раз в году Игорь приезжает в дом своих родителей, дом, который помнит его маму и папу, дом, собиравший по праздникам их друзей, дом, в котором провели свои последние годы бабушка и дедушка. Манефа Сергеевна Перова, известная в Вологде учительница литературы и русского языка, очень любила Игоря, и он платил ей тем же. Старался побольше узнать о ее прошлой жизни, которая была не без типичных для советской действительности трагедий: и бабушка, и дедушка не миновали репрессий, как многие интеллигентные люди того времени.

Замечательная хозяйка этого дома мама Игоря Муза, не случайно, наверное, имевшая такое имя, в этом доме угощала гостей вкуснейшими пирогами и паштетами, душистыми коврижками, которые Игорь особенно любил. За столом обсуждались последние публикации «Нового мира», книжные новинки, новости музыкальной жизни, о которых был хорошо осведомлен Морис Бонфельд, самый, может быть, близкий друг Игоря. Шутили, смеялись, спорили. Теперь

на этом доме памятная доска, посвященная профессору О.В. Шайтанову, самому достойному и самому «долговременному» декану филфака.

В этом доме и в окрестностях Вологды Игорь проводит теперь то свободное время, которое редко выпадает на его долю при невероятной загруженности делами в Москве. В Вологде ждут его друзья с давних времен и вновь приобретенные, всегда готовые интересно организовать его отдых.

Жду и я. Сначала телефонного звонка, потом звонка в дверь. На пороге Игорь с Олей, мои дорогие друзья, не забывшие ни этот адрес, ни меня, перешагнувшую 90-летний рубеж.

Сюда он часто приходил молодым аспирантом, приезжая из Москвы. Его особенно ждал мой муж. У них было много общих интересов и общих знакомых, Игорь был в курсе литературной жизни Москвы, не всегда находившей освещение в официальной прессе. Эти долгие беседы сопровождались рассматриванием почтовых марок, которые оба коллекционировали, шахматной партией, рюмочкой нашей доморощенной облепиховой наливки.

Мужа моего нет уже 25 лет. И теперь Игорь приходит ко мне, у нас находятся темы для разговоров о моих детях, внуках и правнуках, о той прошлой жизни, которая канула в Лету, и о той, которая настала. О его поездках по шекспировским местам, о претендентах на Букеровскую премию. О новой книге его, подаренной мне и прочитанной мною одной из первых. Мы читаем вместе сонеты Шекспира, выбирая самые любимые, и мне приятно, что он ценит переводы Маршака, хотя многие подвергают их критике. Он и сам пробует себя в качестве переводчика, и очень удачно.

Разговаривать с ним одно удовольствие, о чем бы ни шла речь. Он удивительный собеседник, умеющий и слушать, и вызвать на обсуждение новой темы. И даже терпеливо выслушивает мои некомпетентные суждения, учитывая, что со времени моей работы со студентами прошло около четырех десятков лет.

Также интересны его интервью и публичные выступления на телевидении. Помню «Игру в бисер», посвященную «Королю Лиру», его свободное владение фактами различного прочтения пьесы и собственное мнение, настолько убедительное, что к нему невозможно не присоединиться.

Теперь, когда болезнь заставила меня покинуть Вологду и уехать к дочке в Минск, остаются только электронные письма, которые очень ценю и люблю, но они не могут заменить живого общения. Жизнь вносит свои коррективы.

А у Игоря все впереди. Он находится в расцвете своего творчества и порадует нас всех еще новыми книгами и открытиями. Удачи ему!

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

«РЕАЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ», ИЛИ О ПОДЛИННОМ И ВЫСОКОМ

Игорь Олегович Шайтанов – доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы литературы», литературный секретарь премии «Русский Букер». Масштабность и разносторонность его интересов вдохновляет. Неслучайно эпоха, которой он уделяет так много внимания, – Возрождение.

Родился в Вологде 7 августа 1947 года.

В 1965 окончил школу № 1 и поступил на романо-германское отделение филологического факультета МГУ.

Его театральные рецензии печатались с 1969 года в газете «Красный Север». Темы и театральная, и литературной критики с самого начала глубинные: «Поэзия и традиция» (Север. 1973. № 3), «Развитие образа» (Русская речь. 1973. № 4), «Поэзия услышанного слова» (Север. 1973. № 11).

После окончания университета и по сей день преподает: до 1977 года – в Вологодском педагогическом институте, с 1977 по 1992 – в Московском пединституте (затем МПГУ). Там в 1975 защитил кандидатскую диссертацию: «Исторические драмы Б. Шоу: К вопросу об эволюции жанра». В 1989 – докторскую: «Концепция природы и жанрово-стилистическое решение ее образа в английской и русской поэзии XVIII в.» (вышла как книга «Мыслящая муза: “Открытые природы” в поэзии XVIII в.». М.: Прометей, 1989). В направлениях, осязаемых уже по названию диссертации, И.О. Шайтанов и будет работать: русская и английская литература, сравнительное литературоведение, историческая поэтика.

Какое-то время он совмещал преподавание в двух университетах – МПГУ и РГГУ, в 1992 перешел в РГГУ. С 2008 года – заведующий кафедрой сравнительной истории литератур историко-филологического факультета. С июля 2017 он оставляет преподавание кафедрой, чтобы возглавить в РГГУ Центр современных компаративных исследований. С 2016 по совместительству – ведущий научный сотрудник РАНХиГС.

На основании первых книг: «Как было и как вспомнилось: Современная автобиографическая и мемуарная проза» (М.: Знание, 1981), «В содружестве светил: Поэзия Н. Асеева» (М.: Советский писатель, 1985) – с 1986 года член Союза писателей.

И.О. Шайтанов опубликовал целый ряд сборников и произведений русских и английских писателей, сопровождая их аппаратом (предисловие, послесловие, комментарий), неизменно отмеченным исследовательской новизной: «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея (1986), «Лирика» К. Батюшкова (1987), «Англия в памфлете» (1987), «Лирика» Байрона (1988), «Мы»

Е. Замятина (1989), «Стихотворения» Дж. Китса (1989), «Романы» (1990) и «Повести и рассказы: 1915–1929» (1991) Б. Пильняка. Вслед за монографией о поэзии Н. Асеева последовало его «Избранное» (1990), где с небывалой полнотой была представлена ранняя авангардная лирика поэта. Особое место занимает издание произведений Шекспира, начатое оригинально составленным Собранием сочинений в 8 томах (1992–1994; переиздано – 1997), один из томов которого также появился отдельно – «Гамлет в русских переводах» (1994). Стремительная продуктивность работы ученого осязательна уже на этом временном отрезке, но она возрастает в последующие десятилетия.

Книги И.О. Шайтанова (равно как и статьи, интервью, выступления) никогда не проходят незамеченными, причем имена рецензентов, дающих высокую оценку, говорят сами за себя. На «Дело вкуса. Книгу о современной поэзии» (М.: Время, 2007) среди других откликнулся Андрей Немзер: «Вкус дела» (Время новостей. 2007. 14 сентября. № 167). Владимир Новиков в статье «Академик и критик, или Vivent les rouquou!» [Да здравствуют новые «почему»!] соединил рассмотрение «Дела вкуса» с анализом первого тома А.Н. Веселовского, подготовленного И.О. Шайтановым. Новиковский «снимок» манеры Шайтанова как критика весьма пронизателен: «Ей присуща академическая детализированность и философический настрой в сочетании с эмоционально-оценочным нажимом» [2]. Специфику подхода пытался определить и Илья Фаликов: «Исследовательское зрение удвоено глазастой интуицией»; «Шайтанова влечет некрикливое, достойное, устоявшееся, внятное – см. “Реальные величины”, кольцевое завершение его значительной книги» [4]. «Проблемы современной русской поэзии глазами литературоведа и критика» занимали и С.П. Гудкову [1]. Это перекрестье позиций (ученый/литературовед и критик) действительно продуктивно. Список рецензий на книгу далек от исчерпания, но я перейду к обзору учебников.

Учебники И.О. Шайтанова опровергают вторую часть мнения, им сформулированного: «Учебник для школы или для вуза – самый нужный и едва ли не самый безнадежный жанр» [3, с. 5]. Он не скрывает, что писал учебники так, как в свое время понравилось бы ему – школьнику; написал то, чего ему не довелось прочитать в детстве. И его учебники хочется читать, уходить шире и глубже в им рассказанное. Для меня одной из причин является присущий автору стиль. Традиции научно-популярного изложения в нашей культурной практике до сих пор слабы. Помоему, равно неприятны крены в терминологическую избыточность, суконную серость языка, излишние

упрощения. И.О. Шайтанову присуща гармония – языковая, содержательная, вкусовая.

Приведу суждение Александры Сторожевой, на момент написания аудиторного эссе – студентки английского отделения ВГПУ, сейчас – студентки международной магистратуры Болонского университета: «Я не люблю безыскусных вивисекторов от литературы. Изрезав оболочку литературного произведения вдоль и поперек, они не оставляют ни одного сокровенного местечка для читателя, которому отныне придется смотреть, по сути, на витрину мясной лавки. И.О. Шайтанов, судя по всему, из той вымирающей когорты ученых, которые относятся к изучаемому с необычайным уважением и деликатностью, подходя ровно на такое расстояние, с которого можно найти, а не разгадать тайны. Но даже если само произведение поддастся и покажет свое сокровенное, такой ученый не начнет кричать об этом на каждом углу, как газетный мальчишка, мечтающий получить пару лишних монет. Он тонко наметит направление, позволяя встретиться достойному с достойным тет-а-тет».

Приняв участие в учебниках по русской литературе XX века, И.О. Шайтанов сосредоточился на учебниках по зарубежной литературе. Мне представляется, все они сделаны на «вырост», с опережением возможностей дня сегодняшнего. Не буду упоминать многочисленные переиздания: их список велик. Остановлюсь только на первых редакциях учебников, и в названиях не буду повторять родовое обозначение: «Зарубежная литература». В 1996 году в «Просвещении» вышли «Средние века» – учебник для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений (в соавторстве с О.В. Афанасьевой), в 1997 – «Эпоха Возрождения», в 1999 – «Методические советы» к этим учебникам (в соавторстве с О.В. Афанасьевой). Последняя работа, мне кажется, менее известна, а потому напомним формулировку цели авторов: «создать пособие, одновременно предлагающее цельный исторический очерк западноевропейской литературы, и предоставить тем самым возможность *сознательного выбора* для того, кто впервые приступает к ее изучению» [5, с. 3].

Авторы оставляют за учителями право остановить выбор на Данте или Петрарке, Сервантесе или Шекспире, если отведенные часы не позволяют большего. «Такую возможность подразумевает как многообразие существующих сегодня программ, так и факультативность тематики, связанной с изучением зарубежной литературы в школе. Такая возможность, наконец, необходима для воспитания образованного человека, который, независимо от того, хватило ли учителю часов, не может не иметь представления и о Шекспире, и о Сервантесе, и о многих других великих именах» [5, с. 3–4]. Важно дать представление об основных этапах литературного процесса пусть через одно имя, но с ощущением целого.

Эстафету «Просвещения» принял Галлин, причем по уровню полиграфии «Avita» значительно превзошла московские издания. Более великолепных учебников и хрестоматий мне не довелось встретить. Разглядывать иллюстрации, погружающие в эпоху, уверена, хочется не только ученикам гимназий, для кого предназначены книги, но каждому, кто видит эту роскошь

(отличная бумага и оформление много значат). В 2000 году вышел учебник «Средние века и Возрождение» (в 2004 он переведен на эстонский язык) и хрестоматия к нему. В 2001 – учебник «Барокко. Классицизм. Просвещение» (в 2005 переведен на эстонский) и хрестоматия. В 2006 на эстонском вышел учебник «XIX век: Реализм. Романтизм» (в соавторстве с учениками – О.И. Половинкиной и М.И. Свердловым). На эстонском и в том же соавторстве в 2007 вышла «Античная литература. Греция. Рим». Эстонским гимназистам по-хорошему завидуешь.

В «Просвещении» тем временем увидели свет учебники-хрестоматии по зарубежной литературе для общеобразовательных учреждений под общей редакцией И.О. Шайтанова. В 2002 – для 5–7 классов (в соавторстве с М.И. Свердловым). В 2004 – для 8–9 классов (в соавторстве с О.И. Половинкиной, М.И. Свердловым). В 2006 – элективный курс для 10–11 классов (в соавторстве с О.И. Половинкиной, М.И. Свердловым).

В серии «Перечитывая классику» (в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам) издательство МГУ выпустило две книги И.О. Шайтанова: в 1998 – «Федор Иванович Тютчев: поэтическое открытие природы» (книга выдержала четыре издания), в 2001 – «Западноевропейская классика: от Шекспира до Гете». Аудитория этих книг далеко не только абитуриентская. Уровень поднимаемых вопросов говорит сам за себя. Можно ли сказать, что поэзия Тютчева «открыла» природу для русской культуры? Против кого написан философский манифест «Не то, что мните вы, природа»? С какими образными мотивами в русской поэзии переключается стихотворение «Певучесте есть в морских волнах»?

Что удалось издать для студентов?

В 2000 году издательство РГГУ выпустило рабочую тетрадь студента «Страноведение: Английская литература XVII века». Мне тогда подумалось, насколько удобны рабочие тетради, но у нас их до сих пор нет.

В 2001 «ВЛАДОС» издал учебник для вузов в двух томах «История зарубежной литературы. Эпоха Возрождения». До библиотеки ВГПУ он дошел. В 2009 году учебник переиздала «Дрофа», сопроводив «Практикумом». В 2014 обе книги появились под одной обложкой в издательстве «Юрайт». В том же году там же вышел учебник «История зарубежной литературы Средних веков» (совместно с М.И. Николой и М.К. Поповой).

Благодарность за «книгу для ученика и учителя» «Пьесы; Сонеты» У. Шекспира (М.: Олимп, 1997) выразила Т.А. Андреева (см. ее статью в этом номере). Книга востребована: с самого начала переиздания следовали одно за другим – 1998, 2001, 2002...

Наработанное по Средним векам и Возрождению многократно переиздавалось, а И.О. Шайтанов стремительно уходил вперед. Статьями и выступлениями он привлек внимание к необходимости пересмотра стереотипов и сделал все для восстановления приоритета А.Н. Веселовского и его исторической поэтики в развитии как отечественного, так и мирового литературоведения. Готовя первый том издания (Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М.:

РОССПЭН, 2006), И.О. Шайтанов осуществил реконструкцию замысла ученого. Написанные ученым работы были впервые собраны и впервые расположены согласно авторскому плану.

Второй том (Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010) представил годы учения Веселовского и реконструкцию им ненаписанного: лакуны в плане «Исторической поэтики» были заполнены работами сходной проблематики (разделы «История идеалов», «История личности», «История поэтических родов»). Работы, показывавшие становление сравнительного метода, составили раздел «Метод новой поэтики – сравнительный».

Тыняновское выражение «теоретический темперамент», безусловно, относится к И.О. Шайтанову, к свойственной ему масштабности и четкости мысли. Прочитую из раздела «О принципах комментария»: «Его [комментария] цель – представить работы А.Н. Веселовского по поэтике максимально приближенными к его замыслу, как в его воплощенной, так и в оставшейся неосуществленной части. Задача комментария – ввести читателя в круг тех проблем, которые ставил перед собой ученый, позволить ощутить их исторический контекст. Комментарий в таком случае неизбежно становится выборочным, а его достоинство – в инструментальности и компактности» [6, с. 7].

За новаторски подготовленного А.Н. Веселовского и книгу «Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики» (М.: РГГУ, 2010) И.О. Шайтанов удостоен премии имени А.Н. Веселовского (РАН).

Тем временем в издательском проекте «Университетская библиотека журнала “Вопросы литературы”» готовилась уже новая серия учебников для вузов. Учебные пособия по основным курсам университетской программы было решено составить на основе статей и обзоров со страниц журнала: «Мы не заказываем новых материалов, так как они уже написаны. На основе публикаций последних лет и вслед нашим обычным рубрикам мы составляем книги, которые заполняют существующие лакуны по всем основным литературным курсам учебного процесса. В них самые известные ученые обсуждают современные подходы, произведения классической и новейшей литературы, насущные проблемы» [3, с. 5]. В 2011 году под общей редакцией И.О. Шайтанова вышли «Проблемы современной компаративистики», «Русская литература на рубеже XX–XXI веков», «Перечитывая классику. Вторая треть XIX века».

Следующая страница деятельности И.О. Шайтанова – шекспировская. Хотя заниматься английским Возрождением он начал уже на семинарах Владимира Владимировича Рогова в МГУ, «магистральным сюжетом» его научной деятельности Шекспир стал позднее. Явив преемственность традиции русской филологической школы, И.О. Шайтанов вывел шекспироведение на новый этап освоения исторической поэтики, этап обновления филологической традиции, возрождения шекспироведения на уровне современного знания.

Масштабность его шекспировских проектов мне до сих пор представляется невероятной: «Шекспир» в

серии «ЖЗЛ» (2013), «Шекспировская энциклопедия» (2015; Национальная премия за лучший книжный проект года), переводы сонетов, комментированный шеститомник «Великие трагедии Шекспира в русских переводах» (2015–2016; под общим руководством И.О. Шайтанова каждый том выполнен одним из участников Научного семинара «Шекспир и культура Возрождения», ежегодно собирающегося в РГГУ с 2011 года), «Римские трагедии» (2016; комментаторами пьес выступили аспиранты кафедры РГГУ). Каждый из этих проектов заслуживает отдельного разговора (рецензию на шеститомник см. в № 1 (4) 2017 «Вестника ВоГУ»; обсуждение «Шекспира» в «ЖЗЛ» – № 2 (5) 2017). Позволю себе несколько слов о подходе исследователя к сонетам.

Показательны выбираемые исследователем продуктивные жанры: «Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием» (Иностранная литература. 2014. № 9), «Перевод как интерпретация» (Иностранная литература. 2016. № 5). И.О. Шайтанов посвящает читателей в особенности сонета как жанра, в специфику сонетного мышления, ренессансной метафоры. На примере сонета 29 (Литература в школе. 2014. № 11), сонетов 15 и 129 (Иностранная литература. 2014. № 6), сонета 107 (Вопросы литературы. 2014. № 6) он объясняет, «как переводить жанр»; дает почувствовать, как звучит в оригинале и как должна звучать в переводе эта поэзия – ренессансная, многосложная, с острой мыслью. Виртуозный анализ осуществлен на уровне нюансировки, когда все зависит от степеней тонкости. Исследователь демонстрирует иную, чем у Маршака, поэзию Шекспира – иное поэтическое дыхание, звук, смысл, изящество. И.О. Шайтанов в переводах сонетов и во всем творчестве и жизни тонко слышит, остро видит, оригинально и вдохновенно мыслит.

Число его опубликованных работ давно перевалило за 500. О списке трудов он никогда не заботится. Когда его ученики замечают отсутствующее и пробуют вносить добавления, ему это неинтересно: дело не в перечне. У него более ста глав и разделов в учебниках и словарях, более трехсот статей и рецензий. Много следовало бы переиздать.

Еще одно дарование – лекторское. Выступает он всегда ярко, и вологжане знают это по проекту «Открытая трибуна», начинавшемуся в январе 1994 года и представившем Вологде многих деятелей российской и европейской культуры и науки. Хронику событий запечатлела памятная многим книга 2008 года «Вологодские пенаты, или Пятая Вологда» (авторы-составители – Н.С. Серова и И.О. Шайтанов).

В юбилейный год выйдут две книги. Желающих приобщиться к научному направлению деятельности И.О. Шайтанова порадует книга, подготовленная кафедрой сравнительной истории литератур РГГУ. Для юбиляторов непосредственного общения книгу «Как было и как вспомнилось» приготовила редакция «Вопросов литературы». «Шесть вечеров с Игорем Шайтановым» провели Елена Луценко (выпускница факультета иностранных языков ВГПУ, переехавшая в Москву и пишущая под руководством Игоря Олеговича уже докторскую диссертацию) и Сергей Черденченко (директор редакции «ВЛ»).

Беседа первая называется: «У меня давняя, двухсотлетняя связь с Вологдой». Разговор сопровождается материалами самого Игоря Олеговича, Олега Владимировича Шайтанова, Ирины Васильевны Гура. Вечер второй посвящен университетской жизни. Третий – советской литературе и современной критике. Четвертый раздел («Против течения») – о Замятине, Пильняке, Зощенко, Заболоцком. Пятый – об Англии и британских друзьях, которых знают и в Вологде (среди них – Карен Хьюитт, Робин Милнер-Галланд). Вечер шестой – о Шекспире.

Думаю, книга будет хорошим подарком не только для Ольги Евшиной, выпускницы факультета иностранных языков 1977 года, поделившейся с нами воспоминаниями: «Игорь Олегович... Молодой, красивый, очень умный, прекрасный лектор. Таким аспирант Шайтанов предстал перед нами, второкурсниками инфака ВГПИ. Он как яркая комета пролетел на нашем небосклоне. Да, пролетел, потому что курс английской литературы длился всего два или три месяца. Как обидно, что получать громаднейшее интеллектуальное наслаждение нам довелось так недолго! Но до сих пор я слышу его завораживающий голос приятного тембра и интереснейшую информацию, которой он с нами делился. И всю жизнь после института только и жду, когда в очередной раз в нашу Вологду заедет наш любимый лектор и преподаватель с

блестящей лекцией о Шекспире и расшевелит любителей литературы на очередной шекспировский праздник. Игорь Олегович – это праздник, который остался в моей душе на всю жизнь».

Будем ожидать новых культурных событий. Важно слушать настоящее слово.

Литература

1. Гудкова, С.П. Проблемы современной русской поэзии глазами литературоведа и критика / С.П. Гудкова // Интеграция образования. – 2008. – № 1. – С. 120–124. – Рецензия на книгу: Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии.

2. Новиков, Вл. Академик и критик, или *Vivent les pourquoi!* [Электронный ресурс] / Вл. Новиков // Новый мир. – 2008. – № 1. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/1/no16.html

3. Проблемы современной компаративистики / сост.: Е. Луценко, И. Шайтанов. – Москва: Журнал «Вопросы литературы», 2011. – 320 с.

4. Фаликов, И. Споры нет [Электронный ресурс] / И. Фаликов // Знамя. – 2008. – № 4. – С. 218–223. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/4/fa24.html>

5. Шайтанов, И.О. Зарубежная литература: Средние века. Эпоха Возрождения: 10–11 кл.: метод. советы / И.О. Шайтанов, О.В. Афанасьева. – Москва: Просвещение, 1999. – 175 с.

6. Шайтанов, И.О. От составителя / И.О. Шайтанов // Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. – Москва: Автокнига, 2010.

Робин Милнер-Галланд
Почетный профессор Университета Сассекса,
член Британской Академии

«ОПЫТ О ЧЕЛОВЕКЕ»: ИГОРЬ ШАЙТАНОВ

Приехать в 1980-е годы в Советский Союз было непросто и недешево, а потому я воспользовался возможностью – присоединился к группе британских славистов, поездка которых официально спонсировалась, и отправился в Москву на небольшую конференцию преподавателей. Здесь произошла встреча, оживившая мой интерес к русским исследованиям. Группа советских ученых состояла в основном из молодых людей, среди которых больше всего мне запомнился один: он выделялся остротой ума, культурной открытостью, всесторонностью знаний и ясностью речи. Это был Игорь Шайтанов. Он делал доклад о русских переводах «Опыта о человеке» А. Поупа, и эту, казалось бы, не самую многообещающую тему ему удалось осветить поразительно интересно. Помню последующую дискуссию, мой, казалось, каверзный вопрос: как переводчики на раннем этапе переводили «Whatever is, is right» (Все существующее добро/правильно; в переводе Н. Поповского «Что в свете все добро»). Игорь ответил, и мы обсудили неоднозначность английского глагола.

Мы обменялись адресами. Это было время перестройки. Игорь все чаще приезжал в Англию, три раза был в Сассексе, убедительно выступал перед университетским обществом русистов. Мы подружились семьями. Когда в 1993 году ему представился шанс поработать в Оксфорде, он остановился в доме нашей дочери и ее мужа (они тоже университетские ученые, и в то время были в отпуске). Игорь остался вдвоем с нашим сыном – к взаимному удовольствию обоих. Чтобы сесть на автобус, Игорь обыкновенно шел к центру города тихой пригородной улочкой, но мысли его были далеки от повседневности. Это обнаружилось в последний день визита, когда сын обратил внимание Игоря на необычность одного дома: его украшала скульптура большой акулы, будто пробившей крышу, над которой возвышался ее хвост. Игорь каждый день проходил мимо, но знаменитой скульптуры не замечал.

Роль Игоря не сводится только к семейной дружбе. Он влиятельный читаемый автор, причем пишет не только статьи о литературе. Помню его журналистику: рассказ о визите в Шотландию, интервью с легендарным Исайей Берлином. Недавно он очень успешно справился с практически невозможной задачей – биографией Шекспира.

Не все знают о его любви к провинциальной России и в особенности – к родной для него Вологде. Когда я впервые поехал туда в 1990 году (это был исследовательский визит с искусствоведческой целью), Игорь любезно рекомендовал меня своему старому другу – реставратору икон Валерию Митрофанову (с его семьей мы тоже с тех пор дружим). В 1994 году я принял участие в организованной Игорем конференции о культуре российской провинции, проходившей в Вологде и в Белозерске. Я был счастлив написать об этом для книги «Вологодские пенаты», которую он редактировал (2008). Именно к этому времени восходит мой интерес к русской провинции, особенно к ее Северу.

И, наконец, о самой известной и публичной роли Игоря – в качестве редактора и литературного критика. Горжусь, что в последние годы мне удалось опубликоваться в «Вопросах литературы», и я на собственном опыте убедился, что при всей его доброжелательности у Игоря острый редакторский глаз, не пропускающий ни неточной формулировки, ни туманной мысли.

Авторизованный перевод Людмилы Егоровой

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.П. Андреева

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. КОСТРОМА: КГУ, 2016. ВЫП. 3. ЖИВОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ. 636 с.

В XXI в. интерес к говорам как важной составляющей части русского национального языка не затихает, что во многом обусловлено переоценкой духовных ценностей, обращением к истории своего народа, народной культуре в целом и народной речи в частности. Об этом свидетельствуют и материалы рецензируемого сборника «Живое народное слово и Костромской край». Научные конференции, посвященные памяти известного костромского диалектолога А.В. Громова, становятся традиционными. Так, в октябре 2016 г. в Костроме состоялась очередная, уже третья по счету, Международная научная конференция «Громовские чтения». Бесменным организатором этого форума диалектологов, историков языка, краеведов и одновременно редактором громовских сборников является профессор Костромского государственного университета доктор филологических наук Н.С. Ганцовская. Исследователей вологодских говоров с Ниной Семеновной связывают плодотворное сотрудничество и многолетняя дружба.

Отметим, что уже сложилась традиция посвящать Громовские чтения настоящим подвижникам, ученым, связавшим свою жизнь с изучением русских диалектов. Материалы сборника «Живое народное слово и Костромской край» заставляют вспомнить имя не только А.В. Громова, учителя, диалектолога, автора словарей «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах», «Жгонский язык», «Краткого словаря народного говора Мантуровского района Костромской области», но и А.С. Герда, известного русского ученого, доктора филологических наук, почетного профессора СПбГУ, ушедшего из жизни в мае 2016 г.

Сборник включает, как отмечается в вводной статье редактора, работы 95 авторов из академических учреждений России и столичных университетов – Москвы, Санкт-Петербурга, вузов запада и юга, центра, севера и востока России, зарубежных лингвистов – из Белоруссии, Украины, Приднестровья, Польши, Израиля (с. 7). Так же, как география исследований, обширна их тематика и проблематика. В структуре третьего выпуска Громовских чтений выделяется три обширных блока: «Общие вопросы диалектологии», «Ономастика», «Краеведческие материалы».

Статьи, входящие в первую часть сборника, отражают самые разные направления в изучении со-

циальных и территориальных диалектов. Так, статья В.Д. Бондалетова посвящена диглоссии: арго торговцев-коробейников, как правило, носителей территориальных диалектов, служит источником изучения закономерностей народного языка. Разным аспектам диалектной профессиональной и ремесленной лексики посвящены статьи Т.В. Бахваловой, С.А. Мызникова, Е.Н. Ильиной, Л.П. Михайловой, Л.А. Дмитрук. Т.К. Ховрина анализирует лексико-словообразовательную вариативность в говорах с привлечением фактов исторических словарей, что позволяет судить о протекающих процессах в диалектной лексике. О динамике лексического состава оренбургских говоров, основных направлениях в их развитии пишет Е.Н. Бекасова. Вопросы дериватологии в диалектной речи служат предметом рассмотрения в работах С.К. Пожарицкой, П.П. Виноградовой, Л.Н. Новиковой. Глубокому семантическому и словообразовательному анализу подвергаются отдельные лексико-семантические группы диалектных слов в статьях В.М. Грязновой, Т.Н. Бунчук. Многоаспектное описание тавтологизированных сочетаний-уподоблений в работе О.И. Литвинниковой позволяет судить о богатстве, яркости, выразительности народной речи. Л.А. Климкова показывает информативность, достоверность, значимость такого жанра диалектного текста, как воспоминание.

Отдельные статьи посвящены актуальным вопросам современной диалектной лексикографии. Так, Е.А. Нефедова описывает один из способов семантизации в диалектном словаре с учетом мотивировочных признаков, лексической и семантической сочетаемости лексемы. Такое построение дефиниции диалектного слова отражает представление диалектонолога о денотате. Верификация словарных данных на основе разных изданий одного регионального словаря приводится в работе В.В. Шаповала.

Отметим, что и в XXI в. статус региональных говоров оценивается в нашей стране иначе, чем в большинстве европейских государств, где территориальные диалекты являются полноправными вариантами национального языка (языков). В ряде статей рецензируемого сборника рассматриваются психолингвистические и социолингвистические аспекты диглоссии на материале немецких диалектов. Так, Г.М. Фадеева, характеризуя языковую ситуацию в современ-

ной Германии и место диалектов в составе немецкого национального языка, отмечает, что, несмотря на сокращение роли диалектов в повседневном общении, они используются в разных сферах коммуникации. Н.В. Любимова описывает процессы взаимодействия таких форм существования немецкого языка в Швейцарии, как литературный стандарт и диалекты. Автор показывает социокультурную значимость этого явления: смена кода (литературный язык ↔ диалект) происходит осознанно в разных ситуациях общения. В статье М.М. Кондратенко анализ наименований ключевых понятий народной культуры в разных языках позволяет выявить особенности представления этнической идентичности в русских (а также некоторых других славянских) и немецких диалектах.

Содержательной, многоаспектной является и вторая часть сборника «Ономастика». В статье И.А. Кюршуновой и О.В. Чернышева показана возможность представления антропонимического материала с использованием компьютерных технологий, предлагаются параметры составления базы данных, что выводит ономастические исследования на новый уровень. В.С. Картавенко, И.М. Ганжина описывают локальные топонимические системы, обращая внимание на их формирование, этнолингвистическую и культурологическую значимость. О.И. Жмурко анализирует субстратные гидронимы Ивановской области, используя понятие историко-культурной зоны, что позволяет достаточно полно представить взаимовлияние финской и славянской культур на материале гидронимии. Проблема описания русских топонимов Ингушетии, поставленная в работе Х.Л. Ханмагомедова и А.Н. Гебековой, также предполагает изучение межязыковых контактов, в статье намечаются перспективы такого исследования. Е.В. Цветкова анализирует топонимикон частушек, записанных А.В. Громым в двух районах Костромской области, и выявляет особую роль топонимов в языке фольклора.

Интересным представляется коллективный проект вологодских диалектологов и ономастов, в котором описывается в разных аспектах ономастический материал Режского поселения. Так, Е.Н. Варникова, рассматривая существующие гипотезы, предлагает свою этимологическую версию гидронима Режа, от которого и образовано общее название целого ряда («куста») вологодских деревень. Е.Н. Иванова использует историко-культурный подход в описании микропонимов Режи, отражающих историю края, социально-экономическую деятельность его жителей, их мировосприятие. В статье Н.В. Комлевой исследуется, каким образом на базе деминовативов личных имен возникли прозвища жителей Режи, анализируется стратегия прозвищных номинаций.

Проект регионального ассоциативного словаря, ориентированного на широкий круг пользователей, представлен в работе Н.В. Бубновой. По мысли автора, словарь должен содержать ономастическое описание культурного пространства в его региональном воплощении.

Третья часть содержит богатейший краеведческий материал, полевые записи, экспедиционные дневники, что и придает рецензируемому изданию особый коло-

рит. Авторы этого раздела, лингвисты, краеведы, знатоки народного слова, используют дополнительные источники диалектного материала, фольклорно-обрядовые, этнографические, историко-архивные, художественные произведения и др.

Так, Л.А. Громова, дочь А.В. Громова, рассказывает о работе с его рукописным наследием, в частности об издании сборника «Следы», в основе которого описание народно-разговорной речи семьи Захаровых, неграмотных деревенских людей, талантливых в языковом плане. Большой интерес представляет иллюстративный материал: приводится фрагмент словаря – компаративные фразеологизмы, образность которых создается благодаря переосмыслению местной бытовой и профессиональной лексики (*как лемех в груди, как лутюшки глаза, как лялево ткот*).

В статье Н.С. Ганцовой и Е.Г. Веселовой характеризуются взгляды Е.Г. Честнякова на демократизацию русского литературного языка, его обогащение за счет использования фонетических, лексических, грамматических средств диалектной речи. Привлеченные архивные материалы помогают авторам представить талантливого русского художника, писателя как фольклориста, знатока говоров, лингвиста, заботящегося о развитии родного языка. Л.Я. Костючук обращается к рукописному труду известного учено-краеведа А.И. Белинского, в котором характеризуется религиозное состояние псковских крестьян в первой трети XX в., в статье публикуются тексты опочецких народных заговоров, крайне интересных для исследователей народной речи. Л.Ю. Зорина рассказывает о работе диалектологов в полевых условиях, опубликованные в статье записи экспедиционного диалектологического дневника позволяют увидеть специфику сбора материала в «поле» с точки зрения доцента, аспирантов и студентов. О том, что диалектный текст служит источником изучения не только особенностей местной речи, но и всего комплекса явлений, связанных с историей, этнокультурной жизнью сельского населения, пишут А.С. Монахова, Л.П. Михайлова.

Между тем С.Н. Богобоязов отмечает недостаточное внимание общества к изучению и сохранению диалектов. Будучи билингом, исследователь предлагает созданные им тексты, которые отражают фонетические, грамматические, лексические особенности родного для него азлецкого говора, специфику жизни, образ мышления русского крестьянина, народный юмор. В эссе Н.Н. Завьяловой, миниатюрах Г.В. Масловой, сказках А.В. Смёрдова, воспоминаниях Л.В. Болотовой, заметках А.А. Хлябинова читатель почувствует то же самое стремление сохранить родные с детства слова, сберечь их для последующих поколений. Эта же цель преследуется в работах Е.Р. Гусевой, Е.А. Илгуновой, посвященных методическим аспектам изучения диалектной лексики в вузе и школе.

В заключение необходимо отметить, что все статьи сборника «Живое народное слово и Костромской край» свидетельствуют о неисчерпаемом богатстве народного языка, его потенциале, а следовательно, о необходимости полевого сбора диалектного материала, его систематизации и всестороннего изучения.

А.А. Балута, Ю.В. Коренева, О.В. Никитин
Московский государственный областной университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИЗАМЕТДИНОВА Н.Н. ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 120 с.**

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой представляет тезисное, несложное и не всегда корректное изложение основ лингвистики. Уже в первом издании классической книги А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (М., 1947) четко определялся ключевой вопрос одной из главных вузовских дисциплин, призванной *формировать* лингвистическое лицо студента, – «Вопрос о языке в истории культуры» (так назывался параграф 1, с. 5).

На наш взгляд, не следует давать установки на то, что имеющиеся учебные пособия по введению в языкознание сложны для самостоятельного изучения (с. 5) и пренебрегать достижениями лингвистики и традициями в области вузовской методологии.

В предисловии автор сообщает, что «пособие содержит необходимый минимум сведений по данной дисциплине, достаточный для выполнения студентами-заочниками контрольных заданий по этому предмету, а также подготовки к экзамену» (с. 5). Изложение теоретического материала, особенно по такой многоаспектной дисциплине, как введение в языкознание, должно быть шире и глубже обычного «решенника», написанного на уровне шпаргалки к экзамену. Намеренное упрощение теоретического материала приводит к снижению успеваемости и познавательной активности студентов, к диссоциации.

Обратимся к разбору конкретных глав и примеров.

Работа поделена на разделы в соответствии с уровневой структурой языка, поэтому наши замечания относятся к наиболее важным проблемным частям книги.

В главе 3 «Фонология» (с. 46–53) нет ни единого слова о научных открытиях в этой области Н.С. Трубецкого: отечественная фонологическая традиция никак не соотносена с тем научным и культурным прорывом в данной области, который осуществил ученый. Его идеи давно стали классическими и освещаются в регулярном вводном курсе по лингвистике. В образцовых лекциях по введению в языкознание А.Ф. Дружининой 1987 года, преподававшей этот курс в МОПИ имени Н.К. Крупской несколько десятилетий, всегда упоминалось о деятельности Н.С. Трубецкого как фонолога. Не говорим здесь о необходимости апелляции и к трудам Р.О. Якобсона. Судя по напечатанным тезисам с изложением идей Московской фонологической школы, автор не знаком с новыми архивными публикациями на тему истории создания и формирования МФШ, где главным идеологом и стратегом был вовсе не Р.И. Аванесов, а

В.Н. Сидоров (см.: Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004).

В п. 4.1 о развитии письма нет выхода в современность; к примеру, ничего не сказано о функционировании в новейшее время пиктографических элементов, что могло бы показать, как система языка «работает» в обществе, что такое язык как система взаимосвязанных элементов. Пособие не учитывает современных представлений и новых открытий в этой области (см.: Федорова Л.Л. История и теория письма: учеб. пособие. М., 2015; труды Ю.В. Кнорозова, И.М. Дьяконова, Вяч. Вс. Иванова, А.М. Молдована, В.Л. Янина и др.; статьи и публикации Л.Л. Федоровой в учебных энциклопедиях).

Глава 5 «Лексикология» максимально редуцирована. Позволим себе предположить, что такая краткость продиктована форматом пособия, но не включить в данный пункт описание семантических отношений единиц лексического уровня, хотя бы схематично, не дать основу лексикологической терминологии в указанной главе, что опять же связано с системностью языка, – по меньшей мере недальновидно. Удивительно, как автору удалось обойти в этом разделе понятие о самом главном в лексикологии: парадигматических свойствах слова, о видах лексической парадигматики и синтагматики хотя бы на самом начальном уровне, – и не показать, каким именно образом «язык состоит из слов».

Собственно, и начальный тезис раздела *Язык состоит из слов* (с. 64) является, видимо, оборванной цитатой из работы «Слова языка» Ф.Ф. Фортунатова: «Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собою в сочетания в суждениях, в предложениях; поэтому в словах языка мы должны различать слова отдельные и слова в их сочетаниях в мышлении, а поэтому и в речи, в предложениях» (Фортунатов Ф.Ф. Слова языка // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1956. С. 131). На фоне современных определений языка как *сложной системы систем единиц различных уровней в их взаимодействии* такая фраза бессмысленна. Видимо, автор все-таки хотел сказать студентам, что слово является основной единицей языка. Из определения слова не ясно, почему далее оно сравнивается только с фонемой. Морфема, как и слово, состоит из звуков и имеет значение: *под-, над-, сверх-, тель-* и др. Следовательно, автор должен был указать отличие слова не только от звука, но и от морфемы. На с. 65 даются определения *значения слова* и на той же странице через один абзац определение *лексического значения*.

Все наши частные замечания меркнут после ознакомления с центральным параграфом 5.4, в котором студенты должны узнать о типах лексических значений. По сути, весь раздел (с. 69–72) является прямым заимствованием тезисов § 8 учебника по лексикологии М.И. Фоминой (Современный русский язык. Лексикология: учеб. для филол. спец. вузов. М., 1990. С. 36–43), включая расположение материала, примеры и даже вводные и вставные конструкции и знаки препинания М.И. Фоминой. Ссылок на этот учебник в тексте нет, в списке литературы на с. 118–119 имя автора отсутствует. Трудно объяснить такую «стран-

ность» в издании, подготовленном доктором филологических наук Н.Н. Низаметдиновой. Этот факт сразу объясняет и нелогичность в композиции всего раздела, и рассогласованность в дефинициях, и отсутствие авторской методической мысли.

В прилагаемой ниже таблице приведем фрагменты некорректного цитирования текста, которые совпадают в двух книгах. Обращаем внимание и на тот факт, что даже состав и последовательность представленных ниже примеров могут свидетельствовать о вторичности рецензируемого текста.

<p>Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой</p>	<p>Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.</p>
<p>С. 69.</p> <p>Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, то есть присущие только ему специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое – не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободное – несвободное), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).</p> <p>По способу номинации, то есть по характеру связи значения слова с объективной действительностью, выделяются два типа лексических значений – прямое, или основное, и не прямое, или переносное. Прямым значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо, непосредственно, отражает предмет (явление, действие, качество и т. д.). Прямое значение, выступающее в качестве устойчивой основы номинации предмета в определенный период языкового развития, называется также первичным. Непрямым (или переносным) значением слова называется такое значение, которое возникает на основе сравнений, ассоциаций и т. д., объединяющих один предмет с другим. Таким образом, переносное значение появляется в результате переноса наименования прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют также вторичными. Переносные значения, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (<i>нос корабля, крылья самолета</i>) и художественно-образные [...]</p>	<p>С. 36–37.</p> <p>Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, т. е. присущие только ему, специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое – не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободные – несвободные), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).</p> <p>По способу номинации, т. е. характеру связи значения слова с предметом объективной действительности, выделяются два типа лексических значений – прямое, или основное, и не прямое, или переносное. Прямое значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т. д.) [...]. Прямое значение, выступающее в качестве основной, устойчивой основы номинации предмета в современный период языкового развития, называют также первичным [...].</p> <p>Непрямым (или переносным) называется такое значение слова, появление которого обусловлено возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим. Переносное значение появляется в результате переноса наименования прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют вторичными. [...]</p> <p>С. 38. Переносные, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (<i>нос корабля, крылья самолета</i>) и переносно-образные [...]</p>
<p>С. 70.</p> <p>По степени лексической сочетаемости выделяются значения свободные и несвободные [...]. Например, к свободным относятся значения слов <i>голова, нос, глаз; стол, лепесток</i>, родник; <i>сказка, спор, удача</i> и многие другие. Однако «свобода» лексической сочетаемости подобных слов – понятие относительное, так как она ограничена их предметно-логическими отношениями. Так, исходя из предметно-логических связей, нельзя соединять слово <i>рука</i> со словами типа <i>веселая, умная, глубокая</i> и т. д.</p>	<p>С. 39.</p> <p>По возможности лексической сочетаемости, или виду синтагматических отношений между словами, выделяются значения свободные и несвободные. [...] Например, к свободным относятся значения слов <i>голова, нос, глаз; стол</i>, скатерть; <i>лепесток; сказка, спор, удача</i> и многие другие. [...] Однако «свобода» лексической сочетаемости – понятие относительное, ибо она ограничена предметно-логическими отношениями слов в языке. Так, исходя из предметно-логических связей [...], нельзя соединить слово <i>рука</i> со словами типа <i>веселая, умная, глубокая</i> и т. д.</p>

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой	Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
С. 70. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью – конструктивно ограниченных (или обусловленных) значений.	С. 40. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью конструктивно ограниченных (или обусловленных).
С. 70-71. Связи слов в этих сочетаниях обусловлены не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы языка. Так, у слова <i>крошечный</i> значение «полный, абсолютно беспросветный» проявляется лишь в сочетании со словами <i>ад</i> или <i>тьма</i> .	С. 40. Связи слов в этих сочетаниях обусловлены не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы русского языка. [...] Так, у слова <i>крошечный</i> значение «полный, абсолютно беспросветный» проявляется лишь при условии его сочетания со словами <i>ад</i> или <i>тьма</i> .
С. 71. Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова только в предложении, например переносное значение слова <i>ворона</i> – «(разг.) нерасторопный, неловкий человек, ротозей, простофиля». <p>Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются так называемые конструктивно ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся значения, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции. Например, у слова <i>мираж</i> основным является терминологическое значение – «оптическое явление». В конструкции с существительным в родительном падеже (в функции определения) это слово приобретает переносное значение – «обманчивый призрак, иллюзия, что-то созданное воображением»: <i>мираж любви</i>.</p>	С. 40-41. Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова при выполнении необычной для него функции в предложении (В.В. Виноградов называет такие значения слов «функционально-синтаксически обусловленными»). <p>Так, прямое значение слова <i>ворона</i> – «птица с черным или серым оперением, родственная ворону» реализуется в том случае... Переносное значение – «рассеянный, невнимательный человек» – развилось у слова <i>ворона</i> в процессе его использования в явно не характерной для имени существительного функции – сказуемого. [...]</p> <p>Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются так называемые конструктивно-ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся такие, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции [...]. Например, у слова <i>мираж</i> основным является терминологическое (физ.) значение – «оптическое явление». В конструкции с существительным в форме родительного падежа (в функции определения) это слово приобретает значение – «обманчивый призрак, иллюзия, что-то созданное воображением»: <i>мираж любви</i>.</p>
С. 71-72. Экспрессивно-синонимическими значениями называются такие, в которых основным является эмоционально-оценочный признак. Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-оценочные наименования уже существующих номинаций (например, <i>ахинея</i> , <i>вознестись</i> , <i>плестись</i> и т.д.). Данные слова существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами (<i>ахинея</i> – глупость, <i>вознестись</i> – поднять-ся, <i>плестись</i> – медленно идти).	С. 42. Экспрессивно-синонимическим называется такое значение, в котором основным является коннотативный, или эмоционально-оценочный, признак. Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-оценочные наименования уже существующих в языке номинаций с денотативным значением. [...] Например, каждое из приводимых выше слов в соответствующем контексте может быть заменено словом, обладающим экспрессивно-синонимическим значением: бессмысленность – <i>ахинея</i> , гордиться – <i>вознестись</i> , двигаться – <i>плестись</i> [...]. Слова с такими значениями существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами. Так, [...] <i>вознестись</i> не только «гордиться», а «становиться особо гордым, высокомерным», <i>плестись</i> не просто «двигаться», а «особенно устало, медленно двигаться» и т. д.

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой	Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
С. 72 (окончание раздела 5.4.). Итак, типология лексических значений опирается на три основных вида отношений: понятийно-предметную связь, отношения слов друг к другу и степень мотивированности значения. Выделение разных типов лексических значений помогает глубже разобраться в семантической структуре слова, то есть понять характер системных внутрисловных связей.	С. 43. Итак, типология лексических значений опирается на три основных вида отношений: понятийно-предметную связь (то, что составляет основу лексической парадигматики), отношения слов друг к другу (т. е. синтагматические отношения) и степень мотивированности значения (деривационные связи). Выделение разных типов лексических значений помогает глубже разобраться в семантической структуре слова, т. е. понять характер системных внутрисловных связей.

В лингвистической литературе учебного характера есть немало дефиниций, которые десятилетиями используются в научной и учебной практике и сохраняют свою актуальность до наших дней. В подразделе 5.6. «Фразеология» Н.Н. Низаметдинова без ссылок на источник предлагает *свое* определение термина *фразеологизм*: «Фразеологизм – это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре». Эта дефиниция следует сразу за определением, данным академиком Н.М. Шанским, но ничего нового не вносит. Не говорится в данном разделе и о школе В.П. Жукова и А.В. Жукова и их разработках в этой области, а также об исследованиях В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, ориентированных на учебную практику. Авторитетные теоретические находки и идеи этих ученых наряду с трудами Н.М. Шанского прочно вошли в современный вузовский стандарт.

В подразделе 6.2. «Морфемы и их типы» среди перечня морфем, существующих в языке как системе, отсутствует описание конфиксов, свойственных, к примеру, немецкому языку, и трансфиксов, организующих грамматическую и словообразовательную структуру семитских языков.

В подразделе 6.3. «Форма слова и словообразовательные модели» допущены фактические ошибки, в первых, автор данного пособия считает тождественными форму слова и словоформу: «**Формой слова, или словоформой, называется...**» (с. 92), следуя лишь одной из точек зрения на данный вопрос (подробнее об этом см.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990).

Во-вторых, на с. 93 некорректно с позиции современной грамматики трактуется способ выражения грамматической категории лица глагола: «*Я учусь в университете*. Грамматические значения 1 л. ед. ч. выражаются при помощи личного местоимения **я** и окончания **-у**, а грамматическое значение предл. п. выражается предлогом **в** и окончанием **-е**». Непонятно, причем здесь местоимение *я*. Оно не играет никакой роли. Опустим его: получится *учусь*. Академическая «Русская грамматика» прямо указывает, что «в изъявит. накл. формальное выражение наст. и буд. (простого и сложного) вр. связано с личными формами. Показателем значения 1, 2 или 3 л. служит флексия, одновременно имеющая значение ед. или мн. ч.» (Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. § 1516. С. 634 и далее).

Опытным морфологам не раз приходилось исправлять в учебной и научной литературе ошибочность этой школьной, давно устаревшей позиции. «Признание того, что сочетания глаголов с личными местоимениями создают аналитическую форму лица, необходимо повлечет за собой целый ряд ошибочных представлений. <...> Местоимения же *я, ты, он* в предложении выполняют самостоятельную функцию, являясь подлежащими, не имеют признаков служебных слов и, следовательно, не образуют с глаголом единой аналитической формы» (Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора: учеб пособие для студентов-филологов. М., 1991. С. 119–120). В современной практике преподавания грамматики совершенно недопустимо смешивать способы выражения морфологического и синтаксического 1-го лица (персональности). Эта **словоизменяемая** категория, ее глагольные формы лишь «в предложении согласуются с соответствующими формами местоимений» (Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. 4-е изд., стер. М., 2007. С. 333).

В п. 6.4. «Способы выражения грамматических значений» при анализе внутренней флексии как такого способа автор данного пособия чрезмерно увлекается историей русского языка, рассказывая о позициях редуцированных, что не отвечает задачам дисциплины «Введение в языковедение», но, если уж эта информация включена, то вызывает недоумение, почему автор ни слова не говорит об исторических основах таких грамматических чередований в других языках, прежде всего романо-германских, для которых аблаут и умлаут являются важнейшими характеристиками грамматического изменения слова.

На с. 100 в п. 6.6. «Морфологические процессы» Н.Н. Низаметдинова представляет морфологические процессы с позиции диахронии и указывает всего лишь два из пяти: переразложение и опрощение, то ли намеренно забывая, то ли по незнанию истории вопроса не включает в данный перечень еще три процесса, а именно: аналогию, агглютинацию и грамматизацию (подробнее об этом, например, см.: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010), и не следует той терминологии, которая использована в первоисточнике (работы ученых Казанской лингвистической школы). Если продолжать тему трансформации морфемного

членения основы слова в его истории, то автор пособия не включил в данный перечень и процессы декорреляции и усложнения основы, которые, несомненно, должны были быть указаны в этой части.

Автор забыл в разделе грамматики, особенно там, где говорится о частях речи, осветить важную проблему переходности частей речи (субстантивация, адъективация, адвербиализация и прономинализация) и хотя бы бегло дать характеристику исторической изменямости частей речи и их грамматических категорий, как это принято в регулярной вузовской практике (например, в лекциях доц. А.Ф. Дружининой, проф. Л.Ф. Копосова).

Пп. 6.8–6.9 («Грамматика»: Синтаксис. Понятие о словосочетании и предложении. Типы синтаксических связей. Типы предложений) не показали способности автора сжимать информацию в логические блоки без потери теоретической глубины. «Необходимый минимум» стал примером упрощенчества за счет научности, т.е. полнейшим примитивизмом.

Начнем с определения основного термина раздела: «Синтаксис [...] – это 1) часть грамматического строя языка, которая охватывает словосочетания и предложения; 2) грамматическое учение о словосочетании и предложении» (с. 104). Несмотря на то что *основными* единицами традиционного синтаксиса действительно являются словосочетание и предложение (объекты изучения), само определение этого раздела грамматики (предмет изучения) намного шире своего объекта, и в вузе (и даже на заочном отделении) оно не может звучать так ограниченно, как во втором-четвертом классах начальной школы. Кроме основных единиц, синтаксис занимается структурой и семантикой многих других сочетаний слов и словосочетаний: фразем, фразеологических единиц, сверхфразовых единиц, синтагм, прямой и авторской речи, внесистемных сочетаний (например, вводных и вставных конструкций, обращений) и т.д. Мы не говорим уже о том, что основным объектом и предметом современного синтаксиса является *текст*. Это настолько очевидные факты современной повседневной науки, что они находят отражение в определениях учебников даже для 5 класса средней школы. Например: «Синтаксис – это раздел науки о языке, в котором изучаются *словосочетание, предложение, текст* (здесь и далее выделено нами. – А. Б., Ю. К., О. Н.), а также правила их построения» (Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / [Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. М., 2012. С. 56). И то, что в учебнике для пятиклассников вынесено в позицию дополнительного знания – «правила построения», – для студента-филолога является основным предметом изучения. Изучать синтаксис – это значит рассматривать именно способы соединения языковых единиц в более крупные, речевые, устанавливать законы их сочетаемости. Такое понимание отражено не только в специальных энциклопедических источниках, но и в нормативных толковых словарях, например у С.И. Ожегова: «Синтаксис, а, м. 1. Раздел грамматики – наука о *законах* соединения слов и о *строении* предложений. 2. Система языковых категорий, относящихся к соединениям слов и

строению предложений» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд., стер. М., 1990. С. 716).

Блестящее определение синтаксиса, вполне приемлемое для нынешних заочников, дано еще в учебниках для абитуриентов и студентов-филологов прошлого века: «В современном понимании синтаксис – это раздел грамматики, в котором описываются *способы* соединения слов в словосочетания и предложения, *типы* словосочетаний и предложений, *их значения, функции*, а также *характер и виды отношений* между словами в словосочетании, между словами и словосочетаниями в предложении» (Современный русский литературный язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2116 «Рус. яз. и лит. в *нац<иональной>* школе / под ред. Н.М. Шанского. 2-е изд., перераб. Л., 1988. С. 516). Обратим внимание, как в одной дефиниции схематически для учащихся национальных школ пересказан весь раздел учебника, показан охват проблематики. Действительно, нельзя у взрослого филолога формировать представление, будто слова образуют только словосочетания, а в построении предложения участвуют только словосочетания.

На доступном и студенту, и преподавателю МГОУ электронном ресурсе www.znaniium.com предложены несколько десятков учебников и учебных пособий по синтаксису. Вот где преподаватель может проявить себя как талантливый педагог, собрав всю современную научную информацию и, не умаляя научности, сжать ее в приемлемые для заочника краткие блоки информации, соответствующие возрасту обучающихся и компетенциям (ведь автор пособия Н.Н. Низаметдинова ссылается в предисловии на ФГОС новейшего поколения).

На с. 104 при описании типов синтаксической связи в словосочетании автор пособия также указывает лишь три типа связи, представленных в современном русском языке, и не вводит еще два типа, свойственные неиндоевропейским языкам, – *изафет* и *инкорпорацию*.

Н.Н. Низаметдиновой не сделано принципиального отличия между «сочетанием слов» и «словосочетанием», ни слова не сказано о формальной структуре (словосочетания простые и сложные), принципах выделения словосочетания из предложения. Не сказано даже в виде перечня примеров, что нельзя считать словосочетанием, кроме аналитических форм будущего времени глагола. Между тем нетвердое осознание, ЧТО есть словосочетание и КАК его выделить в тексте, – *основная* проблема всех студентов и школьников, быть может, более серьезная, чем классификация по типам подчинения.

В книге нет хотя бы в виде простого перечня примеров таких терминов, как свободные и несвободные словосочетания, фразеологические сочетания, «типизированные словосочетания» (В.В. Виноградов).

Мы не согласны с весьма неточным определением согласования, при котором «зависимое слово ставится в том же роде, числе и падеже» (с. 105). Этот лобовой тезис, особенно вызубренный наизусть, не позволяет квалифицировать как согласование такие словосочетания, как в *балетных школах* (нет категории рода), у *трех коллег* (у зависимой словоформы нет категории

рода и числа). Сравните: «Согласование – это подчинительная связь, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме господствующего слова в роде, числе и падеже (*новый дом*), либо в числе и падеже (*новые дома*), либо только в падеже (*дом-башня, ясли-новостройка*) и означает собственно определительные отношения» (Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 2002, § 345).

При характеристике управления речь идет только о глаголах в роли главного слова. Как в таком случае квалифицировать словосочетание «слабый духом», «талантлив в математике», «управление персоналом»?

В этой части раздела также *не указано*, что

- грамматическая связь словоформ в словосочетании выражается с помощью окончаний, предлогов и порядка слов;
- в словосочетаниях могут выражаться определительные, объектные, обстоятельственные отношения (программа подготовки к ЕГЭ);
- по характеру главного компонента словосочетания делятся на именные, глагольные, наречные и местоименные (программа 6-7 классов средней школы).

Определение термина *предложение* в рецензируемом пособии («грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», с. 105) выглядит точно так же, как и в указанном учебном пособии под редакцией Н.М. Шанского (с. 529), и во многих других учебных и научных изданиях, с той лишь разницей, что перед ним или после следует указание на источник, а именно: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 347.

С немногочисленными примерами в этом параграфе тоже беда, хотя, казалось бы, что может быть проще для опытного преподавателя-филолога, чем подбор примеров из классики для таких понятий, как односоставное, двусоставное, распространенное (и т. д.) предложения. Однако и здесь нарушен важнейший принцип аутентичности текста, что для учебников и учебных пособий недопустимо, так как, во-первых, учит студента небрежности; во-вторых, искажает саму суть параграфа о предложении как *законченной по смыслу, интонационно и грамматически мысли* автора.

Итак, на стр. 108–109 приведены следующие иллюстрации:

Распространенные предложения: «По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит...». У А.С. Пушкина: *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит, Колокольчик однозвучный Утомительно гремит* (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л., 1977. С. 309). Указанный автором пособия пример, согласно принятому в МГОУ основному учебнику по современному русскому языку под ред. П.А. Леканта и в соответствии с академической «Русской грамматикой», не является примером *простого* предложения. Это несамостоятельная предикативная часть сложного бессоюзного предложения. **Двусоставные:** «Поэзия моя держава, я вечный подданный ее». В этом примере М. Светлова отсутствует автор-

ское тире в первой части сложного предложения. **Односоставные:** «Еду, еду в чистом поле...». Это сложное предложение из пушкинского стихотворения «Бесы» очень колоритно своей образностью: *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин...* Смысловая нагрузка приходится именно на вторую часть со сказуемым-звукоподражанием и на знаки (точку с запятой между частями – эмоциональная пауза; многоточие в конце бессоюзной конструкции – краски образа лирического героя, его страха, замирающей от ужаса и восторга души). Как можно разрушить форму такого стиха ради «односоставности»? Не повезло и Б.Л. Пастернаку. В его примере «исправлена» грамматическая ошибка: энергичная окказиональная трансформация великого поэта «открытЪя» заменена в рецензируемом пособии на «правильный» девербатив «открытИя».

Анализировать последнюю главу – седьмую (с. 110–117) о классификации языков – крайне сложно. В ней нет представления о многообразии языков мира, не приведены различные основания классификации языков, не освещена проблематика генеалогической классификации языков, не указана базовая теория А. Шлейхера, без которой представление о генеалогии языков нельзя сформировать. Дана только индоевропейская семья, при этом не мотивировано отсутствие в пособии других языковых семей; показана излишняя информация о прародине индоевропейцев, которая не обязательна в данной дисциплине, а базовые стандартные моменты, как то: развернутая генеалогическая классификация, четкая дифференциация в ней живых и мертвых языков (с. 114 – хеттский, например) – не освещены. Не включены в пособие структурные классификации языков по фонетическим, синтаксическим и лексическим основаниям, приведена только морфологическая классификация.

В данной работе отсутствует раздел о теориях происхождения языка, эти вопросы традиционно входят в экзаменационный список вопросов по дисциплине.

Подведем итоги нашего анализа.

Первая черта данного пособия – стандартная компилятивность, сжатое и примитивное изложение научных основ языкознания, хрестоматийные примеры (*бить баклуши, положить зубы на полку, закадычный друг*, с. 84; *do – dedi* при объяснении сложения основ, с. 98; *ни-нака-ква* – «я мясо ем», с. 117). Автор пособия не смог найти более оригинальных примеров, а поместил те, которые уже включены в классические пособия по дисциплине.

Вторая особенность этого пособия заключается в отсутствии культурной традиции и философии отечественного языкознания и в подмене ее почти конспективным, тезисным и тематически неполным пересказом лекционного материала.

Третья черта пособия заключается в том, что в нем нет ни единого оригинального абзаца, свидетельствующего бы о том, что автор стремится включить высокие идеи лингвистики в русло новейших разработок отечественных и зарубежных ученых. В нем нет никаких имен, указаний на разработчиков новых перспективных направлений в лингвистике, теорий и дискуссий, которые прошли в науке за последние десятилетия. Без этого невозможно приобщение студен-

тов к актуальной методологии языкознания и реализация той конечной цели, которая всегда стояла перед настоящими учеными – просветительство. Но даже и традиционные, сложившиеся разделы языкознания, такие как фонетика, лексикология и синтаксис, трактуются с упущением коренных проблем.

Четвертая черта рецензируемой работы – отсутствие цельности и системности в изложении языковых фактов, поэтому пособие не отвечает своей главной учебной и методической цели – *формированию лингвистического лица студента* (А.А. Реформатский). После прочтения книги понять, что язык – это система, в которой все элементы взаимосвязаны, у читателя не получится. А ведь формирование системного взгляда на язык и есть задача дисциплины «Введение в языкознание».

В небольшой по объему книге есть незначительные, но досадные опечатки: на с. 90 упоминается немецкий лингвист Франц **Вопп** (правильно: Бопп), на с. 103 в одном случае неправильно указано имя знаменитого лингвиста: «А.А. Пешковский» (правильно: А.М. Пешковский).

С технической стороны рецензируемое пособие далеко от совершенства: в разноразмерном курсиве даются как сами примеры, так и их определения, что не принято в стандартах учебной и научной литературы, или же наоборот: латинский термин и его толкование даются не курсивом и без кавычек (с. 54 и др.); в кратких исторических экскурсах автор то указывает страницу издания, то опускает: «Выдающийся датский ученый Отто Есперсен (1860–1943) писал: “Язык есть... человеческая деятельность с целью сообщения мыслей и чувств”» (с. 11–12 анализируемого пособия), а ниже (с. 12) при цитировании Ф. де Соссюра: «...позволяющий ему объективировать эти комбинации» (Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977, с. 52); «...у Ломоносова «междуметие»... (М.И. Ломоносов «Российская грамматика»... (с. 103 рецензируемой книги). Эта небрежность наблюдается во многих местах книги (с. 62, 86, 103 и др.).

Показательно, что итоговый список литературы в пособии заимствован без изменений из Рабочей программы дисциплины «Введение в языкознание», которая составлена профессором Л.Ф. Копосовым, доцентом Ю.В. Кореновой и старшим преподавателем О.В. Ряховской для студентов факультета русской филологии МГОУ как очного, так и заочного отделений, направлений «Филология» и «Педагогическое образование»; не приведены ссылки на актуальные сетевые ресурсы, кроме курса лекций В.П. Даниленко, поисковые системы и научную периодику; «дополнительная литература» предельно кратка и не структурирована.

В требованиях ФГОС филолога-бакалавра по направлению 450301 «Филология» входят такие компетенции:

- способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);

- способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития филологии (ОК-2);

- способность демонстрировать представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии в целом и ее конкретной (профильной) области (ОПК-1);

- способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области общего языкознания, теории и истории основного изучаемого языка (языков), теории коммуникации (ОПК-2);

- владение навыками подготовки научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографий по тематике проводимых исследований, приемами библиографического описания; знание основных библиографических источников и поисковых систем (ПК-3).

По направлению 440301 «Педагогическое образование» следующие:

- способность использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения (ОК-1);

- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4).

Реализация указанных компетенций в пособии Н.Н. Низаметдиновой **отсутствует**.

Итак, рецензируемое «Введение в языкознание» Н.Н. Низаметдиновой не может быть квалифицировано как учебное пособие *университетского* уровня. Дальнейшее переиздание такой работы считаем крайне нежелательным ввиду наличия профессиональной несостоятельности подготовленного текста, его очевидной компилятивности и неполного соответствия целям и задачам дисциплины «Введение в языкознание».

В библиотечном абонементе МГОУ имеются яркие, подлинно просветительские учебники разного уровня «сложности»: от нескольких изданий «Введения в языкознание» А.А. Реформатского до современных учебных пособий Т.И. Вендиной («Введение в языкознание», 2001 – имеет гриф учебного пособия), Л.И. Осиповой («Введение в языкознание», 2013 – имеет гриф учебника), Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, М.В. Гордина («Основы общей фонетики», 2004 – имеет гриф учебного пособия), в том числе учебников и разработок по теории языка профессоров МГОУ Л.Л. Нелюбина, Г.Т. Хухуни и других современных авторов, заслуживших в науке прочную репутацию ученых и уважаемых педагогов. Именно такими книгами мы и рекомендуем пользоваться студентам очного и заочного отделений.

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РУССКИЙ БУКЕР – 25: [МАТЕРИАЛЫ ОБ ИСТОРИИ ПРЕМИИ] /
[АВТ. ПРОЕКТ И ОБЩ. РЕД. И. ШАЙТАНОВА; ВСТУП. СТ. М. КЕЙНА;
РЕД.-СОСТ. М. ПЕРЕЯСЛОВА, Е. ПОГОРЕЛАЯ]. М.: БОСЛЕН, 2016. 751 с.**

Написать об этой книге в университетский «Вестник» захотелось сразу: внимание привлекли слова Аластера Нивена («Британский Букер: Портрет эпохи») об активном сотрудничестве Фонда премии с университетами. Изучение истории премии входит в обязательный курс некоторых британских университетов, и это решение мне представляется разумным и полезным. С 1995 года курс лекций по современной литературе с опорой на Букеровскую премию читается в Университете Джорджтауна (Вашингтон). Романы лауреатов изучают и в нескольких университетах Индии.

А что же Русский Букер? В списках лауреатов – имена тех, кого можно считать современными классиками: Владимир Маканин, Георгий Владимов, Людмила Улицкая, Василий Аксенов. Букеровскими открытиями стали ныне известные Ольга Славникова, Михаил Шишкин, Рубен Давид Гонсалес Гальего, Денис Гуцко и др. Вниманием не обделены не только финалисты, но подчас и «отверженные» – в силу этой самой «отверженности».

Премии сопутствует несколько проектов. «Букер открывает Россию» появился в 2003 году. В рамках проекта литературный секретарь премии Игорь Шайтанов и лауреат премии 2002 года Олег Павлов посетили Пермь и Екатеринбург (21–25 октября). За пять дней состоялось 14 встреч с читателями, представителями культурной и университетской общественности.

В 2004 (18–24 апреля) они же – в Тюмени и Тобольске по приглашению ТюмГУ. О. Павлов выступает на телевидении. И. Шайтанов читает лекции по проблемам современной литературы в зеркале «Букера».

В 2005 (19–25 сентября) И. Шайтанов и Василий Аксенов, лауреат премии 2004 года, – в Воронеже и Тамбове. Связь с университетами укрепляется, поскольку ход поездки обеспечивают не только координаторы «Открытой России», но и профессора: М. Попова – в Воронеже, Н. Потанина – в Тамбове.

Практика выездных встреч возобновляется в 2015. И. Шайтанов читает лекции в университетах и библиотеках Вологды, Пензы, Ростова-на-Дону. Хорошо бы, чтобы яркие встречи были не одноразовыми, но хватает ли у местных преподавателей с немалой учебной нагрузкой сил, времени, желаний?

За пределами книги осталось продвижение премии за пределы России: 23–27 октября 2016 года – в рамках проекта «Букер в университете» – И. Шайтанов и лауреаты премии Елена Чижова и Александр Снегирев провели ряд встреч в Лондоне и Оксфорде.

В 2004 с целью привлечь внимание молодежи к современной литературе учреждена премия «Студенческий Букер». Ее инициаторами выступили Благотворительный фонд «Русский Букер» и Центр новейшей литературы Российского государственного гуманитарного университета. Куратором проекта стал директор Центра Дмитрий Бак. Победителя премии определяет жюри, в составе которого – пять студентов и аспирантов РГГУ, написавших лучшие эссе об одном из романов «длинного списка». Первым лауреатом «Студенческого Букера» стал Андрей Геласимов с романом «Рахиль».

В 2005 в проект включаются участники из Санкт-Петербургского университета. Лауреатом избран Дмитрий Быков за роман «Эвакуатор» с формулировкой: «За мастерство и изобретательность в разработке самой актуальной и самой противоречивой темы, существующей в современной российской действительности» (с. 508). Думаю, что и для наших студентов великим приобретением стало бы умение качественно читать, формулировать и аргументировать и – писать эссе.

В 2006 конкурс расширяет свое представительство за счет участников из МГУ им. М.В. Ломоносова. Выбор победителя тогда совпал с решением большого жюри: Ольга Славникова, роман «2017». Формулировка, как обычно, свидетельствует о проницательности и ироничности студентов: «За лучший роман-испытание для современного читателя».

В 2007 году к столичным присоединяются студенты Перми. Традиционно хороший выбор – «Бог дождя» Майи Кучерской (у большого жюри в тот год был «Матисс» Александра Иличевского), достойная формулировка: «За смелое решение – честно и эмоционально обсудить с читателем важную для нашего времени проблему духовного поиска» (с. 546).

В 2008 (благодаря переходу в электронный формат) проект стал общероссийским: в нем могут участвовать студенты и аспиранты всех вузов страны. С тех пор идет расширение географии. В 2015 начинается системное сотрудничество с университетами Томска, Кемерово, Владивостока и др. Участвуют ли или будут участвовать в проекте наши студенты? Помимо прочего, привлекательно необходимо для всех нас профессиональное расширение контактов.

Данная книга показывает грандиозность всего премиального проекта с небывалой подробностью и полнотой. Внимая, получаешь уроки организации проекта: затронуты все сферы, включая финансовую. Буквально видишь деловое и организационное ста-

новление «Русского Букера», его продвижение – весьма затратное и трудоемкое. Высокий уровень профессионализма необходим во всех сферах и на каждом этапе работы.

Психологически очень непроста система премирования. В книге показана сложность «резания по живому» – постоянного отсечения (длинный список, короткий список), чтобы в результате остановиться на одном романе, который никогда не одобряют все. И. Шайтанов подчеркивает с самого начала: «Любой, кто соглашается работать в премиальном жюри, должен снять с полки Маршака и зазубрить сказку о дедушке, мальчике и осле (“...Глянь-ка, – толкует до сужий народ, / – Дедушка едет, а мальчик идет” и т.д.), принять ее как высшую мудрость и прекратить жалобы» (с. 10).

Первый раздел книги – «Четверть века в букеровском зеркале» – открывает монтажный материал о начале и первых годах премии «Между двух культур. Повествование с документами и воспоминаниями участников (1992–1996)»: воспоминания вдовы основателя Русского Букера сэра Майкла Кейна – баронессы Эммы Николсон, небольшие мемуары профессора Джеральда С. Смита, критиков Аллы Латыниной и Льва Аннинского.

За ними следуют материалы по истории Русского Букера, написанные И. Шайтановым: «Пора перемен: Букер-1997» и «Букеровские скандалы. Из воспоминаний литературного секретаря премии».

Две литературоведческие статьи осмысливают явление букеровского романа: «Свободная форма. “Букеровские” заметки о философии современного романа» Евгения Абдуллаева и «Непарадный сравнительный портрет. Финалисты Русского Букера 2014–2015» Олега Кудрина.

Без какого-либо преувеличения книга – школа рецензирования, ведения диалога и полилога (на букеровские события в прессе откликаются многие), школа критики и полемики. Редакторы-составители проделали гигантскую работу, проследив «Хронику Букеровских событий» (третий раздел книги) с 1992 года по 2016. Хроника, отражающая ежегодную жизнь премии, четко структурирована. Ее разделы:

- хронология событий (объявление о конкурсе, лонг-лист, шорт-лист, вручение премии),
- попечители премии,
- жюри (дается памятная цитата из речи председателя, список членов жюри),
- победители (емкая цитата из критики лауреата и финалистов),
- новое в организации и условиях премии (те или иные обновления происходят постоянно),
- проекты премии,
- «Русский Букер в зеркале прессы» (здесь представлен ряд ярких высказываний о каждом из романов финала).

Составителями «Хроники» стали Мария Переялова и Елена Погорелая. Помимо профессионализма, их подход отличает ироничность и чувство юмора. Отбор цитат тяготеет не к пафосности, а к интересным эффектам в результате мастерского монтажа.

Любопытно наблюдать, как один из рецензентов – подчас довольно-таки злобно – унижает очередного

лауреата или конкурсанта, а другой показывает если не величие того, то значительность вклада в литературу (не всего простого для интерпретации). Так, о Михаиле Шишкине и его «Взятии Измаила» (2000) читаешь: «Роман, выигравший эту премию, представляется мне сочетанием безвкусных, мало связанных между собой предложений, которое написало существо, напрочь лишенное каких бы то ни было признаков литературного дарования» (с. 388). Мне всегда казалось, что подобного рода описание «существо» в большей степени характеризует критика, нежели героя. И составители никогда не дают второй реплики такого типа. Следующая непременно будет контрастной: «Жюри выбрало фантастически, неправдоподобно прекрасный роман» (с. 389). Лев Данилкин назовет роман «эталонным» и объяснит, почему «Взятие Измаила» является романом о языке: «...Шишкин сумел выделить стилистические матрицы, все те стилистические образцы, которые за все время существования языка отложились в письменной литературе и фольклоре» (с. 390). Насыщенными будут и дальнейшие разборы, ибо в много ругаемом обыкновено есть, что объяснять: «Это не канонический исторический роман, а скорее роман-метафора, роман-палимпсест <...> Это первозданный хаос, медленно оформляющийся в романное слово репликами первых персонажей» (Николай Александров, с. 392); роман «словно подвел итог (пост)модернистской технике письма, воплотив в себе разнообразные способы экспериментирования с художественным материалом» (Сергей Оробий, с. 392–393).

Перед нами разворачиваются дискуссии литературных критиков и профессоров-ученых о художественных достоинствах романов в единстве их актуальной тематики и авторского стиля. В умело извлекаемых составителями отрывках есть сочные детали (букеровские подробности колоритны), и – в полную силу звучат пронзительные ноты; у А. Немзера, например: «Справедливость явила свое лицо. Никогда в литературном сообществе я не встречал такого единомыслия, как после оглашения короткого списка “Русского Букера десятилетия”. Люди, с которыми я привык спорить, говорили то же, что и я. Мы не только ждали награждения романа Чудакова – мы в это верили... Настоящие праздники случаются редко – но все же случаются. Одаривая нас надеждой – как и роман Александра Чудакова» (с. 648).

Рецензированию есть у кого учиться. О романах «Букера» пишут Вячеслав Иванов, Семен Липкин, Лев Аннинский, Ирина Роднянская, Павел Басинский, Александр Архангельский и др.

Много чему можно научиться и у организаторов ежегодной Букеровской конференции. С 2002 года это один из важных проектов премии. Он позволяет выносить на обсуждение проблемы литературной жизни и русского романа, в частности. В первый год своего существования конференция состоялась дважды – при объявлении о начале процедуры («Словесность и коммерция») и при ее завершении («Автор и редактор»). Далее концентрировались на центральной для дискуссии в этом году проблеме.

«Литература в эпоху СМИ» (2003).

«Роман ли то, что я пишу?» (2004).

«Литературная премия как факт литературной жизни» (2005).

В 2006 состоялся вечер 15-летия Русского Букера с участием финалистов П. Алешковского и О. Славниковой.

«Роман и библиотека» (2007).

«Букеровский роман: искушение массовостью» (2008).

«Роман: проект или прозрение?» (2009).

«Литература: электронная форма бытия или небытия?» (2010).

В 2011 обсуждали короткий список премии «Букер десятилетия» (2001–2010).

«Литературный момент или литературный процесс?» (2012).

«Современный роман: идеология или философия?» (2013).

«Хорошо ли сделан современный русский роман?» (2014).

«Роман в толстом литературном журнале» (2015).

«Букер и русский роман» (2016).

Журнал «Вопросы литературы» печатает расшифровки почти всех конференций (номера выпусков «ВЛ» и адрес ссылки в книге указан). По-моему, здесь – залежи материалов для спецкурса/ов по роману и современному литературному процессу.

В 2013 году открылся еще один проект премии – «Грант на перевод». Для привлечения внимания к современной русской литературе за рубежом банк «ГЛОБЭКС» учредил грант на оплату перевода на английский язык и издание в Великобритании произведения одного из финалистов премии «Русский Букер». Первый грант получила Маргарита Хемлин за роман «Дознаватель». «The Investigator» в переводе Мелани Мур вышел в издании «Glagoslav». В 2015 книга была вручена мужу писательницы, скоропостижно скончавшейся незадолго до торжественного события (24 октября). Роман был отрецензирован в англоязычном обозрении «Мировая литература сегодня», выходящем в США. Такого рода динамичность характерна для всех проектов Букера.

В 2014 грант на перевод получила Наталья Громова. Роман «Ключ. Последняя Москва» переведен Кристофером Калвером и опубликован («Moscow in the 1930s») в том же издательстве «Глагослав». Он был представлен на торжественной церемонии юбилейного 2016 года.

В 2015 победителем гранта на перевод и последующее издание для распространения в Британии стал роман «Жених и невеста» Алисы Ганиевой.

Для наших студентов – переводческого отделения, в первую очередь, пример этих самых современных переводов неоценим. Взяв оригинал и перевод профессионала – носителя языка, учишься многому.

Интересен в этом плане и опыт Международной Букерской премии («Man Booker International Prize»). До 2015 года премия вручалась раз в два года писателю из любой части мира, пишущему на любом языке, за совокупность его литературных достижений. С 2016 премия вручается ежегодно за перевод произведения (романа или сборника рассказов), опубликованный в Великобритании на английском языке. Денежный приз (50 000 фунтов) делится пополам между

автором и переводчиком. Премия нацелена прежде всего на продвижение искусства перевода.

Отмечу, что в Британии культурно-социальные привилегии победителей премии шире, чем у нас. Прежде всего, романы экранизируются: «Ковчег Шиндлера» («Список Шиндлера» – название этого романа в Штатах) Томаса Кенилли, «Английский пациент» Майкла Ондатже, «Последние распоряжения» Грэма Свифта, «Остаток дня» Кадзуо Исигуро, «Жизни Пи» Янна Мартела. Кроме того, по романам ставятся спектакли и телеспектакли. Романы Хилари Мэнтел «Волчий зал» и «Внесите тела» адаптированы Королевским шекспировским театром.

Хороша британская часть книги. О том, как возникла Букеровская премия, рассказал сэр Майкл Кейн (1927–1999), инициатор создания и первый Председатель Комитета премии «Русский Букер». Британский Букер, напомню, существует с 1969. Во втором разделе, ему посвященном, представлена уже упомянутая мной статья Аластера Нивена (в переводе Елены Луценко) и статья Ольги Джумайло.

Аластер Нивен прекрасно показывает панораму событий: «Букеровская премия создала портрет английской литературы последних пятидесяти лет, быть может даже не подозревая об этом» (с. 147). Он отмечает, что до 2013 года «эта характеристика не была исчерпывающей из-за отсутствия в общем реестре произведений американской литературы, но теперь это упущение исправлено...» (с. 147).

Коснусь момента обсуждения жанров и направлений: «...Букеровская премия отразила в своих коротких списках большое разнообразие современных тенденций серьезной литературы – постмодернизм, постколониализм, “фэکشн” (от англ. faction: fiction + action – смешение реальной истории с ее альтернативными вариантами), магический реализм, городской роман, роман о нетрадиционной любви, фэнтези. Помимо этого существует научно-популярный роман или детективный – в некоторых романах, получивших премию, есть черты и этих жанров» (с. 147).

Подход Аластера Нивена отличается широтой во всех отношениях, например: «Не знаю, насколько это справедливо в отношении России и стран СНГ, но на Западе и во многих уголках бывших европейских колоний авторы решительно протестуют против идентификации их произведений по национальному или жанровому признаку. Они прежде всего писатели, а потом – афроамериканцы, австралийцы или авторы исторических романов» (с. 150).

Он упоминает и об излишней настороженности, ведь страхи часто оказываются напрасными. Так, в 2014 году в литературных кругах Великобритании большие опасения вызвало решение номинировать на премию писателей из Америки. «Затоптали» ли номинанты из Штатов, ввиду их огромного количества, номинантов из Великобритании? Отнюдь нет. Как свидетельствует автор, «после внесения этой поправки в правила премии победителями становились вовсе не американцы, а авторы из Австралии и с Ямайки, коренные жители стран Содружества» (с. 152).

Читая Аластера Нивена, понимаешь, почему премия «Букер» занимает лидирующие позиции в мире. Они думают о читателях. Из ошибок извлекают уроки. Рас-

смастривают противоречия как движущую силу развития. Вовремя модернизируют правила. Во благо общего дела объединяют усилия всех: управленцев премии, умело поддерживающих литературный процесс, экспертного пиар-агентства Колмана Гетти, которое уже много лет занимается продвижением премии.

Ольга Джумайло в статье «Британский Букер, или Событие литературы» справедливо говорит об отличии Букера от других двухсот пятидесяти литературных премий Великобритании. Букер определяет современный художественный канон и не забывает о необходи-

мости спектакля. Четко структурированная статья касается вопросов репутации премии, скандала (скандал формирует «журналистский капитал», с. 164), формата, фактора экзотики, истории, гендера.

Баронесса Николсон в статье «Решившийся на успех» вспоминает первые слова Майкла Кейна, обращенные к ней при известии о крушении советской империи: «Русский роман – его нужно спасти и продолжить. Это главное – русский роман» (с. 12). У книги – открытый финал.

И.А. Никитина

*кандидат филологических наук, зав. литературной частью
Вологодского молодежного экспериментального театра-студии «Сонет»*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»
КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ: МОНОГРАФИЯ / [С.Ю. БАРАНОВ (РЕД.), Т.Н. ВОРОНИНА,
С.Х. ГОЛОВКИНА, Е.Н. ИЛЬИНА, С.Н. ПАТАПЕНКО, Ю.В. РОЗАНОВ, А.В. ФЁДОРОВА,
Н.Л. ФИШЕР]. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. 191 с.**

Монография «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” как вологодский текст» представляет собой разноаспектный семиглавный анализ произведения, по многим критериям признаваемого рубежным в русской советской литературе 60-х годов. «Пограничность» повести определяется как временем ее появления – в продолжение споров о специфике и задачах «деревенской прозы», обострившихся после опубликования «Вологодской свадьбы» А. Яшина, так и особой позицией в контексте творчества автора, который после «Привычного дела» был «привычно», хотя и не без полемики, признан одним из главных литературно-художественных экспертов современной деревенской жизни. Эстетически и типологически поддерживая терминологизированное явление нового (70-е годы) концепта «вологодская школа», повесть В.И. Белова становится как объектом пристального внимания, понимания и интерпретации, так и субъектом утверждения понятий «вологодская школа», «вологодский текст». Выявлению критических перипетий «рождения» повести (введение, глава 1), анализу особенностей функционирования, эстетической и онтологической специфики текста (главы 2, 3, 4), а также характеру рефлексий на произведение, вписанное в широкую культурную традицию (главы 5, 6, 7) посвящена данная монография, которую можно назвать беспрецедентно разноаспектным и непривычно-специфическим исследованием «Привычного дела» В.И. Белова.

Важным концептуальным положением главы 1, посвященной отражению повести «в зеркале литературной критики 1960-х годов» (Ю.В. Розанов), видится фиксация проблематики повести не только в поле

«сельской жизни своего времени», но и в определении «народной судьбы, народной нравственности, крестьянского мировоззрения» (с. 30). Затрагивается исторически важный, актуализировавшийся значительно позже вопрос о жизнеспособности архетипического образа коренного деревенского жителя (прежде всего – образов Ивана Африкановича и Катерины): что это – «мираж во второй инстанции» (В.И. Гусев), который не способен адаптироваться к изменениям российских реалий (урбанизация, мегаполизация пространства и сознания), – или «песнь песней о прародине» (И. Золотусский), «герой драмы и “праведник”» (Вс. Сурганов), которому откроется если не Царство Божие, то – будущая долгая жизнь как на страницах литературных произведений, так и на постсоветских пространствах Русского мира?

Обсуждение этих аспектов происходит в последующих главах монографии. В частности, глава 2, рассматривающая мир крестьянской семьи в повести (С.Х. Головкина), анализирует не только традиционную семейную структуру в интерпретации автора, но и специфику понимания любви (оппозиция «горячая–холодная»), функциональные роли, детско-родительские отношения (где естественный недостаток внимания порождает особую привязанность), а также склонность к матриархальности («семья в художественном понимании Белова должна иметь сильное женское начало», с. 35) и другие гендерные отношения, отражающиеся в особенностях речи персонажей, основанных на специфике говора.

Глава «Люди и вещи» (А.В. Фёдорова) сосредотачивает внимание на способах решения «одной задачи: сформировать представление о человеке, о его

типических и индивидуальных свойствах, ценностных ориентирах, нравственных установках, эмоциональных проявлениях, поведенческих особенностях» (с. 53). Широкий спектр «вещных» интересов главы захватывает и такие нематериализованные аспекты, как этимология фамилии главного героя (мужская, практически фаллическая семантика слова «дрын»), «неовещественные предметы» (например некупленные, но необходимые «валенки», которые сын «все измолот», с. 76), другие, располагающиеся в сфере дефицитности от «привычного безденежья», предметы, а также концептуальные для понимания философского и художественного мира повести «мыслеобразы» главного героя (Смерть в образе вселенского потопа, смысловые обертоны гидронима Черная Речка и др.). «Номинативная семантика элементов «вывихнутой» действительности» других произведений В.И. Белова (с. 79) обсуждается в конце главы, что придает всей главе яркий метафорический колорит.

Глава «Город и деревня» (Т.Н. Воронина) посвящена изучению заявленной в названии стереотипной для деревенской прозы оппозиции в ее этическом и эстетическом воплощении. Рассматривается также пространственно-временная организация повести, система персонажей, также организованная в оппозиционную («город–деревня») структуру; интересны наблюдения о городской «свободе» и сельских «трудовых зависимостях», когда отсутствие последних «порождает безответственность и равнодушие» (с. 91). Городская и деревенская жизнь анализируется и в их ритмических проявлениях, где «покою и правильному тихому ритму деревни противопоставлено линейное аритмичное беспорядочное движение города» (с. 94). Очень актуальным видится связь концепта «город» с образом «запредельного мира «роскошного жития и веселия», так настойчиво популяризируемого в современных аудио-, видео- и других околотовирусных пространствах. Артикулированный в главе «выход за границы своего круга», который потенциально как бы повышает статус персонажей, в современном звучании превращается в «выход за пределы круга своих потребностей», что грозит полным разрушением границ не только пространственно-временных, но и личностных, что чревато последующим полным саморазрушением и деактуализацией. Оппозиция «внешнее (город) – «внутреннее» (деревня) подкреплена идеей о необходимости сохранения границ, так как опосредованный «город» не в состоянии обустроить конкретный внутренний душевный мир («деревня»), если разрушение этих границ сопровождается установлением общей среднестатистической атмосферы «не то – не сё» (в современном градозидательном варианте может быть проиллюстрировано этически и эстетически нивелированной атмосферой «поселков городского типа»).

Глава 5 – «Карнавальный смех и его «фигуры»» (С.Ю. Баранов) – рассматривает «Привычное дело» в контексте бахтинской теории карнавала, ориентируясь на вариант «опосредованного влияния некоторых карнавальных элементов, создающих некое «карнавальное восприятие мира» (с. 108). «Фигурантами» карнавального дела выступают как описанные трагикомические ситуации (сватовство Нюшки, мытье в холодной бане, подача воды на ферму, пьяные днев-

ные пляски посреди деревни и др.), так и персонажи, в большей или меньшей мере поддерживающие карнавальные нарушения этических запретов. Центральной «фигурой» рассмотрения становится Иван Африканович, метафорически представляющий образ «народного тела», существованием обязанного именно карнавальности (с. 114). «Народнотелесность» Ивана Африкановича явлена через разнообразие материализаций, центральными из которых становятся многодетности «неуёмный эротизм» (с. 111) – как залогом «семейного, родового, коллективного бессмертия, торжества жизни вопреки конечности отдельного человеческого существования» (там же). Кроме того, достаточная размытость индивидуальности, «отдельности человеческого существования» главного героя (в рационалистическом, западном понимании) становится лишь относительно субъектной автономией, противопоставленной стремлению «раскрыться через коллектив». Отмечается полемичность утверждения об «автономной личности» Ивана Африкановича, которая тяготеет, по мнению некоторых исследователей, к личности коллективной, метафорически близкой «живой клетке, из которой продуцируется разрастающийся... образ «народного тела» в повести» (с. 111). Анализируются и другие «субкарнавальные» персонажи (такие как Митька Поляков или Мишка Петров), приближающиеся к образу трикстера, но проявляющие свое трикстерство неоднозначно, как и другие «карнавальные» вариации в повести с весьма некарнавальным названием.

Главы 6 и 7 помещают «Привычное дело» в несвойственные деревенской тематике обстоятельства – в контекст художественного перевода (гл. 6, Е.Н. Ильина и Н.Л. Фишер) и кинематографической интерпретации (гл. 7, С.Н. Патапенко). Тот и другой аспекты предполагают соавторство писателя и интерпретатора, что в случае с прозаическим наследием В.И. Белова осложнено ярким «локальным колоритом» и обилием индивидуальных обертонов смысла. О сложностях художественного перевода на немецкий язык – глава 6, причем под «переводом» подразумевается в том числе поиск и нахождение средств для адекватной интерпретации национальной картины мира, где художественный текст становится «репрезентацией ее индивидуально-творческого освоения» (с. 126). При этом «национальное» в случае «Привычного дела» уточняется до «регионального», что создает как дополнительные трудности, так и определенные «красоты» в исполнении переводческих кульбитов при передаче нетривиальных смысловых единиц. И если одним из важнейших тезисов, определяющих философскую задачу написания «онтологической прозы» В.И. Белова, можно считать задачу преодоления «отчуждения народа от собственных культурных источников» (с. 126), то задач у исследования Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер – сразу две: сокращение дистанции между элементами русской диалектной картины мира и современного понимания этой картины для последующего перевода, а также поиск кратчайших языковых путей для нахождения аналогов в пространстве обоих диалектов. Кроме того, «поэтическое повествование» В.И. Белова при переводе требует глубокого погружения в эмоционально-образную систему средств

обоих языков, что ставит дополнительные этнопсихологические проблемы соответствий в рамках русской и немецкой ментальностей. Наряду со многими увлекательными сюжетами интерпретации Времени, Пространства, Символики и других столбовых характеристик, особое внимание обращает раздел «Субъекты диалектной картины мира». Интересно деление на «мужской» («Кануны» «Плотницкие рассказы») – и «женский» («Привычное дело») мир беловской прозы, а также анализ способов создания в тексте и отражения в переводе специфической северной женской доминанты. Любопытно, что даже современным российским читателем такая доминанта часто воспринимается как несомненная архаика, тогда как именно эта особенность организации семьи в «Привычном деле» Белова рождает драматические и даже трагические переживания героев (тоска по матери, жене, невосполнимость утраты в момент ухода). Это не совсем понятно при неноминальном главенстве мужчины, традиционно и огульно приписываемом «ладу деревенской жизни», когда не учитывается разница традиций оседлого северного (славянского) и мобильного – часто более южного, но в данном случае – воинского (германского) образа жизни, на котором и делается исследовательский акцент (с. 144).

Тем не менее, при всей искусности переложения мелодии повествования «Привычного дела» на немецкий, отмечается неизбежность потерь – прежде всего фонетических и грамматических, а также связанных с разницей диалектной картины мира В.И. Белова и современного представления об этой картине как русских, так и европейских читателей (с. 159). Что неизбежно в случае работы с роскошным образцом «вологодского» – и, хочется добавить, – «беловского» текста.

Завершает монографию глава 7 – «Кинопрочтение повести “Привычное дело”» (С.Н. Патапенко), которая анализирует вышедший в октябре 1971 года фильм режиссера М.И. Ершова «Африканыч», созданный по мотивам повести В.И. Белова «Привычное дело». Обсуждаются ролевые и функциональные распределения в постановочной группе, событийная структура фильма по эпизодам, сценарий фильма, режиссура, актерские работы, а также «характер изъятий» при выборе материала для визуализации. Важ-

нейшими являются наблюдения над спецификой редуцирования определенных пластов текста, а именно – образно-мифологического, создающего пространство для представления о «разветвленности характеров и судеб», об их драматической нелинейности, поэтичности развития сюжета и даже его трагической незавершенности («У Белова произведение заканчивается жесткой сценой на кладбище... В фильме он возвращается в деревню, и дети встречают отца у дома» (с. 174). Характерно игнорирование линий детского сказочного восприятия мира, а также важной для изображения целостного крестьянского мира главы «Рогулина жизнь». Кроме того, отмечается, что фильм – по сравнению с повестью – более новеллистичен, но при этом, как ни странно, менее драматичен, эмоциональная интонация некоторых эпизодов (например сцена получения справки для паспорта) – «умилительно-благостная», а других – «назидательно одномерная» (тайная заготовка сена), когда намеренно упраздняется трагический диссонанс в сознании главного героя. Герой при этом теряет свойственную ему «живизну» и противоречивость, что в некотором смысле облегчает принятие его некоторой частью зрителей, не настроенных видеть в деревенском Африканыче гамлетовские терзания и страсти.

В целом киноинтерпретация повести содержит как событийный, так и бытийный компоненты проблематики, но все же оправдывает подзаголовок «по мотивам повести» и существует в виде «по-своему интересной истории», которая достаточно дистантна и не ставит задачу приближения к беловскому тексту как основную. Она «неравномащтабна своему литературному источнику» (с. 181), но, безусловно, любопытна как вариант освоения простого «вологодского текста» «невологодским киночитателем». Что, кстати, находится в противоречии с целями и задачами коллектива авторов монографии, основным посылом которых видится именно ПРИБЛИЖЕНИЕ к «Привычному делу» В.И. Белова на достаточно интимное читательско-исследовательское расстояние. Без сомнения, в значительной мере такое приближение удалось, результатом чего стало рождение глубокого и «непривычно» разностороннего для деревенской прозы исследования.

В.А. Бурцев

доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и документоведения
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160

Существует большое количество исследований национальных языковых картин мира, а также определенное количество исследований отдельных проблем по фактам художественного языка и множество работ по художественному тексту как репрезентанту национальной картины мира в ее индивидуальности творческом освоении. Однако языковые картины мира жителей того или иного региона, особенно в отношении сопоставимости и переводимости на иностранный язык, описаны гораздо хуже, чем национальные и индивидуальные картины мира. В определенной степени восполняет существующий пробел рецензируемое исследование Е.Н. Ильиной и Л.Н. Фишер «Привычное дело» и проблемы художественного перевода», опубликованное в коллективной монографии «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” как вологодский текст». Концепция картины мира как отражения окружающей действительности используется в данной работе для выявления проблем художественного перевода. Однако и собственно вопросам реконструкции языковой (региональной) картины мира здесь также уделено существенное внимание.

Основной материал для исследования – повесть В. Белова «Привычное дело», в которой, как отмечают авторы, с необыкновенным вниманием к деталям быта и естественной коммуникации описывается образ жизни сельской общины Русского Севера в послевоенное время. Повесть рассматривается в контексте перевода на немецкий язык; переводчик Х. Ангарова. Чтобы иметь возможность учесть индивидуальный авторский стиль перевода, для сравнения привлекается немецкий перевод романа В. Белова «Кануны», сделанный переводчиком Э. Арндтом. Возникают вопросы: почему выбраны для анализа переводы именно этих авторов, существуют ли другие переводы на немецкий язык исследуемых произведений В. Белова? Вероятно, следовало бы ответить на эти вопросы, так как без ответа на них мы имеем исследование, в котором проблемы художественного перевода – это проблемы переводчиков Э. Арндта и Х. Ангаровой.

В рецензируемой работе показано, что в текстах изучаемого корпуса есть такие лексические, морфологические и фонетические черты, которые отличают их от норм литературного языка и объясняются существованием диалектной языковой картины мира (ДЯКМ). Диалектная языковая картина мира определяется как диалектная модель мира, которая «складывается в довольно замкнутом коллективе, отражает региональный характер восприятия и познания действительности, особенности уклада, быта, близости к

природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется кодификацией» (с. 127). В качестве типологических свойств русской диалектной языковой картины мира отмечены ее антропоцентричность/эгоцентричность, связь с вопросами биологического выживания человека, конкретность/утилитарность, прагматичность, стереотипность и экспрессивность (с. 127).

Как показано в рецензируемой работе, проблемы переводимости ДЯКМ на иностранный язык состоят в следующем.

1. В языке перевода в ряде случаев отсутствуют переводные эквиваленты диалектных выражений. Например, в немецком языке для таких слов русского диалектного языка, как *волок*, *осек*, *лыivistый*, *овинник*, *отводок*, *став*, переводных эквивалентов не существует. Даже если в языке перевода такой эквивалент в принципе имеется, он не обязательно содержит именно те компоненты значения, которые являются для данного слова специфичными в русском диалектном языке. В результате в языке перевода происходит утрата некоторых компонентов значения диалектных выражений при переводе. Именно так, по мнению авторов исследования, представлены в переведенных текстах некоторые русские диалектные слова, типа *волость*, *целок*, *обряжать*, *росстанная*, *давеча*, *нонче*, *надьсь*.

Проблема переводимости обусловлена целым рядом объективных причин: отличиями в системе языков, различиями в картине мира носителей языка оригинала и перевода, а также несовпадением денотативной сферы языка оригинала и языка перевода.

2. В русском языке включение его диалектных элементов в структуру общеязыкового повествования является эффективным средством решения определенных художественных задач. В Германии также существует региональная литература на диалекте, имеющем обширный слой самостоятельной сельскохозяйственной лексики. Однако этот диалект представляет собой австрийский вариант, который понимается и идентифицируется немецкоязычным читателем как «не совсем свое» или даже как «чужое». Это делает фактически невозможным и недопустимым использование при переводе с русского диалектных слов немецкого языка.

3. Переводчик, который сталкивается с «локальным текстом», должен решать две разнонаправленные проблемы: с одной стороны, он должен передать информацию максимально близко к оригиналу, сохранив при этом стиль авторского повествования и аутентичность речи персонажей произведения, с дру-

гой – адаптировать (или разъяснить) отдельные фрагменты оригинала для лучшего понимания иноязычным читателем. Поэтому для разъяснения переводчик вынужден создавать выражения, не соответствующие действительным фактам языка переводимого произведения. Например, авторы показывают, что переводчик «Привычного дела» дополняет выражением «В. Теркин – выдуманный персонаж поэта Твардовского» переводной текст, чтобы заполнить «ячейки» незнания необходимой информацией: *Мишка не стал доказывать Федору, кто такой был Василий Теркин, и только хитро кривил губу – Mischa unterließes, Fjödor darüber aufzuklären, dass Wassilij Tjorkin eine erfundene Gestalt des Dichters Twardowski war. Er feixte nur ironisch.*

Таким образом, круг проблем, связанных с художественным переводом, авторы очерчивают общим вопросом переводимости ДЯКМ на иностранный язык.

В этой связи главный интерес в рецензируемой работе проявляется к описанию приемов, которыми пользуются переводчики, чтобы обойти проблемы переводимости ДЯКМ на иностранный язык. По сути – содержание работы состоит в описании таких приемов. Так как диалектные черты проявляются на всех уровнях системы языка, то и в рецензируемой работе предлагается описание, аналогичное традиционному, уровневому представлению языковых средств. Основной акцент делается на выявлении и анализе приемов перевода лексической ДЯКМ, т.к. ясно, что именно лексика играет основную роль в выражении мировоззренческих позиций. Однако фонетическому и грамматическому уровням также уделено достаточное внимание – и в специальном месте (с. 130–131), и по ходу работы.

Авторы отмечают, что фонетический уровень ДЯКМ (и словообразовательный (с. 153)) наиболее сложны для перевода. Поэтому при переводе фонетические особенности речи либо утрачиваются (так, например, в переводе упускаются повелительные формы глаголов с модальными частицами, типа *дай-ко, гли-ко*), либо передаются средствами разговорного языка, в частности стяжением и редукцией: *grut – sagste (sagst+du), gehste (gehst+du); севодни – heut; «Нет, не похоже на дожд. Касатки, вишь, под самое небо ударились» – Sieht nicht so aus. Die Schwalben fliegen hoch* (с. 130). Авторы отмечают: «Особая фонетическая форма “дожд” при переводе упускается, фраза заменяется обиходно-разговорной структурой “не выглядит”» (с. 130). Другой способ передать фонетические особенности речи – транслитерации: *ветеринэр – Veterinärin* или новые словоформы с размытым толкованием – *Schauspülerin* (шоу+мойщица). Но такие приемы лишь отчасти отвечают задачам адекватного перевода (с. 130).

На морфологическом уровне также отмечены явления ДЯКМ, и в работе приводятся соответствующие примеры. В частности, обозначены такие явления русского диалектного языка, отраженные в тексте анализируемой повести, как активность суффикса *-й-* в процессе образования собирательных имен существительных (*стожъя, репя*), обобщающий суффикс *-иц-* (*клеверица, займице, пожарице*), консонантно-вокалический постфикс (*прособиралися*), диалектная форма инперфектива (*растоплять*), диалект-

ного перфекта (*чтоб сейчас домой хождено было, кому сказано было*). Однако (как недостаток рецензируемого исследования) можно отметить, что этот материал подробно не анализируется: примеры переводов даны списком, и неясно, где мы имеем переводы в форме адекватных структур, а где – переводы, осуществленные средствами нормативной немецкой грамматики. Нет полной ясности и с тем, что авторы называют адекватными структурами.

В качестве способа перевода ДЯКМ на синтаксическом уровне указано только частое изменение структуры предложения в немецком языке (с. 131) в сравнении с соответствующим предложением русского языка в тексте-оригинале. Однако также неясно – это единственный способ отражения средствами синтаксиса немецкого языка русской ДЯКМ или существуют и другие.

Как уже было сказано, основная часть исследования Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер посвящена описанию лексического компонента диалектной картины мира в повести В. Белова «Привычное дело» (с. 131–154). Понятно, что объем этой части работы соответствует значимости предмета: именно лексика (а не фонетический, морфологический и синтаксический компоненты) создает основу специфики ДЯКМ. Анализ лексики в связи с проблемами художественного перевода проводится в работе по тематическим блокам общей картины мира: пространство и время, субъекты бытия и их характеристики.

1. Проблемы степени реконструкции или искажения временной характеристики ДЯКМ. Ниже следующие примеры иллюстрируют языковые выражения, перевод которых вызывает особые проблемы.

1. *Клюква, хрусткие рыжники, рвать черемуху.* Сложность их перевода в том, что данные выражения обозначают предметы или явления, не свойственные или малознакомые немецкому читателю (с. 132).

2. *Заговенье, пивной праздник.* Сложности с переводом этих выражений возникают, если имеются расхождения в религиозных календарях и связанных с определенными праздниками традициях. Тогда переводчики либо упускают указание на временной промежуток – как в случае с «пивным праздником», либо заменяют точное диалектное обозначение времени, например «заговенье», – на неопределенное указание времени «раз или два» (с. 133).

3. Временной промежуток «день» членится в русской крестьянской традиции с опорой на перечень типичных занятий человека: *до первых/вторых петухов, вставай чаевничать, паужна.* В переводных текстах, по мнению авторов рецензируемой работы, эти отрезки времени описываются механически с помощью типичных для определенного времени дня занятий: *...около печи гоношится – ...wirtschaftet im Haus; ...водрогорядь растоплять; ...блины творить – Sie heizte noch mal, und hatte sie's getan, war doch der Plinsenteig längst übersäuert* (с. 133–134).

4. Особые сложности для перевода вызывают табуированные (эвфемистические) именованные этапов существования каждой культуры и жизни ее субъектов, так как на эвфемизмы накладывается специфическая традиция верования и наивного отражения «враждебных сил» внешнего мира. При использовании в

переводе прямого наименования не только нарушается традиция эвфемизации, но и утрачивается динамика образа. При использовании в переводе эвфемизма возникает не свойственная тексту перевода стилистическая окраска языкового выражения и дополнительно связанные с ним образы, которые не только непонятны иностранному читателю, но и порождают у него ложные представления о культуре русских. Так, отмечают авторы, намек персонажа на старость и смерть ...*унеси лешой и жизнь* переведен в «Привычном деле» фразой ...*wo die Sache stark nach Himmelreich riecht*, создающей непонятный для немецкого читателя образ «ароматизированного» рая, никак не связанный в немецкой картине мира с темой смерти (с. 134–135).

В целом, по мнению исследователей, «восприятие и переживание времени – явление, не подчиненное этноспецифическим канонам, поэтому при переводе не возникает значительных сложностей, даже при наличии диалектных лексем или форм. Отдельные искажения временного сегмента ДЯКМ обусловлены различиями отраженной в лексике языка перевода его этнокультурной традиции» (135).

2. Проблемы степени реконструкции или искажения пространственной характеристики ДЯКМ. Материал этой части иллюстрирует значительные сложности перевода ДЯКМ. Отмечается, в частности, что наибольшим искажениям ДЯКМ подвергается при переводе именовании природного пространства, измененного человеком для его хозяйственной деятельности. Это наименования, связанные со спецификацией именованных полей (*клеверщице, пожни, шипяки*), частей леса (*гари, подсека, стожся, осек*), а также их делений (*прозористые межы, межевой чащобник*). Сложности представляет перевод этнографических именованных отдельных хозяйственных построек с мотивированной внутренней формой (*стайка, конюшня, сеник, навозник, дровяник*), названий частей жилого строения (*сени, ворота, повесть, мост*), а также тропы и элементы народной поэзии (с. 135–140).

В конце этого раздела авторы утверждают, что при переводе на немецкий язык пространственный компонент диалектной языковой картины мира, отраженный в произведениях В. Белова, в значительной мере нивелируется. Произведения В. Белова насыщены специфическими именованиями северной русской, вологодской традиции, они отражают мировосприятие и структурирование пространства, свойственное крестьянину Вологодчины, но иноязычному читателю, в силу объективно возникающих проблем переводимости диалектной речи, они непонятны (с. 140).

3. Проблема степени реконструкции или искажения субъектной сферы ДЯКМ. В субъектную сферу авторами включены названия людей и животных, их характеристики и способы действия (с. 141). В этом разделе детально охарактеризованы диалектные наименования сегмента ДЯКМ «семья», деревенской общины, бытовых действий, семейных и общественных отношений, в частности наименования родства, субъектно-оценочные наименования детей, одиноких и бездетных людей.

Проблемы перевода, по мнению авторов рецензируемой работы, решаются здесь посредством нивели-

рования или транслитерации: *матка, мамушка – Mutter, die alte Mutter, Mamuschka*. Однако при таком способе перевода утрачиваются тонкие оттенки значений, свойственные русским словам.

Интересны наблюдения над переводом номинаций женских персонажей, в том числе их фразовых номинаций и прозвищ типа *девка, баба, жёнка, бабуца, старуха, Катерина, Нюшка, Евстоля, Степановна, Катюшка, Маруся, Дашка Путанка, Надёжка, Тоня и Лиля, молчаливая девка из дальних заозёрных мест*. На этом материале авторам удалось установить ряд тенденций, которым следует переводчик при переводе личных и собственных имен. Это, во-первых, ориентация переводчика при выборе эквивалентной лексемы (*баба, женщина, жена – Weib, Frau*) на ту составляющую значения, которая доминирует в данном контексте. Во-вторых, это тенденция на сохранение в рамках всего текста одной формы имени собственного (*Нюшка – Anka, Евстоля – Ewstolja, Степановна – Stepanowna, Еремуха – Jerjomiha*). Хотя, как показывают авторы, следование этой тенденции неизбежно ведет для немецкого читателя к стиранию различий между именем, отчеством и фамилией. В-третьих, тенденция на использование фразовых номинаций и аналитических способов экспликации оценки, содержащейся в личном или собственном имени. Подчеркнуто, что эти способы перевода открывают возможности наиболее адекватной передачи компонентов ДЯКМ (с. 146).

В работе представлено еще несколько специфических компонентов ДЯКМ, достаточно детально исследованных. Это наименования и характеристики предметов одежды женщин, а также именования и описания поведения женщин. Здесь, как и во многих других частях исследования, в поле зрения авторов попадают не только особенности ДЯКМ, отраженные в повести, но и стилистическая специфика произведения. Понятно, что на первом плане стоит задача определить возникающие проблемы в связи с принципом переводимости ДЯКМ на другой язык. Однако читатель черпает много нового из описания и анализа повести как эстетически оформленного языкового материала и его сопоставлений в этом качестве со стилистическими средствами немецкого языка. Вместе с тем, по нашему мнению, в работе недостает теоретического освещения проблем художественного перевода в связи с принципом сопоставимости.

Сложными для перевода оказываются такие средства художественной изобразительности, как эвфемизмы с размытым значением, а также те, которые авторы характеризуют как намеки, закрепленные исторической традицией, соответствующие этнокультурной специфике тона повествования. При переводе они, в общем-то, не сохраняются, так что диалектный элемент картины мира исчезает. В переводном тексте он заменяется наиболее близким на шкале стилистической окраски – разговорно-бытовым (153).

Особый раздел исследования посвящен проблемам художественного перевода того, что в исследовании отнесено к символике повести В. Белова «Привычное дело». Это сказки, приметы, пословицы, поговорки, в которых закреплены традиции и обычаи жизни северного крестьянина. Здесь основным объек-

том наблюдения является перевод примет и паремий. В целом показано, что эти средства художественного языка повести не представляют особой сложности для перевода. Сложности возникают лишь в коммуникативном плане, например при переводе односоставных структур. Так, при переводе обобщенно-личного предложения русского языка неопределенно-личными структурами немецкого языка утрачивается обобщенность значения: *...потрешь сопель на кулак, пока вырастут – Bis man die groß hat, wischt man sich noch oft den Rotz mit der Faust ab*. Безусловно, это ведет к искажению ДЯКМ, хотя само явление типично в рамках художественного перевода.

В заключении авторы приходят к вполне закономерному выводу, что диалектная картина мира, представленная в повести В.И. Белова «Привычное дело», при переводе в значительной мере редуцируется и трансформируется, так что в план восприятия носите-

лями другой культуры она попадает в значительной степени обобщенной.

О работе в целом можно сказать, что она, безусловно, заслуживает внимания. Очень интересен диалектный материал повести, выявленный и описанный авторами. Также интересны выводы относительно идиостиля В. Белова в использовании диалектных средств языка и изображении ДЯКМ. Новыми являются сведения о специфике языковой картины мира языка оригинала и языка перевода, полученные при анализе художественного перевода повести В. Белова «Привычное дело». Материал исследования может иметь лексикографическое продолжение – в виде словаря особого типа, ориентированного на возможности перевыражения индивидуального словоупотребления в оригинале на другой язык. Наконец, проведенное исследование, несомненно, вызовет интерес не только лингвистов, но и переводчиков.

О.И. Литвинникова
доктор филологических наук, профессор
Каменец-Подольский, Украина

РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160

Названная коллективная монография посвящена рассмотрению одного из наиболее значимых произведений деревенской прозы второй половины XX века, воплотивших в себе особенности региональной культуры. Многоаспектное исследование повести, вне всякого сомнения, будет способствовать углублению представления не только о содержании, но и ее художественном своеобразии.

Не умаляя роли и ценности всех семи глав, составивших монографию, остановимся на одной из них, посвященной проблемам художественного перевода.

Глава четко структурирована: состоит из введения (с. 125–130) и скрупулезного анализа лексического компонента ДЯКМ в повести «Привычное дело» на основе выделенных авторами тематических блоков: «Время» (с. 131–135), «Пространство» (с. 135–141), «Субъекты диалектной картины мира» (с. 141–154), «Символика в повести В. Белова “Привычное дело”» (с. 154–160), где основной акцент сделан на переводимости самих единиц и – как следствие – степени реконструкции или искажения ДЯКМ в тексте перевода; закономерных выводов.

Одну из проблем перевода текстов с локальным колоритом Е.Н. Ильина и Н.Л. Фишер связывают с осмыслением переводчиком ЯКМ автора оригинального текста, посредством чего реконструируется ментальная картина мира жителя того или иного региона. Поскольку специфика ЯКМ требует особого внима-

ния, авторами главы дано определение ЯКМ и подробно рассмотрены два различных подхода современной лингвистики к исследованию ЯКМ, логично придерживаясь *второго* из них, опирающегося на основные положения немецкого философского языкознания и учитывающего при анализе отдельные этнолингвистические особенности русского и немецкого языковых коллективов. Несмотря на то что русский и немецкий языки по своему историческому развитию находятся в относительно близком родстве (индоевропейская семья, синтаксически-аналитический тип) и диалекты играют важную роль в каждом из названных языков, их диалектное пространство таит в себе значительные различия. Прежде всего, перевод произведений с диалектизмами требует от переводчика особо кропотливой работы, «двойного перекодирования» – с диалектного на общелитературный язык, затем на язык перевода с неперменным условием передачи диалектной специфики.

В числе объективных и субъективных факторов успешного перевода авторы главы подробно анализируют степень знакомства переводчиков с русской культурой (перевод романа «Кануны» Э. Арндтом, изучавшим русский язык в университете, и перевод повести «Привычное дело» Х. Ангаровой, проживавшей в России и имевшей возможность погружения в культуру переводимого ею произведения), характеризуют специфику каждого из переводов. Первый –

стройная система отражения быта русской деревни за счет утраты значительной части элементов ДЯКМ, но без разрушения художественного и эмоционального мира писателя; второй – стремление познакомить немецкого читателя с деталями традиций россиян, в частности вологжан, отчасти запутывая смысл переводимого: *Nach alten russischen Kirchenbrauch wurde der vier zigste Tag nach dem Tod gefeiert* – с нарушением общего трагического тона переводом «*празднуют сороковой день*» и под.

Отмечая, что субъективный компонент перевода не влияет в значительной мере на общие факторы наложения «ячеек» ЯКМ, авторы главы рекомендуют учитывать его при анализе переводимости ДЯКМ на иностранный язык и обстоятельно описывают, что должно быть непременно учтено при концептуальном и сравнительно-сопоставительном анализе в процессе перевода с одного языка на другой:

1) утрата некоторых компонентов значения, различия в КМ носителей языка оригинала и языка перевода (переводной эквивалент либо вообще отсутствует: *волок, осек, овинник, отводок, став*, либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит компонентов значения, являющихся для данного слова специфичными: *волость, целок, обряжать, ростанная, давеча, нонче, надьсь*);

2) различия в значении и функционировании диалектов в России (диалектные элементы включены писателем в структуру общезыкового повествования для решения определенных художественных задач) и в Германии (где существует региональная литература на диалекте) делают фактически невозможным, недопустимым использование при переводе диалектных слов;

3) при решении двух разнонаправленных задач: передать информацию максимально близко к оригиналу и сохранить стиль авторского повествования, аутентичности речи персонажей произведения и адаптировать (или разъяснить) отдельные фрагменты оригинала для лучшего понимания иноязычным читателем переводчик дополняет информацию: *В. Теркин – выдуманный персонаж поэта Твардовского* – с целью заполнения «ячейки» незнания необходимой информацией: *Мишка не стал доказывать Федору, кто такой Василий Теркин, и только хитро кривил губу – Mischa unter flieges, Fjodor darüber auf zuklären, dass Wassilij Tjorkin eine er fünden Gestalt des Dichters Twardowski war. Er feixte nu rironisch.*

Реконструкция той или иной ЯКМ, осуществляемая на синхронической основе, в идеале предполагает одновременный охват всей содержательной стороны описываемого языка (любой язык – равноуровневое образование, состоящее из «ряда подсистем, каждая из которых заключает в себе свою картину мира»).

Фонетические особенности ДКМ, фрагментарно представленные в повести В.И. Белова, при переводе или утрачиваются (*дай-ко, гли-ко*), или передаются средствами разговорного языка (стяжение, редукция гласных): *grut – sagste (sagstdu), sevodni – heut*. Или: *Нет, не похоже на дождь. Касатки, вишь, под самое небо ударились – Steht nicht so aus. Die Schwalben fliegen hoch* (диалектная форма *дождь* при переводе опущена). Иногда незнакомые переводчику особенно-

сти диалектной речи транслитерируются (*ветеринэр – Veterinärin*) или передаются созданными словоформами с размытым толкованием, что позволяет считать перевод адекватным.

Убедительно, подробно описаны и прекрасно проиллюстрированы изъяны перевода единиц морфолого-грамматического уровня.

«**Время**» (с. 131–135) содержит тщательное описание «наивной картины мира», в повести В.И. Белова представленной временными характеристиками ДЯКМ (времена года и более детальное их членение, связанное с номинациями хозяйственных мероприятий: *до навозной бы успеть, межумолоки*; периодов праздников, наполненных традициями: *святки, масленица* и т. д.).

Временной промежуток *день* также членится в соответствии с перечнем типичных занятий человека, его наблюдениями за явлениями природы и поведением животных. Доминирующими составляющими именованного *день* являются *утро* и *вечер*, связанные с характером занятости человека, как и другие темпоральные номинации: *до первых (вторых) петухов, завтрак, вставай чаевничать, обед, сумерки, паузна*, имплицитно описываемые: *около печи гоношится – wirtschaftet im Haus; обрядить беспризорных телят* – в переводе передана относительно механическая деятельность утром и/или вечером – «побаловать телят».

Описание явлений природы без использования однословных темпоральных единиц, как правило, оброчно, насыщено тропами, что облегчает возможность поиска эквивалентов для перевода, но может быть чревато для структуры высказывания: *в последней синеве дня плавают касатки – Schwalben jagen hoch im letzten Blau* (в переводе опущено слово *день*).

Особую трудность для перевода составляют выражения типа *еще баба девкой была* (в русском языке за именованными *баба* и *девка* закреплены названия отрезков времени, связанные с точностью и краткостью, сообщающие описанию динамичность). Перевод на немецкий язык – *eure Großmutter war dazumal noch ein junges Ding* – содержит удлинённый текст, где лексема размытого значения *Ding* и дополнительные эпитеты для усиления эмоционального компонента, но динамичность утрачена.

В качестве не менее сложных для переводчика показаны обозначения временного дейксиса, представленные диалектными лексемами: *к завтраму, нонче, вдругорядь*, перевод которых осуществлён по энциклопедическому описанию и контексту с привлечением наречий разговорной речи, что «съедает» диалектную специфику.

Тщательный глубоко содержательный анализ блока «**Время**» позволил авторам главы заключить, что значительных трудностей с переводом темпоральных единиц не возникает, а отдельные искажения временного сегмента ДЯКМ обусловлены различиями отраженной в лексике языка перевода его этнокультурной традиции.

«**Пространство**» (с. 135–141).

Теоретическое положение о том, что ситуация с характеристиками пространства иная, по сравнению с темпоральными единицами, будучи обусловленной

значительными расхождениями в реальной действительности бытия двух этносов: огромные территории, заселяемые русскими, вызвали к жизни отраженную в лексике детализацию именовании сегментов пространства, утилитарную конкретность номинаций строений, иное структурирование хозяйства – все это нашло отражение в оригинальном тексте повести В.И. Белова, подтверждено анализом именовании географических объектов (*лес, поле, река*) и их составляющих (*опушка, поляна, луговина, отруб* – ‘холм, возвышенность’ и т. д.).

Все сильные и слабые стороны перевода показаны на примере лексем *волок* – ‘лесная гужевая дорога, расстояние между двумя населенными пунктами, отрезок пути, лес’ и *колдобоина* – ‘выбоина, рытвина, яма с водой’.

Тщательно проанализированы именовании природного пространства, измененного человеком для сельскохозяйственной деятельности, представляющие особые сложности для перевода (*клевернице, пожни, шипяки; гари, подсека, осек; прозористые межи, межевой чащобник*), именовании жилищ и хозяйственных построек с немотивированной (*хлев*) и мотивированной внутренней формой (*стайка, конюшня, сеник, навозник, дровяник*).

Если ИС *хлев* переведено обобщенным *Stall-Raum für Tiere*, а в отдельных, обусловленных контекстом случаях – с дополнительными характеристиками по типичной для немецкого языка модели словосложения: *Pferde-Stall, Winterstall*, то отсутствие в системе немецкого языка слов для единиц второй группы заставляют в переводе описательные конструкции, созданные по метонимической модели («называние содержимого вместо сосуда»): *im Heuverkrochen* – ‘в сене’, *im Mist waten* – ‘в навозе’, *sich auf die Holzscheite legen* – ‘на поленнице’.

Показаны сложности перевода названий частей жилого строения: *сени, ворота, повесть, мост*, когда при переводе (как видно из текста) детали опущены или же переданы близкими по значению лексемами: *Flur* – ‘коридор’: и он очутился *на полу за дверями*, таким же путем оказался *в сенях* и Мишка – *Er fand sich im Flur auf dem Boden*.

Специфика, связанная с несовпадением объема понятия в русской и немецкой языковых картинах мира, рассмотрена на примере перевода *двор* – ‘открытое пространство возле дома; хозяйственная постройка, пристрой к дому с помещениями для скота и хранения отдельных сельскохозяйственных продуктов; крестьянское подворье в целом’. Отсутствие в семантическом объеме лексемы немецкого языка *Hof* компонента ‘строение для скота’ выражено разным переводом слова в сходных контекстных ситуациях.

Проблемы в переводе вызывают и именовании утвари крестьянского быта: *очеп, рыльник, батог, патчина*. Все они, не имеющие эквивалентов в немецком языке, переведены интуитивно.

Многоаспектные тонкие наблюдения позволили Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер определиться в том, что при переводе единиц, называющих и характеризующих пространство, диалектный компонент ЯКМ оригинала в значительной степени нивелируется, поскольку он, будучи насыщен специфическими имено-

ваниями северной русской, вологодской традиции, отражает мировосприятие, структурирование, свойственное крестьянину Вологодчины, непонятное иноязычному читателю. Наложение картин мира оригинала и перевода выявляет наличие многочисленных ячеек-пробелов, которые переводчик заполняет близкими по семантике, более общими именованями или переводит описательно.

«Субъекты диалектной картины мира» (с. 141–154).

Авторами выделены актуальные для ДКМ составляющие, определяющие субъектную сферу названия людей и животных, их характеристики, способы действия, создающие определенные проблемы для переводчиков, в задачи которых входит не только поиск эквивалентных знаков языка перевода, но и использование различных форм адаптации этнокультурной информации текста для иностранного читателя. Показано это на примере патриархальной крестьянской семьи, определяемой в повести как довольно обширная смысловая единица *родина* с гибкими границами: *земельники, соседские, братья*, перевод которых подчинен логике повествования ‘от общего к частному’: *Nachbarsleute, Nachbarsbruder*. Существующая в семье строгая иерархия обладает и пользуется своими кодовыми языковыми единицами для описания бытовых действий (*обрядиться*) и закрепленными во фразеологии традициями жизнеустройства *через сноп не молотят* – ‘младшую дочь не выдают замуж раньше старшей’ – *über die Garbe drescht man nicht* (дословный перевод не активизирует метафорическое толкование в сознании немецкого читателя). Ядро сегмента *семья* составляют наименования кровного родства: *мать, свой*. Многочисленные производные от них созданы словообразующими суффиксами, что влечет за собой немало проблем перевода, решение которых осуществляется за счет нивелирования или транслитерации (*мамка, матушка – Mutter, die alte Mutter, Matuschka*); тонкие оттенки значений многих терминов родства, особенно – не несущих важной характеристики ДЯКМ, – *теща, деверь* и под. утрачиваются. Номинации представителей старшего поколения – *бабка, бабушка, дед, дедушка* – перенесены в иноязычный текст без изменений или опущены (последнее авторы главы рассматривают как своего рода произвол переводчика). Лишь частично переведены именовании точной степени родства: троюродная *сестра, братан: Großcousine, eine Verwandteoder Grades* (‘родня в третьем-четвертом колене’), *irgendeine Tantevonmir*; диалектное именование крестного отца – *божат* не переведено вообще, что искажает ЯКМ: *...у меня в Воркуте божат у правдом – In Workuta kenne ich ein en Hausverwalter*. Иноязычный читатель не замечает этой редукции, но лексема *божат*, являющаяся неотъемлемой частью локальной КМ вологжан, не знакома широкой аудитории и нуждается в объяснении.

Рассмотрены имена собственные в их многочисленных вариантах, не являющиеся в строгом смысле элементами ДЯКМ, представляющие тем не менее интерес для перевода. Модифицированные посредством суффиксов, в переводе они представлены минимумом вариантов, допускаемых системой суффиксов

для имен собственных в языке перевода: *Нюшка, Аннушка, Анютка, Ванюшка, Иванушка – Anka, Annuschka, Anjutka, Ivanuschka, Ivan*. Различия в «эмоционально-оценочных» суффиксах двух языковых систем компенсируются лексемами с демиинутивным *-chen*: *ребятешки, бабуцы – Kinderchen, Weiberchen, старичонко Куров – der alte klapprige Kurow*.

Для именованя молодых людей: *девки и робята* в обоих языках используются единицы в форме парного фразеологизма с различным порядком расположения компонентов. Авторы рецензируемой главы предположительно видят в этом проявление глубинного концептуального строения ЯКМ, где в русской этнотрадиции ведущая роль отведена женщине, а в немецкой – мужчине (данная специфика отражения мира в категории рода ИС зафиксирована и в именах существительных *смерть* (ж. р.) и *der Tod* (м. р.)). Подчеркнуто, что изображение *мира женщины* в повести «Привычное дело» с ярко выраженной национальной и территориальной специфичностью в тексте перевода сопряжено с решением целого ряда проблем как внутри-, так и экстралингвистического характера, и скрупулезно проанализировано почти все, что связано с этим миром; перевод номинаций женских персонажей повести – общих (*девка, баба, бабуца, женка* и др.), персональных (*Катерина, Естолья, Степановна, Дашка, Маруся*), описательных (*молчаливая девка из дальних заозерных мест* и др.); системы речевых модификаторов, календарных имен, прозвищ (*Путанка, Путанка лешева*), фразовых номинаций (*та, что в сапожках ходит*) и т. д. с не вполне адекватным переводом с русского языка на немецкий в силу типологических различий в системе внутрисловных и аналитических средств экспликации оценки, в то время как перевод фразовых номинаций отличается высокой степенью адекватности.

Авторами отмечен ряд тенденций, правил, которым следует переводчик при описании деталей внешнего облика женщины, ориентированного на ее роли и функции в крестьянской деревенской жизни (*здоровье, сила и работоспособность, материнство*). Характеристики женской красоты в повести, отчасти архаичные для современного читателя, передаваемые диалектными словами, звучащими просто и грубовато, одновременно придающими описанию особую поэтичность. Переводчик в стремлении передать именно эту поэтичность использует единицы разговорного языка. В отличие от восторженно-поэтического описания в повести деталей крестьянских канонов женской красоты, иронично изображены отклонения от идеала: *Добра девка, только ноги дома оставила. Нету, значит, ног-то почти. Как палочки*. Или: *Эта Верка и под гору с батогом ходит*. Конкретность сравнений и метафор, разговорный тон повествования позволяют адекватно передать значения отдельных лексем и смысл всего высказывания в языке перевода.

В переводе единиц, называющих предметы женской одежды и обуви как неотъемлемые детали женского образа (*фуфайка, сарафан, косынка, бумажный платок, резиновые сапоги, боты, катаники*), используются близкие по виду и форме элементы, нередко устаревшие, известные в отдельных районах Герма-

нии с разным семантическим наполнением, потому размытые в своем значении, – «гештальт-слова». Диалектная картина мира искажена желанием переводчика приблизить понимание фрагмента текста носителю языка перевода. Заметные искажения в сфере именованй женской одежды обусловлены отсутствием эквивалента в языке перевода по причине расхождения «предметной традиции культуры».

Комбинация фонетических, морфологических и лексических компонентов ДКМ, умело использованная в повести «Привычное дело» при создании речевого портрета персонажа (старик Куров): *Опеть, чуешь, буржуазники-те шалят с бонбой, а наши прохамкают опеть. Вся земная система в таком напряженье стоит, а наши хамкают*, при переводе сохраняет лишь разговорный стиль общения и отдельные элементы народного словотворчества (*буржуазники-те – Kapitalisten*), утрачивая фактически все локальные единицы: глагол *прохамкают* заменен ФЕ *gucken die Löcher in die Luft* ('в небо пялятся'), *хамкают* – эмоционально-окрашенной грамматической структурой *tunalswärnicht* ('делают вид, как будто нет ничего'), – это дает основание авторам главы для вывода о стирании фонетических особенностей и характеристик речевого портрета персонажа, как и о том, что фонетический элемент ДКМ, активно используемый В.И. Беловым, является наиболее нестабильным и при переводе утрачивается. То же и с диалектным словообразованием: *Забыл, куда портки оклал... обе-ри поминальник от греха*. – Передать специфику префиксальных глаголов аффиксами немецкого языка невозможно.

Все неизбежные разноаспектные изменения ЯКМ авторы главы справедливо связывают с различиями в развитии и формировании систем русского и немецкого языков, доставляющими немало хлопот при переводе.

«Символика в повести В. Белова “Привычное дело”» (с. 154–160).

Перевод описанных в повести традиций и примет жизни северного крестьянина, отражающих опыт общения с внешним миром, преодоление сложностей быта при сохранении веры и надежды на лучшее с иллюзией возможности заглянуть в будущее проанализирован в рецензируемой главе на основе сказки о пошехонцах (пример воспитания детей посредством негативных примеров – отличается особым сочетанием воспитательного и юмористического элементов, когда дети учатся не только терпению, вниманию, но и размышлению), которой в повести отведено самостоятельное место, а инициатива рассказчика передана одному из персонажей, создавая аутентичный в своей диалектной форме фрагмент отражения бытия северной деревни с особым вниманием к деталям описания быта – описанию жилища, утвари, одежды, действий жителей внутри деревни и контактов с соседями, как и характеристике персонажей. Язык сказки отличается образностью и фразеологичностью (*кое-как – mit Ach und Krach*), простой структурой предложений, синтаксическим параллелизмом. Внимание сконцентрировано на именованях персонажей: *пошехонцы – die Poschechonjer*. Само слово *Пошехонье* было символом (и синонимом) захолустья, а *поше-*

хонцы – в русском фольклоре считались туповатыми и недалекими героями многочисленных анекдотов, лубочных картинок: *глупцы для кур; тащат корову на крышу пастись; вгоняют палками лошадь в хомут; мужик рубит сук под собой*. Использовались и: *В трех соснах заблудились; За семь верст комара видели, а комар у них на носу сидел* и др.

В переводе повести имя существительное *пошехонцы* передано транслитерацией *die Leutchen von Poschehonje*, сохраняя тем самым аутентичность сказки, – ее пространственно-временную прикреплённость.

Подробно описан перевод примет, основанных на наблюдениях за окружающей природой, лишенных реальной логической зависимости бытия, не составляющих особого труда для переводчика, поскольку КМ оригинала доступна иноязычному читателю. В подтверждение приведен пример дословного перевода лексемы *ложка*, предмета-приметы смерти в семье (в обеих культурах *ложка* – сложный и дорогой предмет утвари, передававшийся (и передающийся) в семье по наследству). Примета *ложка лишняя стала* в немецкой культуре поддерживается эвфемизмом для ‘ухода из жизни’ – *den Löffel abgeben* (‘отдать ложку’) – перевод облегчает совпадение культурологических ячеек ЯКМ.

Тщательно проанализированы поговорки рифмованных форм, требующие от переводчика креативного решения: *Не было молодца побороть винца – Ist keinen so ein starker Mann, dass er den Schnaps bezwingen kann*. Для сохранения ритма, рифмы и разговорного стиля реплики в переводе использована инверсия с перемещением глагола в начало предложения. Лексема *винцо* в русской ЯКМ является знаком концепта ‘алкогольные напитки’, в то время как его словарный перевод *Wein* в представлении немцев ассоциируется с продуктом из ягод виноградной лозы, поэтому в переводе *Schnaps*.

Интересно описание перевода паремий русского языка, которые, благодаря многовековым контактам культур, нашли свое место в немецкой языковой традиции: *Дорога ложка к обеду – der Löffel ist teuer zum Mittagessen* (включена в словарь пословиц и поговорок немецкого языка с пометой «рус.» и объяснена: ‘о своевременности определенного действия’). Однако, несмотря на существование эквивалентного перевода, Х. Ангарова использовала собственный вариант: *А ведь дорога ложка к обеду, Леонид Павлович – Den Löffel braucht man dem Mittagessen, nicht hinterhen, Leonid Pawlowitsch*, что способствует усилению утилитарного (*brauchtman* ‘нужна’) и временного (*nicht hinterhen* ‘после’), соответствуя вектору направленности повествования на читателя иного культурного контекста и отвечая интенции переводчика. Эмоционально-фигуральные элементы переданы в иноязычном контексте соответствующими эллиптическими структурами предложений и эмоционально окрашенными восклицаниями с размытым ЛЗ, что отвечает

коммуникативной задаче повествования, адресованности контексту бытия читателя-адресата текста перевода.

Осмысление проблем художественного перевода повести В.И. Белова «Привычное дело» позволило авторам главы прийти к определенным логичным выводам:

- системные языковые отличия и несовпадение ментальных КМ носителей языков оригинального и переводного текстов осложнены собственно ментальными представлениями о мире в сознании сельских жителей Русского Севера;

- наибольшие потери при переводе, вплоть до утраты и/или нивелирования единиц, – в сфере фонетики и грамматики, что связано с особой ролью диалектов в немецком языке и отсутствием разговорно-диалектной грамматики в распоряжении переводчика;

- наиболее показательна для анализа лексическая сфера, демонстрирующая расхождения в этноспецифической ЯКМ, при этом собственно диалектные слова не вызывают особых сложностей при переводе в силу обусловленности контекстом художественного произведения (выбор лексемы языка перевода определяется не только близостью ее значения к оригиналу, но и соответствием контексту, что находит отражение в художественно оправданном нарушении последовательности и постоянства в именовании объектов). Отсутствие языковой единицы в языке перевода компенсировано метонимическим описанием или рефразированием;

- на успех перевода влияет стиль автора повести, что ставит переводчика перед фактом лавирования между задачами адекватности перевода и доступности смысла нового текста немецкоязычному читателю.

Авторы рецензируемой главы сожалеют о том, что ДКМ, органично представленная в оригинале повести «Привычное дело», при переводе в значительной степени редуцирована в план восприятия обобщенно понимаемой носителями другой культуры русской языковой картины мира.

Можно по-разному относиться к тому, *что* и *как* представлено авторами, спорить и не соглашаться с ними в чем-то, указывать на не всегда выдержанный стиль изложения, технические погрешности, закрапившие не только в рецензируемую главу, но и вообще в монографию и т. д. Однако бесспорно одно: в целом глава «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” и проблемы художественного перевода» (Е.Н. Ильина, Н.Л. Фишер) являет собой основательное исследование вынесенной в название проблемы, раскрывающее закономерности и особенности перевода художественного текста с русского языка на немецкий язык, актуальное не лишь для теории и практики перевода, но и для общей семасиологии, теории вторичной номинации.

Нет сомнений в том, что рецензируемый труд будет полезен всем интересующимся вопросами перевода специфических текстов, обретет своих читателей и почитателей не только в Российской Федерации, но и за ее пределами.

Л.Ю. Зорина
кандидат филологических наук, доцент
ученый секретарь диссертационного совета Д 999.14.03 ВоГУ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Диссертационный совет по филологическим наукам при Вологодском государственном педагогическом институте/университете существует с 1993 года. Им принимаются к рассмотрению диссертации по двум филологическим специальностям: 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык.

Диссертационный совет К.113.47.01 был открыт при Вологодском государственном педагогическом институте приказом Высшей аттестационной комиссии в декабре 1993 года. Его преемником стал диссертационный совет КМ 212.031.03, открытый в Вологодском государственном педагогическом университете приказом ВАК в октябре 2001 года. Совет действовал до июля 2013 года. В июле 2015 года приказом № 787/НК Министерства образования и науки России утвержден диссертационный совет Д 999.14.03. Таким образом, в 2018 году общий срок действия диссертационного совета составит 25 лет.

В первые два периода (т.е. с 1993 года и с 2001 года) совет принимал к рассмотрению диссертации только на соискание ученой степени кандидата наук. С 2015 года к рассмотрению принимаются диссертации на соискание ученой степени доктора наук и на соискание ученой степени кандидата наук.

Первоначально утвержденный совет являлся межрегиональным советом. Его учредителями были Вологодский государственный педагогический университет, Череповецкий государственный университет, Коми государственный университет и Коми государственный педагогический институт. Впоследствии учредителями объединенного диссертационного совета стали реформированные вузы – Вологодский государственный университет (ВоГУ), Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (СГУ) и Череповецкий государственный университет (ЧГУ).

С момента основания совета в 1993 году в течение десяти лет председателем его была доктор филологических наук профессор *Юлия Викторовна Бабичева*. С 2005 года председателем совета является доктор филологических наук профессор *Гурий Васильевич Судаков*. Ученым секретарем совета до своей безвременной кончины в 1996 году был доктор филологических наук профессор *Анатолий Михайлович Микешин*. С 1996 года по настоящее время ученым секретарем диссертационного совета является кандидат филологических наук доцент *Людмила Юрьевна Зорина*.

Первая защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук состоялась в апреле 1994 г. За истекший период в диссертационном совете было заведено 100 аттестационных дел

соискателей ученой степени. 97 диссертаций защищены успешно. Две диссертации были сняты с защиты по личным заявлениям соискателей. Одна диссертация отведена советом с отрицательным решением. Решения диссертационного совета относительно 97 диссертаций были утверждены Президиумом Высшей аттестационной комиссии. Замечаний ВАК по поводу защищенных диссертаций и оформления аттестационных дел в совет не поступало.

Объединенный диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций работал результативно, с хорошей динамикой. Например, в 2007 году в нем защищено 5 диссертаций, в 2008 году – 11, в 2009 году – 5, в 2010 – 7, в 2011 – 6, в 2012 – 6.

В связи с происходившими изменениями в стратегии и тактике руководящих органов вузы-партнеры вынуждены были с определенной периодичностью обращаться в ВАК с ходатайством о выдаче разрешения на создание объединенного диссертационного совета. В последнем ходатайстве, в частности, говорилось, что объединенный диссертационный совет создается на основе соглашения на базе трех федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего образования: «Вологодский государственный университет» (ВоГУ), «Сыктывкарский государственный университет» (СГУ) и «Череповецкий государственный университет» (ЧГУ). Численность совета – 21 человек, из них 9 докторов филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература и 11 докторов филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Председателем совета был рекомендован заведующий кафедрой русского языка Вологодского государственного университета профессор Г.В. Судаков, ученым секретарем – кандидат филологических наук Л.Ю. Зорина. Все кандидаты в члены диссертационного совета имеют основным местом работы вузы, на базе которых создается диссертационный совет. Каждый кандидат в члены диссертационного совета имеет необходимое количество публикаций в рецензируемых научных изданиях и опубликованные монографии.

Вузы-партнеры имеют широко известные научной общественности достижения в филологических науках: в ВоГУ – 10 докторов наук, в СыктГУ – 6 докторов наук, в ЧГУ – 7 докторов наук. По каждой специальности есть аспирантура, и в настоящее время в ней обучаются аспиранты. В вузах выполняются научные исследования в рамках государственных заданий и федеральных целевых программ, грантов и региональных контрактов и договоров. По данным на 2014 год, в ВоГУ было 25 проектов с объемом финансиро-

вания 11097 тыс. руб.; в СГУ – 19 проектов с объемом финансирования 4449 тыс. руб.; в ЧГУ – 79 проектов с финансированием 11384 тыс. руб. В вузах-партнерах имеются публикации по тематике заявленных научных специальностей. По данным на 2014 год, в ВоГУ изданы 1 монография, 71 статья в рецензируемых научных изданиях, получены 2 свидетельства о регистрации программ; в СГУ – 4 монографии, 2 публикации, учтенные в международных базах, 64 – в рецензируемых изданиях; в ЧГУ – 14 монографий, 2 публикации, учтенные в международных базах, более 70 публикаций в рецензируемых изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК.

Ходатайство о создании объединенного диссертационного совета обуславливалось следующими обстоятельствами:

- необходимостью омоложения кадров: средний возраст специалистов на вузовских филологических кафедрах превышает 40 лет;

- открытием новых гуманитарных специальностей в вузах региона;

- необходимостью повышения квалификации кадров в негуманитарных высших и средних профессиональных учебных заведениях, где филологические дисциплины велись школьными учителями;

- стимулированием научных исследований за счет активизации работы аспирантуры, участия в конкурсах грантов и привлечения дополнительных финансовых средств.

- Вологодская область и Коми Республика с учетом общего количества высших и средних профессиональных учебных заведений, институтов развития образования имеют ежегодную потребность в кадрах филологов высшей квалификации на уровне 7–10 специалистов.

- В организациях, расположенных на территории Вологодской области и Коми Республики, нет диссертационных советов по заявленным специальностям.

Целесообразность функционирования объединенного диссертационного совета мотивируется рядом факторов:

- необходимостью повышения независимости и объективности государственной научной аттестации научных и научно-педагогических работников;

- наличием необходимого количества активно занимающихся научной работой докторов наук;

- удаленностью образовательных учреждений Коми Республики и Вологодской области от крупных вузовских центров, имеющих диссертационные советы по филологическим наукам;

- расположение диссертационного совета в ВоГУ (г. Вологда) удобно как по географическим показателям (Вологда – крупный транспортный узел), так и по соображениям научного приоритета (10 докторов наук, аспирантура по нескольким филологическим специальностям, значительные объемы ежегодных публикаций, регулярное проведение международных и всероссийских научных конференций).

Вологодский государственный университет, избранный в качестве организации, где проводятся заседания диссертационного совета и на сайте которой размещаются информационные материалы, в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней

обеспечивает проведение заседаний диссертационного совета, подготовку аттестационных дел соискателей и иные необходимые условия для работы диссертационного совета, выделяет средства, необходимые для обеспечения работы диссертационного совета. ВоГУ имеет возможность вести аудиозапись заседаний диссертационного совета, а также прямую трансляцию заседаний диссертационного совета в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В ВоГУ есть система проверки использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствований, результатов научных работ, выполненных в соавторстве, без ссылки на соавторов, по направлениям деятельности диссертационного совета.

Все кандидаты в члены диссертационного совета своевременно дали письменное согласие войти в состав создаваемого совета, а также согласие на машинную обработку своих персональных данных.

Состав диссертационного совета по данным на июль 2015 года

1. Судаков Гурий Васильевич, доктор филол. наук, председатель,

10.02.01 – русский язык

2. Чернов Александр Валентинович, доктор филол. наук, заместитель председателя,

10.01.01 – русская литература

3. Зорина Людмила Юрьевна, канд. филол. наук, ученый секретарь,

10.02.01 – русский язык

4. Бараков Виктор Николаевич, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

5. Волкова Наталия Александровна, доктор филол. наук,

10.02.01 – русский язык

6. Волкова Татьяна Федоровна, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

7. Володина Наталья Владимировна, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

8. Грудева Елена Валерьевна, доктор филол. наук,

10.02.01 – русский язык

9. Гурленова Людмила Викторовна, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

10. Егорова Людмила Владимировна, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

11. Ильина Елена Николаевна, доктор филол. наук,

10.02.01 – русский язык

12. Кобелева Ирина Арнольдовна, доктор филол. наук,

10.02.01 – русский язык

13. Кожуховская Наталья Викторовна, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

14. Красильников Роман Леонидович, доктор филол. наук,

10.01.01 – русская литература

15. Лаврова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук,
10.02.01 – русский язык
16. Мелихов Михаил Васильевич, доктор филол. наук,
10.01.01 – русская литература
17. Розанов Юрий Владимирович – доктор филол. наук,
10.01.01 – русская литература
18. Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филол. наук,
10.02.01 – русский язык
19. Смольников Сергей Николаевич, доктор филол. наук,
10.02.01 – русский язык
20. Чуглов Владимир Иванович, доктор филол. наук,
10.02.01 – русский язык
21. Яцкевич Людмила Григорьевна, доктор филол. наук,
10.02.01 – русский язык.

В июне 2017 года Высшая аттестационная комиссия по ходатайству ВоГУ своим приказом внесла определенные изменения в состав диссертационного совета Д 999.014.03. Из состава совета выведены доктор филологических наук профессор Н.В. Кожуховская (по ее личному заявлению) и доктор филологических наук доцент С.Н. Смольников (в связи с уходом из жизни). В состав диссертационного совета введены новые члены: доктор филологических наук доцент Ольга Николаевна Кушнир (СГУ) и доктор филологических наук профессор Галина Николаевна Чиршева (ЧГУ).

За длительный период своего существования состав диссертационного совета изменялся. Помимо тех членов совета, которые входят в ныне действующий его состав, в разные годы членами диссертационного совета являлись также доктора филологических наук Власов Андрей Николаевич, Кошелев Вячеслав Анатольевич, Сухих Игорь Николаевич, Тираспольский Геннадий Исаакович, кандидаты филологических наук Андреева Елена Павловна, Аринина Людмила Михайловна, Баранов Сергей Юрьевич, Богданова Маргарита Викторовна, Вавилова Маргарита Александровна, Кознева Людмила Михайловна.

В открытом в июле 2015 года совете Д 999.014.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и на соискание ученой степени кандидата наук уже защищено 11 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 1 диссертация – на соискание ученой степени доктора филологических наук. Решение диссертационного совета относительно 8 из них уже утверждено Президиумом Высшей аттестационной комиссии. В настоящее время на рассмотрении в диссертационном совете находится еще несколько кандидатских и одна докторская диссертация.

Специалисты, защитившие диссертации в диссертационном совете, успешно трудятся в гуманитарной сфере регионов. Это работники Вологодского государственного университета, Череповецкого государственного университета, Вологодского института права и экономики, Сыктывкарского государственно-

го университета, Петрозаводского государственного университета, Северного (Арктического) федерального университета, Вологодского педагогического колледжа, Каргопольского педагогического колледжа, Сокольского педагогического училища, Вологодского института развития образования, а также учителя школ Вологодской области, работники издательств и департаментов Правительства Вологодской области. За пределами региона (в Архангельске, Кирове, Москве, Петербурге, Петрозаводске, Рязани, Тюмени и др.) также успешно работают специалисты, защитившие диссертации в диссертационном совете на базе Вологодского государственного университета, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина и Череповецкого государственного университета.

Диссертации, защищенные в совете

1. *Яковченко Светлана Борисовна*. Драматургическое начало в творчестве М. Цветаевой.
10.01.01 – русская литература
2. *Кюришнова Ирина Алексеевна*. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII вв. в связи с реконструкцией лексики донационального периода.
10.02.01 – русский язык
3. *Розанов Юрий Владимирович*. Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века.
10.01.01 – русская литература
4. *Тихонов Иван Артурович*. Формы и функции фантастики в русской прозе начала XX века.
10.01.01 – русская литература
5. *Баракова Ольга Витальевна*. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века (на материале книг таможен Северного речного пути).
10.02.01 – русский язык
6. *Пуля Ирина Ивановна*. Образ-миф России в русских романах В.В. Набокова (20–30-е годы XX века).
10.01.01 – русская литература
7. *Шаброва Елена Николаевна*. Структура непроемных глаголов в вологодских говорах.
10.02.01 – русский язык
8. *Смольников Сергей Николаевич*. Антропонимическая система Верхнего Подвонья в XVII веке (на материале памятников местной деловой письменности).
10.02.01 – русский язык
9. *Юдина Татьяна Михайловна*. Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности олонечских заводов конца XVII – начала XVIII вв.).
10.02.01 – русский язык
10. *Мустафина Елена Алексеевна*. Американская тема в русской литературной культуре 1840–1860-х годов.
10.01.01 – русская литература
11. *Титова Елена Витальевна*. Жанровая типология поэм М.И. Цветаевой.
10.01.01 – русская литература
12. *Баландина Алла Александровна*. Лексика иконописи XVI–XVIII вв. (на материале севернорусской и среднерусской деловой письменности).

- 10.02.01 – русский язык
13. *Мелешико Татьяна Альбертовна*. Художественная концепция игры в поэзии Н. Гумилёва («Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан»).
- 10.01.01 – русская литература
14. *Цыцылкина Лилия Анатольевна*. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI–XVII вв. (к проблеме лексико-семантического поля).
- 10.02.01 – русский язык
15. *Винниченко Татьяна Викторовна*. Лексика художественного шитья и украшения ткани в русском языке XVI – первой половины XVIII вв.
- 10.02.01 – русский язык
16. *Головкина Светлана Христофоровна*. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте).
- 10.02.01 – русский язык
17. *Патапенко Светлана Николаевна*. Природа конфликта в драматургии И.С. Тургенева.
- 10.01.01 – русская литература
18. *Караганова Марина Михайловна*. Проблема человеческого существования и её образное воплощение в лирике И. С. Бунина.
- 10.01.01 – русская литература
19. *Борисова Оксана Владимировна*. Терминология судебного дела на Русском Севере (на материале деловой письменности XV–XVII веков).
- 10.02.01 – русский язык
20. *Виноградова Светлана Борисовна*. Номинация водного пространства в творчестве Н.А. Клюева: лингвопоэтические аспекты.
- 10.02.01 – русский язык
21. *Игнатьева Анна Сергеевна*. Л. Андреев в процессе обновления русского реализма.
- 10.01.01 – русская литература
22. *Нефёдова Светлана Николаевна*. Образ природы как компонент поэтической модели мира (на материале произведений В.М. Шукшина).
- 10.01.01 – русская литература
23. *Рублёва Наталия Ивановна*. «Творимая легенда» Фёдора Сологуба как явление русского неореализма.
- 10.01.01 – русская литература
24. *Попова Ирина Николаевна*. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник.
- 10.02.01 – русский язык
25. *Маркевич Ольга Александровна*. Лирика З.Н. Гиппиус: проблема творческой индивидуальности.
- 10.01.01 – русская литература
26. *Прокуратова Екатерина Владимировна*. Книжная и литературная традиция крестьян-старообрядцев Удорского края в конце XVIII–XX вв.
- 10.01.01 – русская литература
27. *Красильникова Светлана Валерьевна*. Литературный процесс на Севере XVIII–XIX веков: жанровая динамика исторической прозы.
- 10.01.01 – русская литература
28. *Урманчеева Ирина Серафимовна*. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области.
- 10.02.01 – русский язык
29. *Бешикарев Алексей Александрович*. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина: проблемы поэтики.
- 10.01.01 – русская литература
30. *Красильников Роман Леонидович*. Танатологические мотивы в прозе Л.Н. Андреева.
- 10.01.01 – русская литература
31. *Рыбакова Ирина Юрьевна*. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом гнезде с этимологическим корнем *BER-.
- 10.02.01 – русский язык
32. *Киров Александр Юрьевич*. Лирический роман в поэзии Н.М. Рубцова.
- 10.01.01 – русская литература
33. *Комлева Наталья Валентиновна*. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков.
- 10.02.01 – русский язык
34. *Широкова Людмила Николаевна*. Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века.
- 10.01.01 – русская литература
35. *Ипатовна Светлана Николаевна*. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия).
- 10.02.01 – русский язык
36. *Фёдорова Анна Вячеславовна*. Персонажно-типологические характеристики образа России в ранней прозе А.Н. Толстого.
- 10.01.01 – русская литература
37. *Монзикова Людмила Николаевна*. Топонимика Вологды и её окрестностей.
- 10.02.01 – русский язык
38. *Максимова Ольга Леонидовна*. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя.
- 10.01.01 – русская литература
39. *Верецагина Елена Николаевна*. Поэзия Арсения Тарковского в контексте традиций Серебряного века.
- 10.01.01 – русская литература
40. *Рыжова Надежда Анатольевна*. Цикл произведений А.М. Ремизова о святом Николае Угоднике («Николины притчи», «Три серпа»): вопросы истории текста.
- 10.01.01 – русская литература
41. *Дружининская Ольга Васильевна*. Лексика бала в русском языке XVIII–XIX вв. (происхождение, семантика, эволюция).
- 10.02.01 – русский язык
42. *Третьякова Ольга Валентиновна*. Современный словарь шоу-бизнеса в структурно-семантическом и функциональном аспектах.
- 10.02.01 – русский язык
43. *Иванова Елена Николаевна*. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV – XV вв.
- 10.02.01 – русский язык
44. *Минюхина Елена Анатольевна*. Фольклорная образность в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».
- 10.01.01 – русская литература
45. *Коровушкина Елена Владиславовна*. Развитие кредитно-финансовой терминологии в русском языке

- второй половины XIX – начала XX в. (семасиологический и системно-структурный аспекты).
- 10.02.01 – русский язык
46. *Громыко Сергей Александрович*. Русский политический дискурс начала XX века (на материале дискуссии в I Государственной Думе 1906 года).
- 10.02.01 – русский язык
47. *Зонова Елена Вячеславовна*. Творчество М.Я. Козырева: поэтика сатирических рассказов и повестей.
- 10.01.01 – русская литература
48. *Дьякова Наталья Николаевна*. Изменения в системе именованной жителей г. Устюжны Железопольской в XVI–XVII вв. (по материалам сотных 1567, 1597 и 1626 гг.).
- 10.02.01 – русский язык
49. *Постникова Наталия Николаевна*. Тема Германии в романах И.С. Тургенева.
- 10.01.01 – русская литература
50. *Чернаков Илья Эльвинович*. Художественная критика И.Ф. Анненского в составе его литературного наследия.
- 10.01.01 – русская литература
51. *Голиков Леонид Михайлович*. Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века.
- 10.02.01 – русский язык
52. *Кузнецов Кирилл Вячеславович*. Доминанты поколенческой проблематики современной русской литературы (по материалам романа «Generation 'П'» В. Пелевина в актуальном контексте «Generation Икс» Д. Коупленда).
- 10.01.01 – русская литература
53. *Полюэю Елена Арвидовна*. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте (по материалам севернорусских говоров).
- 10.02.01 – русский язык
54. *Красушкина Анна Викторовна*. Художественное единство «человек – вещь» в сборнике «Физиология Петербурга» (становление поэтики натуральной школы).
- 10.01.01 – русская литература
55. *Кирилова Елена Алексеевна*. Структура сложных слов в современных вологодских говорах.
- 10.02.01 – русский язык
56. *Васильева Татьяна Валерьевна*. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков.
- 10.01.01 – русская литература
57. *Катаева Ирина Николаевна*. Лексика карточной игры в русском языке конца XVIII – начала XX вв.
- 10.02.01 – русский язык
58. *Чепорнюк Елена Николаевна*. Особенности художественного мира В.М. Шукшина.
- 10.01.01 – русская литература
59. *Бермус Елена Валерьевна*. Повесть А.М. Ремизова «Неуемный бубен»: поэтика, контекст, интерпретация.
- 10.01.01 – русская литература
60. *Кудряцева Ирина Григорьевна*. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имён существительных.
- 10.02.01 – русский язык
61. *Снятков Константин Владимирович*. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса.
- 10.02.01 – русский язык
62. *Соколова Татьяна Игоревна*. Морфологические концепты и терминологическая система их воплощения в грамматических исследованиях Н.И. Греча.
- 10.02.01 – русский язык
63. *Гусева Елена Рафхатовна*. Союзы севернорусских говоров: состав, семантика, структура.
- 10.02.01 – русский язык
64. *Колесова Ирина Евгеньевна*. Функциональная и семантическая дивергенция в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем *-LEI-.
- 10.02.01 – русский язык
65. *Кулябин Артем Михайлович*. Литературно-критическая публицистика периода Великой Отечественной войны (на материале творчества К. Симонова, А. Толстого, И. Эренбурга).
- 10.01.01 – русская литература
66. *Афанасьева Ольга Евгеньевна*. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVII вв.
- 10.02.01 – русский язык
67. *Трикоз Эльвира Львовна*. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века.
- 10.02.01 – русский язык
68. *Крылова Анна Борисовна*. Собираательные имена существительные в вологодских говорах.
- 10.02.01 – русский язык
69. *Чистякова Ольга Александровна*. Филологическая наука и литературная критика в журнале «Вестник Европы» (1890-е гг.).
- 10.01.01 – русская литература
70. *Загребельный Артур Владимирович*. Лексика общественно-политической сферы русского языка XX века в семантическом и функциональном аспектах.
- 10.02.01 – русский язык
71. *Межецкая Галина Николаевна*. Безударный вокализм в елецких говорах.
- 10.02.01 – русский язык
72. *Мельникова Елена Васильевна*. Перцептивная картина мира И.А. Бродского: лингвокогнитивный аспект.
- 10.02.01 – русский язык
73. *Белюсова Алла Игоревна*. Ономастический концепт «Россия» в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект.
- 10.02.01 – русский язык
74. *Драчёва Юлия Николаевна*. Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах.
- 10.02.01 – русский язык
75. *Золотова Вероника Анатольевна*. Объективация и динамика концептов в российских гимнах (XIX–XXI вв.).
- 10.02.01 – русский язык
76. *Неволина Анна Михайловна*. История антропонимов в тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.
- 10.02.01 – русский язык

77. *Белова Валентина Михайловна*. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика.
10.02.01 – русский язык
78. *Штыкова Надежда Викторовна*. Лингво-прагматическая модель общегородской газеты (на материале газеты «Речь» г. Череповца Вологодской области).
10.02.01 – русский язык
79. *Бирюкова Екатерина Олеговна*. Языковая личность в контексте языковой игры (на материале российских ток-шоу).
10.02.01 – русский язык
80. *Минец Диана Владимировна*. Гендерная концептосфера женского мемуарно-биографического дискурса.
10.02.01 – русский язык
81. *Веселова Валентина Александровна*. Культурный мир западника в мемуарах А.И. Герцена «Былое и думы».
10.01.01 – русская литература
82. *Игнатьева Татьяна Викторовна*. Языковая игра в художественной литературе (на материале русской прозы XX века).
10.02.01 – русский язык
83. *Воронина Татьяна Николаевна*. Эволюция творчества А.А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни».
10.01.01 – русская литература
84. *Смирнова Ирина Васильевна*. Морфемная структура имен прилагательных в вологодских говорах.
10.02.01 – русский язык
85. *Андрюкова Елена Анатольевна*. «Московский текст» в творчестве И. Шмелёва (период эмиграции).
10.01.01 – русская литература
86. *Алексеева Любовь Викторовна*. Русское старобрядчество в изображении П.И. Мельникова-Печерского (историко-культурный и художественный аспекты).
10.01.01 – русская литература
87. *Сальникова Ольга Сергеевна*. Речевой портрет ребёнка 5–7 лет.
10.02.01 – русский язык
88. *Заусаев Антон Александрович*. Феномен пространства в путевых очерках П.В. Анненкова и В.П. Боткина.
10.01.01 – русская литература
89. *Волкова Елена Борисовна*. Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла).
10.02.01 – русский язык
90. *Таврина Алена Михайловна*. Типология героев в русской романтической повести 20–40-х годов XIX века.
10.01.01 – русская литература
91. *Ганичева Светлана Алексеевна*. Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингво-географическом аспектах.
10.02.01 – русский язык
92. *Крутова Яна Валерьевна*. Театральная повседневность в мемуарах и беллетристике 1850–1880-х гг.
10.01.01 – русская литература
93. *Дундукова Ангелина Михайловна*. Зоонимы и фитонимы в «Онежских былинах, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года».
10.02.01 – русский язык
94. *Люсий Александр Павлович*. Русская литература как система локальных текстов.
10.01.01 – русская литература
95. *Дементьева Антонина Александровна*. Автобиографическая проза А.М. Ремизова: творческая личность и эпоха.
10.01.01 – русская литература
96. *Смирнов Кирилл Валентинович*. Архетипы в романе И.А. Гончарова «Обломов».
10.01.01 – русская литература
97. *Зубова Нина Николаевна*. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания.
10.02.01 – русский язык

Контактный телефон диссертационного совета – 8(8172)72-91-00.

Почтовый адрес Вологодского государственного университета: 160000, Вологда, ул. Ленина, 15 (тел. 8(8172)72-46-45; e-mail: kanz@mh.vstu.edu.ru).

Сайт Вологодского государственного университета: <http://www.vstu.edu.ru>.

Сайт Сыктывкарского государственного университета: <http://www.syktsu.ru>.

Сайт Череповецкого государственного университета: <http://www.chsu.ru>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Павловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
er-andreeva@bk.ru

Андреева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент (Вологда, Россия)
tatalandr@yandex.ru

Балута Анастасия Анатольевна

доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры романистики и германистики лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
cobra49@yandex.ru

Берг Маргарет Энн

доктор философских наук, доцент Университета Северного Колорадо (Грили, Соединенные Штаты Америки)
margaret.berg@unco.edu

Бурцев Владимир Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия)
ivburcev@yandex.ru

Ганцовская Нина Семёновна

доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова (Кострома, Россия)
gantsovsky_n@mail.ru

Голиков Леонид Михайлович

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (Вологда, Россия)
LGolikov@mail.ru

Гура Ирина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент (Вологда, Россия)
irina.gura35@yandex.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
filfak@list.ru

Калягина Елена Юрьевна

магистр, зав. кабинетом русского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kalabanovaelena@mail.ru

Кевля Фаина Ильинична

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
fkevlya@mail.ru

Кириллова Александра Николаевна

аспирант кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург, Россия)
hist.j.kan@gmail.com

Кирилова Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, преподаватель Вологодского педагогического колледжа, зав. кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Вологодской духовной семинарии (Вологда, Россия)
kirilovaea@mail.ru

Коренева Юлия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
uv.koreneva@mgou.ru

Красильникова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lekrasil@mail.ru

Кузина Наталья Михайловна

магистр педагогического образования, менеджер отдела интеллектуальной собственности и научно-технической информации Управления науки и инноваций Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
natasa2308@rambler.ru

Литвинникова Ольга Ивановна

доктор филологических наук, профессор (Каменец-Подольский, Украина)
litvoli@mail.ru

Лодкина Тамара Владимировна

доктор педагогических наук, профессор, зам. директора по научно-методической работе «Дома детского творчества», академик Международной академии наук педагогического образования (Вологда, Россия)
Lodkina54@yandex.ru

Милнер-Галланд Робин

почетный профессор Университета Сассекса, член Британской Академии (Сассекс, Великобритания)
r.r.milner.gulland@gmail.com

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
olnikitin@yandex.ru

Никитина Инга Александровна

кандидат филологических наук, зав. литературной частью Вологодского молодежного экспериментального театра-студии «Сонет» (Вологда, Россия)
chuinga@yandex.ru

Овчинников Олег Владимирович

доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия)
o.ovchinnikov@narfu.ru

Румянцева Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
smile_like_annie@yahoo.com

Семенова Светлана Александровна

учитель начальных классов средней общеобразовательной школы № 39 г. Вологды (Вологда, Россия)
kirilovaea@mail.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Субботина Инна Витальевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
isub5@mail.ru

Ульянкина Татьяна Ивановна

доктор биологических наук, главный научный сотрудник сектора социологии науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва, Россия)
tatparis70@gmail.com

Урюпин Игорь Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)
Isuryupin78@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva Elena Pavlovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
ep-andreeva@bk.ru

Andreeva Tat'yana Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor (Vologda, Russia)
tatalandr@yandex.ru

Baluta Anastasiya Anatol'evna

Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romanic and Germanic Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University (Moscow, Russia)
cobra49@yandex.ru

Berg Margaret Ann

Ph.D., Assistant Professor, University of Northern Colorado (Greeley, United States of America)
margaret.berg@unco.edu

Burtsev Vladimir Anatol'evich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Document Studies, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)
ivburcev@yandex.ru

Gantsovskaya Nina Semenovna

Doctor of Philology, Professor of Nekrasov Kostroma State University (Kostroma, Russia)
gantsovsky_n@mail.ru

Golikov Leonid Mikhajlovich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russia)
LGolikov@mail.ru

Gura Irina Viktorovna

Candidate of Philology, Associate Professor (Vologda, Russia)
irina.gura35@yandex.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Language Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zorina Lyudmila Yur'evna

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
filfak@list.ru

Kalyagina Elena Yur'evna

M.A., Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
kalabanovaelena@mail.ru

Kevlya Faina Il'ichna

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Vologda State University (Vologda, Russia)
fkevlya@mail.ru

Kirilova Aleksandra Nikolaevna

Post-graduate student of the Department of Modern and Current History at the Institute of History, St. Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
hist.j.kan@gmail.com

Kirilova Elena Alekseevna

Candidate of Philology, Teacher of Vologda Pedagogical College, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences of Vologda Theological Seminary (Vologda, Russia)
kirilovaea@mail.ru

Koreneva Yuliya Viktorovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics at the Faculty of Russian Philology, Institute of History and Philology of the Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
uv.koreneva@mgou.ru

Krasilnikova Elena Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
lekrasil@mail.ru

Kuzina Natal'ya Mikhajlovna

Second year post-graduate student of Vologda State University (Vologda, Russia).
natusa2308@rambler.ru

Litvinnikova Ol'ga Ivanovna

Doctor of Philology, Professor (Kamianets-Podilskyi, Ukraine)
litvoli@mail.ru

Lodkina Tamara Vladimirovna

Doctor of Pedagogy, Professor, member of the International Teacher's Training Academy of Science, Deputy Director for Research and Education of the Center of Children's Creative Work (Vologda, Russia)
Lodkina54@yandex.ru

Milner-Gulland Robin

Professor Emeritus, University of Sussex, Fellow of the British Academy (Sussex, United Kingdom)
r.r.milner.gulland@gmail.com

Nikitin Oleg Viktorovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics at the Faculty of Russian Philology, Institute of History and Philology of the Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
olnikitin@yandex.ru

Nikitina Inga Aleksandrovna

Candidate of Philology, Literary Director of Vologda Youth Experimental Theater Studio "Sonnet" (Vologda, Russia)
chuinga@yandex.ru

Ovchinnikov Oleg Vladimirovich

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Management of the Higher School of Economics, Management and Law, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia)
o.ovchinnikov@narfu.ru

Rumyantseva Anna Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Language Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
smile_like_annie@yahoo.com

Semenova Svetlana Aleksandrovna

Teacher of primary classes of Secondary School № 39 (Vologda, Russia)
kirilovaea@mail.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of Russian History, Vologda State University (Vologda, Russia)
Stoletova-A-S@yandex.ru

Subbotina Inna Vital'evna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Singing and Music Education, Vologda State University (Vologda, Russia)
isub5@mail.ru

Ul'yankina Tat'yana Ivanovna

Doctor of Biology, Senior Researcher of the Department of Sociology of Science, Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
tatparis70@gmail.com

Uryupin Igor Sergeevich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)
Isuryupin78@mail.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
mscherkasova@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 13.09.2017. Формат 60 x 84/8.
Усл. п. л. 14,5. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.

Отпечатано: ИП Киселев А.В.

160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н.